
МЕМОРИАЛ 1812 ГОДА

ВОЙНА ГЛАЗАМИ НАПОЛЕОНА

Великое предприятие, которое должно было решить судьбу Европы, или, лучше сказать, всего мира, готовилось с обеих сторон на фоне ликующих криков. Пушечные выстрелы возвещали в Лондоне об успехах Веллингтона при Сиюдад-Родриго и Бадахозе, русские торжествовали победу Кутузова на Дунае, а мы утешались удачными действиями маршала Сюше в Валенсии. Между тем, объяснения с русскими продолжались, но вместо примирения, они ещё более раздражали обе стороны, касаясь большей частью только второстепенных вопросов [1].

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЙНЫ

Трудно описать картины этой войны более драматично и выразительнее, чем те, которые даны современными писателями. Однако, учитывая необходимость дополнить предложенный ими взгляд, я даю очерк важнейших собственных представлений, рассмотрев их с новой точки зрения.

Я уже изложил часть причин, подталкивающих нас к войне. С обеих сторон они были многочисленными и важными. Некоторые авторы несправедливо утверждали, что российский и французский кабинеты стремились к войне, хотя императоры не желали её. Всем известно, как император Александр составлял петербургский кабинет – также единолично, как и я представлял свой тюильрийский. Публичные причины недовольства служили только предлогом войны, цель её была совершенно иная. Впрочем, необходимо

признаться, что тайное предчувствие важности результатов предстоящей войны беспокоило обе стороны и, если бы можно было последовать только одному личному желанию обоих монархов, дела уладились бы миролюбиво, по крайней мере, на время, но важность спорных преимуществ была, по несчастью, так велика, что трудно было достигнуть мирного исхода. Для этого нужно было уничтожить Венский договор 1809 года и отказаться от присоединения к французской империи устоев Везера, Эльбы и Траве. Странно было бы думать, что это было бы возможно.

Я не только не опасался этой войны, но чувствовал, что она со временем будет необходима и только хотел начать её в удобное для меня время. Я видел в этом единственное средство окончить долгую борьбу, в которой протекла вся моя жизнь. Всякий мог ясно видеть, что Россия была слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную мной систему Европы, во главе которой была Франция.

Здание моей империи слишком отделилось от своего основания, Россия всей своей тяжестью давила его вершину. Александр был моложе меня, исполнен сил и жизни, он пережил бы меня и моя империя распалась бы на части. Мне надо было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы и дать этому новому политическому образованию сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы, когда масса моей империи со всеми моими союзниками будет достаточно сильна, чтобы предпринять подобное насильственное действие. Конечно, оно было сопряжено с опасностями, но я полагал, что оно было возможно и что, кроме того, оно представляло единственное средство полностью обеспечить этот трудный подвиг.

Для выполнения этого плана надо было победить русских и заставить их принять границы, начертан-

ные острием меча. Поставленная мной вне европейской политики и отделенная от Европы 200.000 войск, которые мы могли поддерживать всегда, когда того требовали обстоятельства, Россия могла вступить в союз с Англией не без вреда для нас, потому что она была нам совершенно чужда. К тому же, если бы победа осталась на нашей стороне, Россия не могла бы слишком быстро отступить от Континентальной системы: таким образом, и настоящее, и будущее были бы обеспечены [2]. Война эта была бы последней, потому что за Россией кончается политический мир. Предполагали, что я имел намерение идти в Индию через Персию, я и не отрекаюсь от этого – мне приходила мысль о возможности подобной экспедиции. Но экспедиция эта была обстоятельством второстепенным, совершенно подчиненным главному – в каких отношениях мы останемся с петербургским кабинетом.

Как бы то ни было, но кампания против России стала источником всех моих бедствий: потомство будет осуждать её и хотя оборот событий, который приняли мои дела, не раз заставлял меня раскаяться, я не вижу, как бы могла Франция, рано или поздно, избежать этой войны. Я решил лучше вести её сам, чем завещать её моему преемнику [3].

Конечно, если бы от меня зависело избрать время для войны с Россией с тем, чтобы дела оставались в том положении, которое было установлено Тильзитским миром, я бы охотно отложил её на два или на три года, до окончания испанских дел. Но если бы за эти три года Россия ниспровергла Континентальную систему, эту постоянную цель моей политики? Если бы она угрожающе вооружилась? Если бы она воспользовалась моим отъездом в Испанию, чтобы восстановить против меня Германию? В таком случае я не вижу, чтобы я выиграл, отложив войну, тогда мне

казалось выгоднее отложить на два года окончание испанских дел. Этого времени было достаточно, по моему мнению, для разрешения великого вопроса на Севере, а тогда я мог уже спокойно и наверняка окончить дела на Юге. Посылая ежегодно 25.000 рекрутов в мою испанскую армию, я надеялся сохранить всё то, чем уже мы владели и удерживаться в оборонительном положении. Мне не нужно было больше ничего. Вопрос решался этими двумя рассуждениями. Если я начну с действий на Севере, Юг не мог дать мне серьёзных военных угроз, если же начну с Юга, Север мог восстать и возобновить с большим единодушием врагов положение дел 1809 года [4].

Отложив на два года покорение Испании, я не подвергался никакой опасности и продолжал только малую войну с гверильясами, которые не могли внушить серьёзных опасений. Даже обладая Лиссабоном, Кадиксом, Картагенной и Опорто, я должен был занимать их и не мог бы вывести ни одного человека из Испании в Россию. А между тем английская политика, снова добившись преобладания в Санкт-Петербургском и Стокгольмском кабинетах, могла достичь того же результата в Берлине и даже взволновать Вену в то самое время, когда я атаковал бы торрес-ведрасские позиции.

Я был уверен в содействии Пруссии, потому что она из-за страха сама предлагала мне союз. Заключение мной брака с Марией-Луизой и надежда австрийцев получить хоть какое-нибудь вознаграждение за прежние потери, усиливали надежды на союз с Австрией. Швеция еще колебалась, хотя Бернадот и не принадлежал к числу моих лучших друзей, но он был француз. С нашей помощью шведы могли бы вернуть себе Финляндию, о потере которой сожалело всё королевство. Я полагал, что для получения содействия Швеции, мне достаточно будет указать её войскам путь на Або и Свеаборг [5].

Турция испытала неудачи и вела переговоры, но ничто ещё не подавало повода думать, что они будут скоро доведены до окончания. Я должен был полагать, что только одна уверенность в моём выступлении против России приведёт мысли Дивана к пользе, которую Порта может извлечь из подобных обстоятельств. Если бы я отложил исполнение моего предприятия для действий на полуострове, мне легко было лишиться этих выгод. Взяв на себя новые хлопоты, я мог привести дела в такое положение, которое восстановило бы против меня сомнительных союзников и заставило бы колебаться даже тех, на которых я более всего рассчитывал. Кроме того, я сильно надеялся на удачное окончание этой войны, к которой побуждали меня все вышеизложенные аргументы [6].

Не было недостатка и в возражениях против этого выступления. Хотя многие из лиц, занимавших важнейшие государственные должности и мои генералы, с которыми я советовался, соглашались со мной, но большая часть была против меня, предсказывая тысячи затруднений. Обер-шталмейстер Коленкур, только что возвратившийся из России, где он был посланником, был одним из тех, кто наиболее резко осуждал моё намерение. Он старался доказать, что оно не основано ни на необходимости, ни на моих интересах. Он представил ужаснейшую картину тех препятствий, которые противопоставят нашим успехам русский климат и огромное пространство России, тех преимуществ, которые русский солдат, выросший под суровым небом своего отечества, будет иметь над рождёнными на юге солдатами, вынужденными переносить все эти недостатки. Он предсказывал, что половина наших войск будет лежать в госпиталях, прежде чем мы достигнем главной цели похода. Даже русские лошади были более естественны для действий в этой стране, чем немецкие или нормандские, привыкшие к

обильному, регулярно даваемому корму и не способные одновременно выносить и долгую напряжённую работу, и жёсткий недостаток во всём. Строгая дисциплина, бесстрашие, постоянство и твёрдость этих воинов, которым знамя заменяет всё, дают русской армии такую стойкость, какой не найдешь ни в каких других войсках. Без сомнений, русские подвержены, как и мы, всем случайностям войны, болезням, но болезни в русских войсках случаются реже, чем в других армиях. Побег у них неизвестны, трудно рассеять русский корпус: какое-то врождённое чувство побуждает русского солдата в случае опасности скорее собираться в кучу, чем бежать врассыпную. Свойство это происходит от покорности войск, строгой дисциплины, привычки никогда не оставлять своего знамени и от войн с турками, когда каждый отделившийся солдат гибнет под ударами лихих восточных наездников [7].

Обер-церемониймейстер Сегюр, бывший Французский посланник в России при Екатерине, тот самый, которому Франция была обязана выгодным торговым договором 1787 года, поддерживал всем своим красноречием противников войны, гофмаршал Дюрок также принадлежал к их числу.

Те из моих советников, которые одобряли мое предприятие, говорили так: если мы пропустим случай воспользоваться влиянием, приобретённым императором Наполеоном над его противниками и тем превосходством военных талантов, которое он показал во время войн, пылавших от берегов Немана до Нила, и не сделает Россию неспособной вредить нам, то кто же, после этого великого человека осмелится бороться против усилий Англии, направленных на уничтожение плодов его подвигов? Мы не должны обманывать себя: союз с Австрией есть союз временный, который будет разорван после смерти импера-

тора. Эта держава понесла слишком много потерь и оскорблений, чтобы не восстать против нас после его смерти. Так чего же медлить и не поставить здание на твёрдое, прочное основание, когда к тому представляется случай? Мы ищем не умножения могущества, но стараемся только упрочить настоящее и обеспечить будущее. Что нужно для завершения великого подвига? Недостаточно ли выиграть новое Фридландское сражение на полях близ Вильно? Не должны ли мы надеяться на верную победу, окинув взором прошедшее и многочисленные фаланги, готовые двинуться под нашими знамёнами?

Противники войны опровергали эти доводы аргументированными рассуждениями. Они спрашивали: «Кто же принудит русских дать сражение в присоединённых польских областях, когда собственная выгода заставляет их принять бой не ранее как за Двиной? Неприятель безопасно может уступить нам пограничные области, нам будет также трудно действовать посреди болот Березины, Лепеля и Припяти, как некогда в топях Пултуска и Остроленки. Всякий шаг принесёт новые затруднения, если неприятель во главе с новым Фабием станет медлить и отступать, сосредоточивая свои ресурсы и увеличивая своё могущество. Война 1807 года окончилась удачно, благодаря бесчисленным припасам, доставляемым городами старой Пруссии – Данцигом, Эльбингом, Торном, Браунсбергом, Остероде, Алленштейном, Эйлау, Гутштадтом, Голландом, Бишофсвердом, островом Ногат, именно они обеспечили продовольствием 150-тысячную армию, но литовские городки и деревни, населённые бедными евреями, не представляют никаких удобств ни в части продовольствия, ни для устройства госпиталей и депо, квартирное расположение в них не лучше полевого бивуака.

Благоразумно ли бросить нашу армию в эти от-

далённые пустыни через страны, недовольные нашей территориальной политикой и разорениями предшествовавших войн, и требуя поддержки у побеждённой, ослабленной нами Пруссии провести операционную линию в 500 лье по враждебной стране, которая, подобно пеплу вулканов, скрывает в своих недрах ужаснейшее пламя, готовое вспыхнуть от малейшей искры. В течение этого долгого и опасного похода не поставим ли мы Францию под удары врагов, которые могут снова нарушить внутреннее спокойствие, пробудив дремлющий дух партий? [8]

Все эти доводы и возможные препятствия, без сомнения, были недостаточны, чтобы остановить меня. Я быстро, с первого взгляда, оценивал все возможные трудности, но в то же время и все способы их преодоления: этой способности я был обязан моим постоянным удачам. Впрочем, я должен признаться, что бесперывные пятнадцатилетние успехи породили во мне чрезвычайную самоуверенность, заставлявшую меня слишком настойчиво придерживаться собственного мнения. Я предвидел препятствия, но слишком мало обращал на них внимания, потому что всегда умел их преодолевать. Я знал, что трудно покорить Россию, простиравшуюся до Ледовитого океана и степей Азии, и что мне невозможно было последовать за правительством и армией этой страны, если бы они вздумали удалиться к Уральским горам, но я знал также, что, чем обширнее эта держава, тем больше зависит она от центра своей жизни, а этим центром была Москва, Санкт-Петербург и армия.

Я весьма уважал российского солдата, мои бюллетени и «Монитор» могли иногда заставить думать иначе – я имел на это свои причины. Но, чем больше я уважал это войско, тем больше был убеждён, что самолюбие русских не позволит им очистить Литву, не дав генерального сражения, а если бы

мне удалось одержать между Вильно, Смоленском и Витебском столь же решительную победу, как при Фридланде и Аустерлице, не была ли бы Европа повержена к моим ногам? Давал ли я хоть одно сражение с такой великой целью, такими неисчислимыми последствиями, и большей надеждой на успех? Я решил участь Европы при Аустерлице и Фридланде с 80.000 человек. Было очень вероятно, что я ещё упрочу это положение, имея в своём распоряжении 450.000 солдат. Если бы даже счастьем было угодно, чтобы первое сражение было также нерешительно как Эйлауское, и если потери мои будут более значительны, не оставалось ли у меня ещё 400.000, с которыми я мог бы, наконец, одержать одну из тех побед, какими я в течение последующих двадцати лет подавлял бы моих врагов?

Разумеется, лучше бы было, предоставить моему сыну вести роковую борьбу на Севере, чем умереть в изгнании на острове Св. Елены. Но, когда всё говорило в пользу этого предприятия, когда можно было, некоторым образом, подвести его под простые аргументы передвижения интендантских магазинов, имея полную вероятность победы в сражениях, не казалось ли ошибкой всякое промедление, которое могло изменить в пользу моих врагов благоприятствующие мне обстоятельства? Признаюсь, я был в таком заблуждении, потому что, имея на своей стороне Пруссию и Австрию, считал успех этой войны гораздо более надёжным, чем успех похода 1807 года, когда Австрия могла восстать в моём тылу, между Эльбой и Одером, воскресить мужество пруссаков и лишить меня всякой возможности отступления. Теперь я выступал с соединёнными силами всей Европы, имея основание действий в Данциге, Грауденце, Модлине и Варшаве. Мог ли я ожидать такого губительного окончания моего предприятия?

К этим доводам я добавлял ещё то, что я не боялся духа партий, что как и в предыдущих войнах, я мог управлять империей из моей главной квартиры [9], что императрица будет присутствовать в Совете, и что население Франции, разделённое на три очереди военного призыва, выставит 120.000 первой очереди, состоящей из молодых людей в цвете лет, образованных в когорты, под надзором лучших кадров, взятых из армии, они могли не хуже старых воинов охранять наши крепости, гавани и территорию Франции.

Германия не пугала меня, потому что я вёл с собой в качестве живого залога лучшие, отборные корпуса Австрии, Пруссии и других германских государств. Я не опасался высадки со стороны англичан, занятых войной в Испании и потерявших желание к подобным действиям после неудачной антверпенской экспедиции. Что касается продовольствия, то я мог скупить у поляков хлеб, который они не знали куда сбыть, и вместо вывоза, складировать его в Данциге. Взамен полученных денег Польша выставила бы моментально 50.000 отборных войск. Я закупил бы рогатый скот в Галиции и образовал бы двадцать новых батальонов обоза, чтобы увеличить наши транспортные средства. Пруссия была должна нам миллионы после Тильзитского мира: она уступила бы мне созданные огромные запасы и я, таким образом, оставил бы за собой продовольствия на целый год [10]. Все эти меры успокаивали меня. Мне вовсе не хотелось подражать ни Камбизу, ни императору Юлиану, ни Крассу [11] и я надеялся, что принял все необходимые меры для избежания бедствия, подобного тому, которое их постигло. Я мог потерпеть неудачу и возвратиться на Вислу, но, по моему мнению, я не мог ожидать большого несчастья. Полностью обсудив преимущества и выгоды плана, осталось только рассмотреть, наступило ли время привести его в испол-

нение и нет ли возможности перенести его.

До этого времени стороны ограничивались только слабыми жалобами, неясными объяснениями и сбором войск. Не было недостатка в поводах к войне, но их ещё скрывали, боясь ускорить разрыв, отдаления которого, казалось, желали и император Александр, и я, как бы страшась тяжести его последствий. Я знал, что Россия жаловалась на усиление Варшавского герцогства, на мои новые территориальные присоединения, и, особенно, Ольденбурга. Она желала, чтобы взамен него был отдан Данциг, что же касается герцогства Варшавского, то она не предлагала ничего нового, хотя имела полное право жаловаться и опасаться. Россия давала понять, что единственным средством удовлетворить её было бы буквальное исполнение статей Тильзитского договора, касающихся Польши. Я, со своей стороны, жаловался на несоблюдение Континентальной системы, на новые торговые постановления, противоречащие интересам французской торговли и на концентрацию войск.

Если бы Россия согласилась придерживаться Континентальной системы, я был готов сохранять наши дружественные отношения, потому что эта система уже начинала приносить результаты. Упадок английских мануфактур виден был из-за возмущений рабочих против употребления машин, которые удваивали количество товаров, между тем как не предвиделось никакого расширения сбыта. Нищета рабочего класса достигла высочайшей степени. В самом парламенте Брум говорил, что решения Британского совета были причиной общественного бедствия. Банковские билеты значительно понизились, их вексельный курс в Лондоне упал на 30%. Это обстоятельство ясно показывало отношения Англии и континентальной Европы. Мне тяжело было отказаться от всех преимуществ моей системы в то время, когда я только

начал собирать плоды её. Я должен был предпочесть войну, если бы Россия сблизилась с Англией, потому что в таком случае мог надеяться нанести два удара сразу: во-первых, восстановить Польшу, а во-вторых – принудить ослабленную Россию снова приступить к Континентальной системе. Я надеялся также, что значительные силы, которые я мог выставить, устрашат санкт-петербургский кабинет, и что одного этого будет достаточно для прекращения всех наших распрей [12].

Отступить перед опасностью было бы слабостью с моей стороны, а Александр также решился отказаться от обязательств, возложенных на него Тильзитским договором, основные статьи которого были уже нарушены. Не легче было нам сойтись и в других причинах разногласий. Мне не представлялось уже никакой возможности привести дела в положение, в которое поставил их Тильзитский договор, в связи с присоединением Галиции к Польше.

Между тем, пока анализировались взаимные причины наших разногласий, новые события ещё более усилили их. Скалы Гельгоlanda сделались одним из богатейших складских гаваней Европы, представляя в тоже время политический и военный арсенал. Колониальные товары доставлялись туда под американским флагом, затем по всем берегам от Голландии до Любека распространялись на малых контрабандных судах. Занятие ганзейских городов остановило эту запрещённую торговлю, но для неё оставались ещё открыты Штральзундская гавань и вся шведская Померания, где, несмотря на официальные заверения Стокгольмского кабинета, производились колоссальные торги. Недовольный политикой Бернадота, я приказал Даву занять Померанию в первых числах января. Смешно было бы терпеть контрабанду в шведских гаванях, которые были почти в наших руках, когда

мы уже добились закрытия гаваней России, Дании, Пруссии, Австрии и Испании. Раздражённый Бернадот искал заступничества России и выступил с жалобами на мой насильственный поступок, который был вызван его же действиями. В том положении, в каком мы находилась с Россией, подобный поступок должен был произвести сильное впечатление. Император Александр, уже с 1809 года предполагавший, что я намерен вступить с ним в борьбу, считал эту меру признаком скорого нападения. С другой стороны, благоразумие требовало, чтобы я усилил данцигский гарнизон, потому что в случае войны с Россией, если бы Пруссия приняла её сторону, Данцигу, вероятно, пришлось бы выдержать сильную осаду. Гарнизон этой крепости был увеличен до 20.000 человек. Гарнизоны Штеттина, Кюстрина и Глогау были равномерно усилены. В глазах России это было новым признаком скорой войны: я пролил несколько капель яда на ещё свежие раны и увеличил недовольство России возрастающим могуществом Варшавского герцогства и присоединением Ольденбурга к империи.

Между тем, как курьеры разъезжали по большим дорогам с моими предложениями и ответами российского правительства, в С.-Петербурге заговорили об отправке Нессельроде с новыми объяснениями, а я обдумывал, на что решиться относительно Пруссии. Уже год назад она предлагала мне вступить в военный союз и я думал, что мне достаточно будет сказать одно слово, чтобы привлечь её на мою сторону. Многие полагали, что я не должен был слишком на неё надеяться и что я лучше бы сделал, если бы окончательно уничтожил монархию Фридриха Великого, со всех сторон окружённую моими войсками. Мнение это, хотя отчасти и основательное, но совершенно несправедливое. Прусский король продемонстрировал во всех случаях прямой и благородный характер. Он

смог бы чистосердечно присоединиться к Континентальной системе, несмотря на то, что негодовал на меня за Тильзитский мир, если бы видел в союзе со мной возможность вернуть свою монархию в то положение, в котором она находилась в 1806 году. Конечно, нелегко было изменить чувства народа и войск, впрочем, я мог возвратиться к мысли, предложенной мне кем-то ещё в 1806 году – дать Фридриху Вильгельму или польское государство, или сделать главой Рейнского союза с другими вознаграждениями. Первое из этих предложений было, как мне кажется, самым благоразумным. Не трудно было вознаградить и короля саксонского. Если бы, при начале войны с Россией, я вздумал уничтожить Пруссию, то вынужден был употребить 100.000 человек для покорения и охранения бывшей монархии и добровольно создал бы себе новую Вандею в горах и лесах Силезии. Я решился на среднее – привязать прусского короля надеждой на получение Курляндии и наблюдать его владения 50.000 армией, которая в то же время пополняла бы действующие войска рекрутами.

Признаюсь, что эта принятая мной мера была одним из этих *mezzo termine*, которые ни к чему не ведут, и что, если бы я мог предвидеть неудачу, то предпочёл бы решительные меры. Из-за многих опасений от страны, враждебно ко мне расположенной, я отказался удовлетворить берлинский кабинет. В то же время опасение связать себе руки заботами, которых я должен был избегать, пускаясь в столь важное предприятие, не позволило мне действовать неприязненно против Пруссии. Для меня было уже весьма выгодно то, что я мог пользоваться вспомогательным 20 тысячным корпусом и ресурсами страны, которая легко могла стать в ряды моих противников. Пруссаки были неверные союзники, но я надеялся, что победа удержит их под моими знаменами.

Я поручил Маре, герцогу Бассано, войти в контакт с Круземарком относительно предложений, сделанных берлинским двором. Нам не трудно было согласиться. Союз был заключен и условия его подписаны 20 февраля. Добиваясь моего союза, Фридрих Вильгельм действовал в то же время и в Петербурге, стараясь избежать разрыва и склонить Россию к миролюбивому окончанию конфликта. Его весьма естественные усилия к отклонению бури, угрожавшей увлечь его в пропасть, и невыгодной для Пруссии войны, остались без последствий.

Заключив союз с берлинским кабинетом, я решил сделать последнюю попытку получить желаемое и от России, не прибегая к оружию. Взаимодействие через наших посланников не привело к удовлетворительному результату, а граф Нессельроде, приезд которого ожидали как залога примирения, не явился. Я пригласил флигель-адъютанта императора Александра, полковника Чернышева, находившегося при мне с 1809 года, и поручил ему передать русскому государю моё желание мирно устранить причины разногласий с обеих сторон. Я объявил ему, что готов взять обязательства не присоединять ничего более к Варшавскому герцогству и дать вознаграждение за Ольденбург, так как я оккупировал эту страну с единственной целью прервать торговые сообщения с Англией, но не могу дать Данцига, который вскоре бы стал складом английских товаров, и предлагаю взамен Эрфурт с его округом. Я добавил, что если императору угодно поддержать Континентальную систему, я охотно соглашусь на некоторые льготы в пользу русского купечества при условии, чтобы постановления, противоречащие интересам французской торговли, были бы изменены новым торговым договором. Чернышев отправился с этими предложениями, захватив с собою секретные сведения о наших силах.

Между тем, Австрия также заключила со мной союз, ещё более тесный, чем узы династического родства, связывающие нас. Положение, в котором я находился после Эйлауского сражения, показало мне необходимость объединиться с ней для успеха моего плана: я знал, что родство не помешает вооружённому посредничеству, а мне вовсе не хотелось, чтобы Австрия предложила мне подобное посредничество в то время, когда я углублюсь в просторы России. Венский кабинет опередил мои желания, предложив мне разделить со мною выгоды и тяготы войны: он предлагал мне то, что я, быть может, и не решился бы просить. Союзный договор был подписан 14 марта.

Пока велись эти переговоры, Чернышев скакал с максимальной скоростью и прибыл в Россию 10 марта. Император Александр не нашёл в моём поручении, данном его адъютанту, ничего, что могло бы отклонить его от пути, который он запланировал себе. Привезённые Чернышевым сведения подтвердили мысль о моих силах, хотя, быть может, немного и преуменьшили их, впрочем, ошибка не могла превышать 50.000 человек. Это обстоятельство не могло ни ободрить, ни утратить Александра, так как он уже решился. Объявив приближённым, что он не может больше верить моим обещаниям по поводу Варшавского герцогства, потому что я не выполнил в точности статей Тильзитского договора, и с того времени почти удвоил территории этой польской области, он добавил, что, пока у меня оставалась небольшая армия в Данциге, другая на Одере, а польские союзные войска на Немане, он не может быть спокоен за будущее России и в залог моей искренности должен потребовать не менее как полного очищения крепостей Пруссии равно как и шведской Померании. Следовательно, весьма понятное недоверие стало основанием предложений России, кото-

рые должны были показаться мне тем страннее, что от меня хотели требовать ухода из страны, с которой я только что заключил оборонительный и наступательный союз. Целый месяц русские не давали ответа на посланные с Чернышевым предложения.

Между тем, как в Петербурге рассуждали о войне и готовились к ней, я начал переговоры с Лондоном. Пользуясь выгодным положением, которое доставили мне два важных союза, поставившие почти всю Европу под мои знамена, я хотел сделать Англии последнее мирное предложение, прежде чем бросить ей перчатку и обнажить меч. Англия была первопричиной борьбы, готовой вспыхнуть на Севере. Заключив мир с этой державой, я мог отказаться от Континентальной системы и отложить на неопределённое время дальнейшие мои планы по поводу Польши. Я поручил герцогу Бассано составить ноту с предложением мира и послать её к лорду Кэстльри.

Переговоры уже проводились о судьбе нескольких колоний: эти второстепенные интересы были ничтожны перед могущественным преобладанием наших противников на морях и среди других, более важных вопросов. Вопрос стоял о существовании Испании, Португалии и королевства обеих Сицилий. Я предлагал признать независимость Испании во главе с Жозефом, возвратить Португалию Браганцскому дому, оставить Неаполь Мюрату, а Сицилию – Фердинанду. Вопросы эти, казалось, нетрудно было разрешить, но дело было в другом. Предлагая лондонскому кабинету признать Жозефа, в то время когда Веллингтон взял Сиюдад-Родриго и Бадахоз, я подвергал себя явному отказу. Лорд Кэстльри весьма естественно уточнил, что имеется в виду под именем царствующего дома: брат мой Жозеф или Фердинанд VII? Невозможно было принцу-регенту Британии признать первого, ещё невозможнее было мне признать второго. Пере-

говоры, начатые только для вида, окончились сами собой через неделю.

Многие утверждали, что я мог бы дать Европе мир этими простыми словами: Жозеф уступит престол Фердинанду, но что эти слова замерли на устах брата. Это мнение остроумно, но не основательно. Причина, не допускавшая меня признать Фердинанда, известна: я должен был знать, чью сторону займёт Испания, нашу или Англии. Не пожелав признать этого государя в 1808 году, мог ли я решиться на это, продержав его четыре года в плену, когда подобная насильственная мера более чем когда-либо поощряла его вступить в ряды наших противников? Я отверг и на этот раз возвращение Фердинанда, не как брат Иосифа, но как глава Франции и гарант её интересов. Чтобы Пиренейские горы не существовали для нас, в Мадриде не должен был царствовать ни один из моих врагов. Меня жестоко оскорбляют, полагая, что я мог бы решиться свергнуть Францию в бесконечную войну из-за семейных интересов. Это предположение тем более нелепо, что я не заметил в Жозефе явных доказательств приверженности к нашим национальным интересам и что перед моими глазами был пример Филиппа V, который объявил войну преемнику Людовика XIV десять лет спустя после того, как этот последний подверг величайшей опасности Францию, чтобы возвести его на испанский престол.

Курьер, присланный с ответом Кэстльри, приехал несколькими часами после того курьера, который привез ультиматум России (24 апреля). Князь Куракин, которому поручено было сообщить его мне, объявил, что Россия требует очищения Пруссии и крепостей по Одру, уменьшения данцигского гарнизона, примирения с Швецией и очищения Померании. Только на этих условиях она соглашалась прервать прямые отношения с Англией, но не с нейтральными держа-

вами. Императору Александру трудно было требовать, чтобы я снова отделил Галицию от Варшавского герцогства и возвратил независимость Голландии и устья Везера, хотя он имел на это полное право в силу наших договоров. Весьма умеренно было с его стороны требовать для безопасности России только очищения Пруссии, но требовать этого до окончания переговоров, значило очертить меня кругом Попилия и безответно унижить, потому что подобные условия почти всегда недолговременны: первый из нас, которому было бы выгодно нарушить их, не преминул бы это сделать.

Очищение прусских крепостей казалось мне довольно затруднительным. Я был уверен, что война вспыхнет рано или поздно, она не могла быть отложена больше чем на два или три года. Если бы я очистил Пруссию, я бы передал в руки России эту ожесточённую и недовольную страну, а Фридрих Вильгельм немедленно вступил бы в союз с Александром. Ещё в 1811 году прусский король предлагал соединить свои силы с российскими войсками в случае наступательного движения русских на Одер. Демонстрируя вместе с тем опасение, что в случае оборонительных действий со стороны русских, он, быть может, против своей воли вынужден будет принять сторону французов. Александр, чувствуя себя ещё не в силах предпринять подобное действие, побоялся привести к гибели верного союзника и отложил его предложение до более благоприятного времени. Это обстоятельство может служить достаточным доказательством того, что я не мог очистить Пруссию, не бросив её в ряды неприятелей и не подвергнув явной опасности Варшавское герцогство, которое в течение двух недель было бы захвачено и разгромлено. Скажут, быть может, что опасение моё было ложно, потому что Пруссия была в союзе со мной, но так как войны, подавшей повод к этому союзу

не было, политика берлинского кабинета могла измениться в соответствии с обстоятельствами.

Таково следствие ложного положения в том, что одни считают предложением естественным и необходимым, другие видят явную опасность и источник бедствий. Может быть, Александр, удовлетворённый изменениями, сделанными в моей Континентальной системе, не употребил бы во зло очищение Пруссии и не стал бы добиваться преобладания на Севере, может быть, он удовлетворился бы тем, что возвратил спокойствие и торговлю своему государству, увеличенному Финляндией и польскими областями, и занялся бы, с другой стороны, делами Молдавии и Валахии, которые были для него так важны, но что могло служить порукой подобной умеренности с его стороны? Мог ли я быть уверен, что Пруссия не раздует пламени войны, и что Россия не примет в ней участие и не вооружится также, чтобы поддержать Пруссию? В этом случае причиной моего несчастья была, быть может, привычка слишком далеко заглядывать в будущее и охватывать всё одним взглядом. Лучше было бы, если бы я не был так предусмотрителен.

Что касается Варшавского герцогства, то почти невозможно было привести его в то положение, которое определено было в Тильзите, потому что с того времени я присоединил к герцогству Галицию, вопреки условиям договора. Отделить её снова, значило нанести Польше смертельный удар, я не мог решиться на подобную меру в то время, когда мой брак разрушил нашу связь с императором Александром. Россия не требовала этого решительно, но оставляла эту причину без жалоб на будущее и, вероятно, если бы я согласился на другие её требования, она возвратилась бы к этому вопросу, что было слишком серьёзно и важно для нас, чтобы быть забытым.

Впрочем, меня останавливали не столько сами

предложения, сообщённые мне Куракиным, сколько внешняя их форма. Я согласился, быть может, на очищение Пруссии, если бы оно было включено в статьи договора как вознаграждение за пожертвования со стороны России, определённые тем же договором, но требовать, чтобы это очищение было условием, предшествующим всякому объяснению, значило ставить меня в положение человека, вызванного на поединок, которого хотят принудить просить извинения у своего противника, не зная причин ссоры. Желая напрямую объясниться с российским императором, я решил отправить к нему Нарбонна. Этот старый придворный, известный своим приятным и обворожительным обращением, имел сверх того достаточно тонкости и проницательности, чтобы выполнить моё довольно деликатное поручение. Он получил 26 апреля приказ отправиться в Петербург. Целью его поездки было сообщение императору Александру кратких итогов переговоров с Англией, но настоящей задачей – постараться проникнуть в тайну, покрывавшую последние поступки русского государя по отношению ко мне и разведать, не найдётся ли других средств склонить его к поддержке Континентальной системы.

ДРЕЗДЕН – СЪЕЗД МОНАРХОВ ЕВРОПЫ

Между тем, моя армия была уже два месяца в походе, она шла в разных направлениях по прусским землям и переходила уже Одер. Наступило время соединиться с ней для окончательных приготовлений. Я отправился в Дрезден, где назначил место свидания моему тестю – австрийскому императору, прусскому королю и другим германским государям, собиравшимся под мои знамёна. Никогда ещё не случалось мне представлять свою власть в столь торжественном собрании: со времен Средних веков ни разу не было

такого торжественного съезда государей. Кто мог подумать, что два года спустя, эти самые венценосцы соберутся на Венском конгрессе, чтобы осудить меня на изгнание?

Ничто не было забыто, чтобы увеличить степень торжественности этого собрания. Я привёз с собой лучших актёров парижских театров. Праздники, концерты, зрелища предшествовали великой трагедии, которую мы готовились разыграть. История сохранит рассказы очевидцев о чрезвычайном влиянии, которое я имел на государей, связавших свою судьбу с моей и о пышности моего двора в Дрездене. Я не стану описывать ни праздников, которые быстро надоедали мне, ни историй, доказывавших моё превосходство. Я продолжу рассказ о моих политических и военных действиях, а не придворных похождениях.

Но я не могу умолчать о первом свидании Марии Луизы со своим отцом: он отправил её во Францию как очистительную жертву, она явилась к нему в полном блеске счастья и славы, гордая моим могуществом, разделяющая со мной первый престол в мире. Исполненный чувств, совершенно противоположных тем, которые одушевляли меня, горделивый потомок Габсбургов едва заметил лучи славы, которые я отбрасывал на его дочь. Он с восторгом объявил ей, что она супруга одного из потомков властителей тревизских и что она не унизила своего достоинства, отдав мне свою руку!!! Я оставил его наслаждаться верой в родословную, истинную или подложную, отысканную в старинных бумагах. Я был убеждён, что не происходил от Бонапарта, господствовавшего некогда в Тревизе, если у него и были потомки, то они впоследствии с большим основанием могли гордиться, производя свою родословную от меня.

В Дрездене я узнал, что император Александр отправился из своей столицы в Вильно [13]. Зная, что

Нарбонн не скоро увидит русского государя, я продиктовал письмо Лористону, моему посланнику в Петербурге, поручив ему употребить все усилия, чтобы поговорить с императором, стараться пробудить его прежние чувства ко мне и узнать истинную причину его перемены, которую я приписывал клевете, вместо того чтобы просто искать её в изменениях, происшедших в Европе в последнее трёхлетие. Эти миролюбивые действия, о которых столько говорили и которые, однако, не могли ни к чему привести без устранения политических причин разрыва, были, впрочем, довольно чистосердечны с моей стороны. Мне, действительно, хотелось, чтобы Александр согласился на выгодный для меня торговый договор, на поддержание Континентальной системы и признал все изменения, сделанные мной за последние три года. Если бы я мог достичь этого без войны, я бы предпочёл мир и помчался бы в Испанию. В случае же отказа я решил завершить уже начатое предприятие, потому что войска мои стекались на Вислу со всех стран Европы. Я с нетерпением ожидал возвращения Нарбонна. Наконец, он прибыл 28 мая. Александр объявил ему в Вильно, что он ни одного слова не прибавит и не убавит из того, что мне сообщено Куракиным. Война стала неизбежной.

По полученным из Вильно известиям, российский император осыпал милостями подвластных ему поляков. Для меня было важнее, чем когда-либо стараться подействовать на их умы и привлечь Польшу на свою сторону. Я хотел ещё в конце 1811 года послать в Варшаву Талейрана, чтобы подготовить поддержку поляков. После выговора, который я сделал ему после моего возвращения из Испании, он был устранён от дел, но пылал желанием снова вступить на политическое поприще. Для исполнения поручения, которое я хотел возложить на него, нужны были хитрость и происки.

Я сам предоставлял ему возможность снова стать во главе управления нашей политикой. Но мстительный дипломат постарался разгласить данное ему поручение в Вене – где должен был сохранять его в тайне более, чем в любом другом месте – он рад был случаю помешать исполнению моих намерений. Я едва сдержал негодование, внушённое мне подобным проступком, который можно было считать преступлением против интересов Франции. Я хотел было изгнать его из Франции, но ему были известны важнейшие государственные тайны: необходимо было или погубить его или осудить на вечное заточение. У меня не хватило сил принять подобное решение. Распространившиеся об этом происшествии слухи заставили меня отложить исполнение моих намерений до заключения союза с Австрией. Наконец, я дал это поручение архиепископу Прадту, человеку более честолюбивому, чем хитрому, но ещё более тщеславному. Он говорил красноречиво и убедительно, и я надеялся, что он сумеет воодушевить восторгом поляков. Я объяснил ему мои мысли, сказав, что надеюсь выиграть два сражения и подписать в Москве условия мира.

Я оставил Дрезден 29 мая, чтобы соединиться с Великой Армией и, направляясь на Познань, настиг главную квартиру в Торне. Едва я выехал из столицы Фридриха Августа, как туда прибыл из Стокгольма г. Синьель, бывший в тесной дружбе с Бернадотом, ему было поручено устранить разногласия, возникшие между Францией и Швецией. Он объявил мне, что все забыто, наследный принц готов стать в наши ряды, но просит денежной помощи для ведения войны и Норвегию в качестве вознаграждения. Я находился в таком положении, что не имел никакого желания покупать ненадёжного союзника ценой владений государя, который был мне постоянно верен. Диверсия, которую произвели бы шведы через Торнео, близ

полюса, не могла иметь столь сильного влияния на успех главных действий, чтобы заставить меня согласиться на подобные условия, которые вызвали у меня ещё большее раздражение.

СИЛЫ СТОРОН

Понимая важность борьбы, в которую я готовился вступить, я собрал армию многочисленнее всех, когда-либо сражавшихся в Европе. Усиленный войсками Пруссии, Австрии и Рейнского союза, я имел под моим командованием до 480.000 человек, которые в течение апреля и мая проходили Пруссию и Варшавское герцогство, направляясь на Неман. Те критики, которые полагают, что я имел заранее предпринятый и глубоко обдуманый план кампании, очень ошибаются. Я никогда не думал, что было возможно составить подобный план, в котором связана длинная цепь случайностей. Я предполагал, что русские будут оборонять Литву и надеялся выиграть сражение, если они примут его. Обстоятельства должны были решить остальной ход событий.

Я надеялся также на более или менее сильную диверсию со стороны турок, потому что переговоры в Бухаресте шли медленно, и я считал, что очевидная выгода войны для Порты заставит её решиться на эту меру. Как только статья союза с Австрией была обеспечена безопасностью Османской империи, я поручил Андреосси, моему посланнику в Вене, отправиться в Константинополь, чтобы заключить союз с Турцией и договориться об общем плане действий. Промедления, связанные с высылкой султанского разрешения на въезд, задержали его на границе и он прибыл в Стамбул в то время, когда я уже переправлялся через Неман. Он опоздал: золото Англии и действия Муруза склонили на сторону России и Диван

и самого визиря. Поклонники Магомета заключили мир в тот самый момент, когда им представлялся случай поправить последствия неудачных войн целого столетия. Только во время переправы через Неман я узнал об этом мире, подписанном 25 мая в Бухаресте, главной квартире русских. Французы, изучавшие в Стамбуле историю моего правления, оправдывали турок, обвиняя меня в том, что я пожертвовал ими ради собственных интересов. Правда, что испанские дела принудили меня в Эрфурте забыть о пользе мусульман, чтобы снискать хорошее расположение России, но когда я двинулся против этой державы, в самое сердце её, я становился естественным союзником турок.

Я слишком надеялся на то, что очевидная выгода заставит Порту решиться содействовать мне. Если бы я мог предполагать противоположное, то охотно рассыпал бы два или три миллиона между советниками Махмуда, чтобы склонить их произвести диверсию и направить сто тысяч на Днепр. У меня даже была одно время мысль двинуть Вице-короля итальянского Евгения через иллирийские провинции на Сербию, увязав его действия с действиями турок. В 1807 году, Себастиани выхлопотал разрешение провести через турецкие владения 25.000-й вспомогательный корпус. Мне бы хотелось послать 50.000, но, к несчастью, времена были уже не те, а трудности согласования подобного плана с этими варварами заставили меня отказаться от предложения, исполнение которого послужило бы сильной диверсией для вторжения в Подолию.

Если бы даже у меня был заранее обдуманый план, расположение русских войск неминуемо заставило бы меня отступить от него. Я не мог предполагать, чтобы русские оставались рассеянными на своей границе, как они это сделали. Россия выста-

вила три армии: 1-я под командованием Барклая де Толли силами в 130.000 человек была расположена за Неманом, от Россиены до Лиды. 2-я армия князя Багратиона (50.000) в окрестностях Вылковиска между Бугом и Неманом; наконец, 3-я армия генерала Торماسова (около 40.000), находилась за Бугом, в окрестностях Луцка. Платов стоял со своими казаками у Гродно. Мнения русских полководцев были весьма различны. Адмирал Чичагов, сменивший Кутузова в Молдавии, предлагал проникнуть через Сербию и долину Дуная в Иллирию и Италию. Князь Багратион советовал захватить Варшавское герцогство, рассеять польские войска, уничтожить заготовленные там запасы, и оборонять страну между Вислой и Неманом. Барклай хотел ждать неприятеля, а Фуль предлагал завлечь нас в Литву, отступить к Дриссе и действовать на наши фланги армиями Багратиона и Тормасова, оставив одного на Буге, а другого – в Пинске. Между тем, как русские обдумывали эти различные планы, мы приближались со всех сторон. Уже с половины июня мы проходили старую Пруссию. В окрестностях Кенигсберга, Инстербурга и Гумбиннена, я провёл смотр моим отборным войскам, собиравшимся со всех сторон и направил главные силы на Вылковиск и Ковно.

В войне важнее всего умение пользоваться временем и ошибками противников. Растянутые силы неприятеля могли быть захвачены врасплох. В предыдущих войнах русские не следовали губительному методу растянутых линий. Я полагал, что они расположились так до окончательного разрыва, для облегчения продовольствием и что вскоре они поспешат соединиться. Узнав, что они остаются в бездействии, я тотчас понял, как мне выгодно было опередить их и решился переправиться через Неман у Ковно, на исходном пункте, весьма соответствующем моему

плану прорвать их центр и потом разбить по частям. Необходимо было действовать быстро, не заботясь о магазинах, заготовленных в Данциге и медленно переправлявшихся через Куршский залив в Кенигсберг. Я приказал войскам забрать провиант на две недели у жителей Пруссии, по которой они проходили по всем направлениям. Эта мера, к которой я был принуждён необходимостью немедленно начать действия, подала повод ко многим злоупотреблениям, от которых Пруссия ужасно пострадала. Лошади, которые здесь в изобилии, были почти все забраны под предлогом перевозки продовольствия. Большая часть этих запасов перевозилась в огромных обозах, за два или за три перехода от хвоста колонн, а лишённые возможности следовать за ними, не достигали своего назначения и достались в добычу погонщикам.

Желая извлечь всевозможную выгоду из превосходства моих сил, я решился атаковать неприятеля по всей его линии, соблюдая однако правило, направлять главные усилия на решающий пункт. С этой целью я разделил армию на три большие части. Главная, силой в 220.000, под моим непосредственным командованием, должна была опрокинуть Первую русскую армию и прорвать центр её линии. Вестфальский король Жером с 65.000, составляя правое крыло, должен был действовать против Второй армии князя Багратиона. Вице-король Евгений с 70.000 должен был броситься между этими двумя армиями, чтобы не допустить их соединения. На левом же фланге Макдональд получил приказ с 30.000, составленными большей частью из пруссаков, двинуться на Ригу.

Огромных усилий стоило вовремя соединить силы, собравшиеся из Померании, Майнца, Парнаса, Булони, Вальядолида, Милана и даже Неаполя, и сосредоточить их среди обширных лесов, покрывающих берега Немана, где требовалось принимать столь-

ко предосторожностей для доставления припасов и движения огромного обоза и артиллерии, превосходивших всё, что было известно в предшествовавшие войны. Полагают, что за армией следовало более 20.000 повозок, а число кавалеристских, артиллерийских, подъёмных и других лошадей насчитывалось до 200.000. Оценивая мою армию, можно было без преувеличения употребить гиперболу, использованную Геродотом при описании полчищ Ксеркса «по прохождению этих войск трудно отыскать самый след страны, по которой они проходили».

ВТОРЖЕНИЕ

24 июня я переправился через Неман в окрестностях Ковно по трём мостам, наведённым за несколько часов генералом Эбле без всякого сопротивления со стороны русских. Трудно выразить испытанные мной чувства. Вышколенные полки Великой Армии вступили на Русскую землю, которую со времён Петра I ни разу не попирали ноги врагов-иностранцев. Если бы война окончилась счастливо, то вся Европа была бы окончательно подчинена моему могуществу. В нашем выступлении было что-то гигантское, приводившие нас самих в изумление. Казалось, мы как титаны шли на приступ неба. Могли ли мы предвидеть, что нас ожидает такая же трагическая участь?

Я двинулся по дороге на Вильно и Троки имея в авангарде корпуса Даву, кавалерию Мюрата и гвардию. Правее Евгений переправился в Пилонях и должен был направиться на Рудники, левее – Удино шёл по правому берегу Вилии на Яново, у Девельтова он наткнулся на аръергард Витгенштейна и взял несколько сот пленных. Барклай сосредоточил у Вильно только два корпуса и гвардию, он хотел было оборонять выгодную позицию у Троков, чтобы иметь время

соединить свои силы у Вильно, но вскоре понял опасность своего положения, которое было довольно затруднительно. Оставаясь в Вильно он вступил бы в неравный бой, имея 70.000 против моих главных сил, направляясь на соединение с Багговутом и Витгенштейном на правом берегу Вилии, он мог быть отрезан от своего левого крыла, растянутого до Лиды. Отступая на Полоцк, он подвергал явной опасности своё правое крыло. Ему не оставалось другого средства, как переправиться за Вилию, уничтожить мосты и магазины и, достигнув Неменьчина, направиться через Свинцяны на Дриссу и сосредоточить там армию, под прикрытием укрепленного лагеря. Левое крыло и, в особенности, Дохтуров, должны были усиленными переходами двинуться из Лиды на Михайлишки и соединиться с главными силами, если это ещё было возможно. Багратион должен был, со своей стороны, направиться из Слонима к Двине через Вилейку или Минск.

Вступив в Вильно 28-го июня с гвардией, кавалерией и 1-м корпусом, я тотчас же сделал распоряжения для действий, которые должны были вытекать из моего плана – прорвать центр неприятеля и разбить порознь оба крыла русских. Вестфальский король Жером, прибывший в Гродно в конце июня, должен был следовать за Багратионом. Вице-король Евгений, переправившийся через Неман в Пилонях, был задержан дорогами и местностью и приближался ещё к Рудникам. Не зная, успеет ли он опередить неприятеля, я приказал Даву направиться на Минск с двумя пехотными и одной легкой кавалерийской дивизиями, поддержанными кавалерийским корпусом Груши. Он должен был достичь Смоленской дороги раньше неприятеля. Шварценбергу, направлявшемуся к Слониму, предписано было действовать на левом фланге Багратиона. Мюрат с двумя дивизиями

корпуса Даву и своим кавалерийским резервом, двинулся за Барклаем на Свинцяны, поддерживаемый Неем. Дивизия Морана и корпус Нансути были направлены на Михайлишки, чтобы составлять промежуточный отряд между Мюратом и Даву. Наконец, Удино шёл вслед за Витгенштейном по дороге на Динабург, а Макдональд преследовал неприятеля к Митаве и Риге. Таким образом, моя рассредоточенная армия устремилась за неприятелем по всем направлениям.

Дохтуров, стараясь достигнуть Ошмян, встретил там лёгкую кавалерию Даву. Направляясь на Дриссу, по приказанию Барклая де Толли, он должен был наткнуться на колонны Неаполитанского короля. Но русский генерал совершил с такой быстротой своё движение, что достиг Свири раньше нас. Необходимо воздать ему должную справедливость – он чрезвычайно удачно вышел из своего затруднительного положения.

Видя, что русские войска везде отступают при нашем приближении, я начал сомневаться в возможности принудить их к сражению. Но мне оставалась ещё надежда окружить Багратиона и потом разгромить Барклая всеми силами, если бы он осмелился где-нибудь удержаться. Странное отступление русских за нижнюю Двину оживило мои надежды. Ясно было, что Барклай хотел маневрировать как Беннигсен в 1807 году, приняв ложное направление, но я бы настиг его, успев уничтожить Багратиона. Если бы они оба отступали без боя до Днепра, я бы последовал за ними, а достигнув Смоленска, увидел бы на что мне решиться. Я распространил слух, что намерен там остановиться, если до того времени не успею разбить неприятеля. Двойная причина заставляла меня разглашать это намерение: во-первых, оно ободряло мои войска, представляя нам не столь отдалённую и

определённую цель для отдыха от непрерывных переходов и недостатков всякого рода, во-вторых, если бы эти слухи дошли до русских, то могли заставить их решиться на сражение, чтобы не допустить меня прочно утвердиться в центре империи.

17 ДНЕЙ В ВИЛЬНО: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

Я пробыл две недели в Вильно, меня упрекали в этом как в весьма большой ошибке. Но многие важные причины побудили меня к этому. Я должен был, во-первых, дожидаться известий о действиях частей моей армии, направленных против неприятельских сил, находившихся на моём правом фланге и против армии Багратиона. Во-вторых, надо было сделать распоряжения для доставки запасов, оставленных в Кенигсберге. В-третьих, образовать Временное правительство в Литве. Наконец, в-четвертых, дать время вице-королю Евгению и баварцам соединиться с нами и вступить в нашу боевую линию на Двине.

Вступление в Литву произошло под весьма неблагоприятными предзнаменованиями. Ужасные дожди изнуряли лошадей, которые кормились только незрелой рожью, а на бивуаках стояли в воде. Артиллерийские лошади гибли целыми упряжками: я вынужден был оставить до 100 орудий и до 500 артиллерийских повозок в связи с недостатком лошадей. Вокруг Вильно валялось от 1.000 до 5.000 конских трупов. Недостаток в припасах и неизбежный беспорядок при движении 300 тысячной армии были причиной значительного числа отставших, которых было уже до 30.000. Всё это требовало осмысления.

Несколько дней спустя после моего вступления в Вильно, император Александр прислал ко мне своего

генерала-адъютанта Балашёва, которого описали мне как самого ревностного приверженца союза с Англией. Он привёз ответ на мои предложения, переданные Лористоном. Российский император объявлял готовность придержиться Континентальной системы и вступить в дружественные переговоры относительно других пунктов, но потребовал, чтобы мы возвратились за Неман, заявив, что готов победить или умереть, но не вступать в переговоры, пока хотя бы один вооруженный иностранец будет попирает русскую землю.

Эта решимость была величественна: после моих первых успехов казалось, что опасно раздражать меня подобными предложениями. Я дал понять Балашёву, что мне трудно было бы добровольно отказаться от итогов моих действий и возвратиться, не будучи уверенным в заключении мира. Багратион был сильно преследуем, я надеялся разбить его. Для меня важно было достигнуть Двины: тогда мне удобнее было вступить в переговоры и требовать гарантий. Я приписывал поступок Александра не столько благородной гордости, сколько желанию выиграть время, чтобы соединить рассеянные русские силы и дал это понять русскому посланнику.

Нашлись люди, довольно простодушные, которые предполагали, что приехав на неделю раньше, Балашёв успел бы восстановить мир, что русские отступили бы за Двину, а я за Неман, а город Вильно был бы объявлен нейтральным, и, в целом, эти новые предложения произвели бы новый переворот во вселенной. Все эти фразы очень звучны, но как предположить, что русские решили бы очистить Литву, когда 500.000 врагов стоят на берегах Немана? Какая держава, не потерявшая ещё чувство собственного уважения, решила бы оставить свои территории, для исполнения нашей прихоти? Ту самую Польшу,

за которую началась война и которая восстала бы, видя что русские очистили её, чувствуя себя слишком слабыми. Александр очень хорошо понимал, чего требовала от него слава, благо государства и память Екатерины, его великой бабки, чтобы решиться на подобное действие. Он мог смотреть сквозь пальцы на отторжения, которые утверждали моё государство на берегу Балтийского моря, хотя это и противоречило моим интересам, но ему нельзя было допустить моего вмешательства в дела Польши. Александру предоставлялись небольшие выгоды в распространении своих границ до Константинополя, когда самое сердце империи было угрозой в связи с опасным положением Варшавского герцогства. Венский договор уничтожил всякое доверие: мои самые искренние намерения казались российскому государю обманом, а происшествия, описанные выше, ещё более увеличили его недоверие.

Как бы то ни было, но возвращение Балашёва в Дриссу не только не способствовало миру, но напротив, подало знак к самой упорной войне.

Я также принял в Вильно польскую депутацию. Моему посланнику Прадту нетрудно было склонить их действовать решительно. Сейм обнародовал возобновление польской конфедерации. Но всё это делалось только на словах: области, занятые русскими, оставались в бездействии и сейм ограничился медленным и поздним набором нескольких литовских полков и присылкой в Вильно исполнительной комиссии для создания области. Я не мог формально и окончательно признать новое государство, не возбудив негодования Австрии и не лишив себя всякой возможности примирения с Россией, но я обещал делегатам принять участие в судьбе их отечества при заключении мира. Благоразумие не позволяло сказать ничего более, я не решился сделать всё, что от

меня зависело.

Ещё одно замечательное событие увеличило важность моего пребывания в Вильно: Соединённые Штаты Америки объявили войну Англии. Угнетаемые исполнением приказаний Британского совета и Континентальной системой, Соединённые Штаты добились от меня обещания уничтожить те статьи берлинского и миланского декретов, которые относились к американцам. Тогда они начали действовать с большей твёрдостью, а так как лондонский кабинет не только не отступил от своей системы, но ещё допустил некоторые непродуманные поступки, то американские штаты и объявили, наконец, войну [14].

Если бы я не начал уже войны с Россией, это происшествие могло иметь величайшее влияние на судьбу вселенной. Уже другой случай был причиной перемены министерства в Англии: Персиваль 11 мая пал от удара убийцы, став жертвой личной вражды. Смерть его не связывалась ни с какими-либо политическими соображениями, но он мог быть замещён человеком, не столь неприязненно ко мне расположенным. Правда, успехи Веллингтона и моя война с Россией не могли подтолкнуть к миру честолюбивый лондонский кабинет. Сама война Англии против Соединённых Штатов не была столь опасна, чтобы перевесить интересы, которые ожидала Британия от отвращения моей деятельности и войск в сердце России.

Новое министерство, которое возглавили лорды Ливерпуль и Кэстльри по части иностранных дел, действительно нисколько не отклонилось от политики, проводимой их предшественниками. К тому же дело зашло слишком далеко, чтобы можно было ожидать какой-либо перемены до конца кампании, к событиям которой пора нам снова обратиться.

СКИФСКИЙ ПЛАН РУССКИХ

Бесполезные дипломатические переговоры не останавливали ни на минуту хода военных действий, от которых я ожидал большого успеха. Армия Барклая сосредоточилась и была в безопасности под прикрытием укрепленного лагеря в Дриссе, а я обратил всё свое внимание на Багратиона, войска которого были ещё в весьма затруднительном положении. Даву, выдвинутый в Минск с двумя дивизиями, должен был принять все меры, чтобы остановить Багратиона с фронта. Вестфальский король Жером вступил в Гродно 30 июня с поляками и вестфальцами, саксонцы шли на соединение с ним. Имея, таким образом, до 65.000, он должен был теснить 2-ю русскую армию с тыла, будучи поддержан, кроме того, Шварценбергом, войска которого хотя и были включены в состав центральной группировки под моим непосредственным командованием, но, находясь на правом фланге, направлялись, через Пружаны на Слоним.

Князь Багратион, узнав в Вылковиске о моём переходе через Неман и о намерении Барклая сосредоточить армию в окрестностях Вильно, тотчас же хотел направиться по дороге к этому городу через мосты, чтобы действовать сообразно предложенному до начала кампании плану, но приказ Барклая двинуться к Двине заставил его избрать дорогу через Новогрудск и Николаев на Индейку. Даву уже опередил его и русский полководец был вынужден отступить к Миру, откуда он снова направился на Минск через Кейданы. Это движение было ошибочно, потому что Даву мог достигнуть Минска раньше русских. Убедившись в этом, Багратион отступил снова к юго-востоку, стараясь достигнуть Несвижа раньше поляков. Он вступил в этот город 8 июля.

Жером, выступив 1-го из Гродно, направился на

Белицу, куда прибыл только 7-го. Хотя он и оправдывался в своей медлительности препятствиями, которые представляли на каждом шагу местность и принятые неприятелем меры, но я достоверно знаю, что он мог бы совершить это движение быстрее. Поляки, составлявшие авангард Вестфальского короля, переправясь вторично через Неман у Белицы, двинулись к Миру, где их кавалерия имела две стычки с войсками Платова и Васильчикова 9 и 10 числа, поляки храбро сражались, но понесли значительный урон.

Даву достиг Минска 8-го и, не зная куда направиться, чтобы отыскать неприятеля, не осмелился двинуться на Игумен, боясь открыть ему дорогу на Минск, и не решился направиться на Кейданы или на Глуск, опасаясь пропустить Багратиона в свой тыл. 11 июля Багратион решился идти на Бобруйск. Даву был ещё в Минске, следовательно, русский генерал преодолел первое препятствие, но он мог ещё встретить новое. Недовольный медлительностью Жерома я приказал Даву принять главное командование над всей его армией и направиться на Могилёв, которого он мог достичь через восемь переходов, между тем как русским потребовалось сделать десять или двенадцать переходов для достижения этого города. Жером получил приказ сильнее напирать на неприятеля, а Шварценберг должен был выйти на фланг Багратиона между Бобруйском и Пинском. Саксонцам была поставлена задача наблюдать неприятельские отряды, оставаясь в Волыни.

Но в столь обширном государстве, как Россия, стратегические манёвры не могут быть так удачны, как в странах, стеснённых морями или владениями нейтральных держав: везде можно отыскать, если не хорошие, то, по крайней мере, проходимые дороги и, в этом смысле, все мои надежды рушились. Впрочем, хотя мы и сделали кое-какие ошибки, но нельзя не со-

гласиться, что тысячи различных обстоятельств помешали успеху этих действий. Из Минска Даву мог опередить Багратиона в Бобруйске или Глуске: оба эти места были почти на равном расстоянии от него, между тем, как первое из них было более отдалено от Багратиона, следовательно, направление на Бобруйск было самое выгодное для наших войск. Но крепость Бобруйск и в этом случае сыграла весьма важную роль.

Авангард Багратиона достиг Глуска 15 июля, Даву не мог настигнуть его там, не изнузив своих войск. Но, если бы он двинулся туда безостановочно, то вышел бы перпендикулярно на фланг длинной колонны русских и трудно предположить какие бы это имело последствия. Чтобы достичь Багратиона в Глуске, Даву должен был решиться не останавливаться ни на одну ночь в Минске, но прибыв в этот город, маршал узнал, что Багратион отрядил лёгкий отряд Дорохова по направлению к Кейдамам и потому неблагоприятно бы было полностью оставлять Минск. Если бы у Даву были все пять дивизий его корпуса, он, без сомнения, двинулся бы с тремя из них на Глуск, расположив остальные между собой и Минском. Огромность расстояний и разбросанное положение наших войск, стремившихся по всем направлениям за неприятелем, повредили успеху этого действия, хорошо обдуманного, но плохо исполненного.

Две недели, проведенные мной в бездействии, в ожидании успеха действий против Багратиона, были потеряны для моей славы, а может быть и для успеха всей кампании. По крайней мере, они дали время Вице-королю Евгению и баварцам вступить в обширную боевую линию. Первый, пройдя по ужаснейшей местности между Троками и Неманом, направился на Вилейку, откуда должен был продолжать движение на Полоцк. Баварцам приказано было идти на Глубокое.

Окончание действий, имевших целью окружить Багратиона, позволило мне оставить Вильно и я решился принять личное командование над моими силами, устремившимися по направлению к Двине. Я выехал из Вильно 16 июля, после слишком долгого пребывания в этом городе, в котором меня, вероятно, упрекнёт история и в котором действительно трудно отыскать деятельность, которую я продемонстрировал при Ульме, Абенсберге и прочих сражениях. Я оставил в Вильно Маре, герцога Бассано, министра иностранных дел и дипломатический корпус, который следовал до того времени за моей главной квартирой. Я поручил Маре наблюдать за нашими отношениями как с союзниками, так и с польскими властями и придавать движение административной деятельности, которую всегда производили приказы, посылаемые из моего кабинета, через него же должны были поддерживать связь со мной начальники войсковых частей, остававшихся позади главных сил.

До сих пор мои действия оставались без успеха, но я надеялся скоро компенсировать потерянное время. Остановка моя в Вильно помешала мне воспользоваться важной ошибкой противника и я упустил случай, который не мог представиться вторично. Это было несчастье. Прикрывая только прямую дорогу из Вильно в Петербург, русские оставляли без обороны пути, ведущие в сердце империи. Не успев разбить Багратиона, я решился воспользоваться, по крайней мере, двойной ошибкой неприятеля, бросив главную массу сил на Полоцк, став, таким образом, на край левого фланга главной армии русских, я двинулся бы на неё и принудил изменить фронт и сражаться, имея море в тылу. Одно выигранное сражение передало бы в мои руки остатки этой армии, отброшенные в Курляндию и принужденные или сложить оружие, или быть сброшенной в море.

Я прибыл в Глубокое 18 июля и намерен был продолжать идти на Полоцк, куда я направил и Неаполитанского короля, приказав ему сделать фланговое движение вправо, вдоль берега Двины. Казалось, ничто не могло воспрепятствовать успеху этих действий, но в продолжение всей этой войны я постоянно испытывал над собой влияние какого-то злого рока, который, как бы нарочно, порождал обстоятельства, выходявшие из круга всякого расчёта вероятностей и лишал меня плодов хорошо обдуманых планов. Могли я предполагать, что русская армия не останется более трёх дней в лагере, устройство которого стоило нескольких месяцев работы и огромных издержек? Однако это случилось.

Император Александр, одоббивший устройство этого лагеря только по настоятельным просьбам генерала Фуля, представлял всю опасность своего положения. Он понял, что для спасения России мало двух разделённых армий, против которых мы имели такой значительный перевес в численности, тем более, что никак нельзя было надеяться на их соединение. Он решился прибегнуть к всенародному ополчению. Вследствие этого, Александр приказал Барклаю де Толли отступить к Смоленску и использовать всевозможные усилия, чтобы соединиться с Багратионом. Проводив войска до Полоцка, император отправился в Москву и Петербург, чтобы воодушевить дворянство и народ ко всеобщему вооружению. Он приказал создавать позиции вплоть до Волги для устройства обширных укреплённых лагерей, в которых должны были собираться и проходить обучение ополченцы. Значительные работы были предприняты с этою целью в Нижнем Новгороде, почти на границах Европы.

В результате сделанных в Дриссе оценок обстановки Барклай де Толли, оставив у этого города 25.000 человек под начальством графа Витгенштейна для при-

крытия прямого пути на С-Петербург, двинулся вверх по правому берегу Двины. Он был уже в Полоцке, когда мои войска достигли Глубокого. Впрочем, я не терял ещё надежды обойти его левый фланг: малейшее промедление при движении русских давало мне возможность настичь их в Витебске. Я направился к этому городу и 24 июля достиг берегов Двины в Бешенковичах. Сделав рекогносцировку на правом берегу, я узнал, что русские уже прошли к Витебску и должны были продолжать движение по левому берегу. Мне оставалось уже мало надежды предупредить неприятеля и тогда-то я вполне оценил то время, которое потерял в Вильно. Для достижения Смоленска, Барклай должен был снова переправиться на левый берег Двины, чтобы занять Витебск и дорогу на Рудню, это действие было довольно опасно. Если бы мы успели вовремя, он вынужден был принять сражение, имея реку в тылу как Беннигсен под Фридландом. Он поспешил выдвинуть к Бешенковичам авангард силой около 12.000, чтобы замедлить наше движение и выиграть время, необходимое для того, чтобы подтянуть к себе корпус Дохтурова, составляющий арьергард его армии на Полоцкой дороге и оставшийся ещё на правом берегу Двины.

25 и 26 июля Мюрат имел столкновения с неприятельским арьергардом близ Островны. В первый день, в связи с недостатком пехоты, он не мог расстроить корпус Остермана, которому благоприятствовала лесистая местность. Наша кавалерия, однако, совершила несколько блистательных атак против русских колонн, которые не побоялись действовать наступательно, но были оттеснены. Остерман, узнав о прибытии дивизии Дельзона, склонившей перевес сил на нашу сторону, отступил в боевом порядке. Ночь разделила сражавшихся. С рассветом Мюрат возобновил атаку, он надеялся, что, будучи поддержан Вице-ко-

ролем Евгением, успеет разбить войска, расстроенные накануне, но ночью Барклай заменил их свежими войсками Коновницына. Бой завязался ещё жарче предыдущего: русские держались упорно. Наше левое крыло хотело их обойти, но было вовремя атаковано русским резервом и оттеснено, но правое крыло во главе с Русселем действовало удачнее. Коновницын начал отступление, Тучков, высланный для поддержания арьергарда русских, принял его в Комарках. Это подкрепление, удачно использованное, снова остановило пылкий натиск нашего авангарда. Выведенный из терпения этими беспрестанными остановками, я сам прибыл к голове колонны и направил 4-й корпус через лес, но неприятель отступал уже уступами и мы беспрепятственно двинулись вперёд в сторону Витебска.

Барклай де Толли сосредоточил свои силы близ Витебска, за р. Лучесой, он назначил Багратиону местом соединения окрестности Орши. Для достижения этого города, Барклай должен был двинуться на юг через Бабиновичи, параллельно фронту моей армии, подставляя нам свой фланг. Русской полководец видел, что невозможно исполнить это движение без боя и приготовился дать нам сражение, оспаривая переправу через Лучесу. К счастью, он узнал в тот же вечер, что Багратион, не успев пройти на Могилев, отступил к Смоленску через Мстиславль. Это обстоятельство спасло Барклая от вероятного поражения: у него было только 80.000, между тем, как я мог применить против него 120.000.

Я сам осмотрел позицию неприятеля за Лучесой около полудня 27 числа. Мне нужно было сосредоточить мои войска, тянувшиеся длинной колонной по одной дороге. Мы не могли завязать бой в тот же вечер, я счёл необходимым отложить сражение до следующего дня, чтобы успеть стянуть все наши силы.

Но в тот же вечер Барклай получил известие, избавившее его от необходимости принять неравный бой, он отступил ночью на Смоленск, будучи уверен, что успеет соединиться с Багратионом. Пален прикрывал отступление русских с отборной кавалерией и выполнил блистательно эту трудную обязанность. На рассвете 28 июля русские войска совершенно исчезли и мы вступили в Витебск, досадуя более чем когда-нибудь на то, что неприятель снова ускользнул от нас. Барклай плохо расположил войска на Немане и выбрал ошибочное направление отступления на нижнюю Двину, но следует признать, что он весьма искусно действовал после того, как покинул Дриссу.

Вторая русская армия продолжала своё отступление удачнее, чем можно было ожидать. Когда Жером узнал о том, что я приказал Даву принять главное командование над всем правым крылом армии, гордость моего брата не вынесла необходимости подчинения: он сдал начальство над вестфальцами генералу Тарро, приказал Понятовскому получать дальнейшие приказы от Даву и оставил армию 16 июля. Эта неуместная выходка увеличила на первое время дефицит энергичности и единодушия в преследовании. Даву направился с 20.000 на Могилев, приказав Понятовскому присоединиться к нему, а вестфальцам следовать за хвостом неприятельских колонн. Багратион, пройдя Бобруйск и достигнув Нового Быхова на Днепре, должен был или продолжать движение на Мстиславль или атаковать Даву. Ему приказано было направиться на Оршу, но дорога в этот город пролегла через Могилёв. Отклоняясь от предписанного ему пути для избежания боя, он мог быть достигнут войсками Даву и в Мстиславле. Багратион решил проложить себе путь с оружием в руках и двинулся прямо на Могилёв.

По расположению сил, Даву поступил бы, может

быть благоразумнее, двинувшись к Орше, чтобы сблизиться с моей главной армией, но маршал смело расположился перед Могилёвом, на дороге из этого города в Старый Быхов, несмотря на опасность быть раздавленным перевесом сил Багратиона. К счастью для Даву, русский генерал атаковал его 23 июля только одним из корпусов своей армии, между тем как другой тянулся длинной колонной и отстал почти на целый переход. Бой был из самых жарких. Позиция Даву, весьма сильная с фронта, могла быть обойдена с правого фланга. Неприятель, опасаясь, вероятно, потерять свою линию сообщения, не решался сделать этот обход и шёл напролом. Несмотря на храбрость трёх генералов, которые ввели в бой свои колонны, они были оттеснены со значительным уроном. Эта неудачная атака заставила Багратиона отступить на Новый Быхов, он переправился там через Днепр и продолжал свое движение на Смоленск. Даву, который должен был счесть за счастье то, что успел удержаться у Могилева, не осмелился броситься на левый берег Днепра одними своими силами. Ничто уже не препятствовало соединению двух русских армий и они соединились у Смоленска.

Июль был чрезвычайно дождлив. Мои войска сильно страдали от ненастной погоды по всем трём направлениям от Немана до Двины. Голод и грубая пища распространяли болезни, магазины с трудом перевозились из Кенигсберга в Ковно, у нас не было ни муки, ни средств молоть хлеб. Мои войска питались зерновой рожью, которую они тщетно старались разваривать и которая порождала опасные кровавые поносы. Я приказал заготовить в Париже значительное число ручных мельниц, но это средство не могло быть использовано раньше зимы или начала кампании следующего года, а, между тем, мои войска находились в столь же затруднительном положении, как войска

герцога Брауншвейгского в Шампани в 1792 году. Необходимо было дать им несколько дней отдыха. Потеряв надежду разбить войска Баркляя порознь, я остановился в Витебске, а моя армия, усиленная присоединением Даву, Понятовского и вестфальцев, расположилась по квартирам, примкнув левым флангом к Сурожу на Двине, а правым к Могилёву на Днепре. Авангард находился в Дубровне.

В начале кампании я надеялся, что наш успех в центре повлечёт за собой отступление флангов неприятеля, но русские рассудили иначе: они твёрдо держались на обеих флангах боевой линии, что было весьма естественно. Рига и берег Балтийского моря до Ревеля обеспечивали отступление их правого крыла, левое – в Волыни, имея перевес в силах на своей стороне, могло свободно отступать хоть до Одессы и, кроме того, ожидало присоединения всей Молдавской армии, командование над которой Кутузов сдал Чичагову. Мы считали эту армию гораздо слабее, чем она была на самом деле. Она достигала 40.000 человек, между тем как по непроверенным сведениям, нам доставленным, мы недосчитывали в ней и половины этой численности. Я направил против неё только саксонцев и намеревался усилить их поляками, как только Шварценберг присоединится к моей армии. Поляки, поддержав Даву, преследовавшего Багратиона, возвратились бы на Волынь через Мозырь и, угрожая Торماسову, без затруднений освободили бы наше правое крыло от любых угроз.

Медлительность Шварценберга и события, быстро следовавшие одно за другим в центре, не допустили исполнения моих планов и это обстоятельство было одним из самых губительных в продолжение всей кампании.

Движение Вестфальского короля и приказ Шварценбергу соединиться со мной оставляло Тормасо-

ва почти без противников. По приказу императора Александра, русский полководец, согласно с заранее утверждённым планом в случае нашего вторжения в Литву, начал наступательные действия. Оставленные против него саксонцы, на которых была возложена задача контролировать всё пространство между Брестом и Минском, не смогли оказать ему сильного сопротивления. Тормасов, узнав об их опасном положении, напал врасплох на Брест и Кобрин с 35.000 человек и захватил целую бригаду, расположенную в Кобрине (23 июля). Ренье настоятельно просил подкрепления, мне не оставалось ничего другого, как послать обратно Шварценберга, чтобы поддержать саксонцев. Князь выступил 1 августа из Несвижа в Слоним, где и соединился с Ренье, отступившим туда без проблем, потому что неприятель преследовал его весьма слабо.

Действия левого крыла были также неудачны. Направляясь на Витебск, я оставил маршала Удино в Полоцке с 27.000 или 28.000 для прикрытия моей операционной базы и оттеснения Витгенштейна, которому Барклай поручил прикрыть дороги на С.-Петербург с 25-тысячным корпусом. Я полагал, что самым лучшим средством избавиться от этого противника – было двинуться на него. Во исполнение моих приказов, Удино направился 30 июля по Себежской дороге с двумя дивизиями, поддерживая себя третьей у Дриссы. Витгенштейн, сдерживаемый Макдональдом со стороны Динабурга, счёл, со своей стороны, самым благоразумным решением двинуться против нашего 2-го корпуса. Встреча произошла близ Клястиц. Удино был оттеснен к р. Дриссе, где он собрал свои силы. Русские решились переправиться на виду его войск 1 августа, а генерал Кульнев дорого заплатил за эту смелость. Удино бросился на его войска, которые были опрокинуты с потерей до 1.000 человек, этот

пример не удержал Удино от той же ошибки. Преследуя неприятеля, он переправил через реку дивизию Вердье и, в свою очередь, наткнувшись на главные силы русских, был отброшен с потерями. Удино возвратился 2-го под Полоцк после двух боёв, которые не вознаграждали его минутный успех. Я увидел, что этот маршал слишком слаб для борьбы с Витгенштейном и подкрепил 2-й корпус баварцами, которых недостатки питания и болезни сильно ослабили – их насчитывалось уже не более 12.000 человек.

Эти неудачи на обоих флангах были для меня тем неприятнее, что они должны были иметь пагубное влияние на мои главные действия и могли сделаться ещё серьезнее, потому что пребывание моё в Витебске было ознаменовано многими событиями, совершенно изменившими оценки, на которых основывались мои расчёты в начале войны. В Витебске я узнал о ратификации мира между Россией и Турцией. Подобная ошибка со стороны Порты была так неожиданна, что я не мог предвидеть её, хотя меня и упрекали в том, что я не просчитал её вовремя. 14 июля султан утвердил договор. С другой стороны, я получил копию договора между Россией и Швецией, подписанного еще 24 марта и сохранявшегося до этого времени в величайшей тайне. Около того же времени (18 июля) Россия подписала в Эребро договор с Англией, по которому вступала с ней в союз.

Император Александр отправился в Або для совещания с Бернадотом насчёт условий военного союза. Я начинал уже ощущать влияние этих бедственных для нас событий. Русские приближались от границ Молдавии на Волынь, а небольшая финская армия, ожидаемая в Риге, должна была упрочить перевес русских сил против моего левого крыла. Наконец, российский император прибыл в Москву и призвал своих поданных к всеобщему вооружению. Все эти

обстоятельства заставили меня ощутить необходимость быстрой развязки. Важность их побудила меня собрать на совещание маршалов и некоторых моих генералов и провести военный совет, на котором каждый должен был изложить свое мнение. После сражения при Кастильоне я впервые решился на подобную меру, мои споры под Эсслингом с Массеной и Даву, можно было бы назвать изложением моих собственных мыслей, чем советом. Я никогда не отвергал частных мнений и допускал дискуссии в ситуациях, не вполне определённых, но не любил, чтобы рассуждали о принятых мной решениях. Я не извлёк большой пользы из собранного мной совета [15]. Одни предлагали остановиться на Двине и Днепре, другие думали, что благоразумнее продолжать наступательные действия. Я разделял мнение последних. Не с такой армией надо было занимать оборонительную позицию за двумя реками, которые скоро должны были покрыться льдом, в стране, где так трудно располагаться квартирами, где лёгкие войска неприятеля не давали нам ни минуты покоя. Надо было завоевать мир, другого успешного окончания нельзя было придумать, а принудить Россию к миру мы могли только в Москве. Во всяком случае, нам можно было решиться на что-нибудь не прежде, как овладев Смоленском. Силы неприятеля были сосредоточены близ этого города и нам надо было двинуться против них. Русские сами вскоре разрешили наши сомнения.

ДВОЙНОЕ СРАЖЕНИЕ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Соединение русских армий близ Смоленска ободрило Барклая и он предпринял наступательные действия. Русским было известно наше растянутое расположение. Некоторые из их генералов предложили воспользоваться этим, и, направляясь через Рудню,

напасть на центр наших линий. Этот план, имевший свое достоинство, был плохо исполнен. Выступив из Смоленска 7 августа, обе армии смогли достичь Рудни в три перехода, но вместо того, чтобы сразу атаковать нас, они потеряли несколько дней. Однако их сильный 10.000-й авангард захватил врасплох нашу кавалерию у Инкова. Только твёрдость Себастиани и образцово организованное отступление спасли его. После этого русские не предпринимали, к своему счастью, ничего важного, полагая, что частный успех мог вовлечь их в сражение как под Фридландом, а я только этого и ждал.

Мне казалось, что снова настал момент нанести неприятелю решительный удар. Я воспользовался их медлительностью, чтобы стянуть все мои силы вправо. 14 августа я перевёл мою армию за Днепр в Расасне и Хомин, и направил её на Красный. Корпуса, расположенные близ Орши и Могилёва, переправились в этих двух местах и двинулась также к Красному. Я намерен был быстро идти к Смоленску, который как я полагал, был оставлен без обороны, и зайти в тыл неприятеля, угрожавшего со стороны Рудни. Русская армия, обойденная с левого фланга, отрезанная от Москвы и оттеснённая на нижнюю Двину, была бы поставлена в затруднительное положение. Это третье важное действие в течение всей кампании было последним с нашей стороны.

Оставленный русскими в Красном наблюдательный отряд (от 8.000 до 9.000 человек) был вытеснен моим авангардом и начал отступление к Смоленску, преследуемый нашей многочисленной кавалерией. Храбрые русские войска, несмотря на то, что были окружены со всех сторон, отступили к Смоленску в боевом порядке, оставив по дороге только 1.000 человек убитых, много раненых и часть артиллерии.

Вид Смоленска, расположенного амфитеатром

по обоим берегам Днепра, представляет прелестную картину. Судя по обширности города, в нём могло быть до 80.000 жителей, между тем, как реально в нём насчитывалось не более 20.000. Он был окружен кирпичной стеной необыкновенной толщины, фланкированной круглыми и четырёхугольными башнями. Цитадель, представляющая правильный пятиугольник, была самым слабым пунктом, потому что вал, не покрытый каменным покрытием, до половины осыпался и представлял легкодоступный скат, между тем, как с других сторон город окружен стеной в 25 футов высоты и 15 – толщины. Стены между башнями нельзя было пробить ни полевой артиллерией, ни штурмовать с помощью лестниц. Слабую часть стен представляли сами башни: толщина их стен достигала от 3 до 4 футов и они легко могли быть пробиты 12-фунтовыми орудиями. На небольшом расстоянии от города находилось несколько оврагов, по которым протекали ручьи. Русские весьма благоразумно решили защищать сначала эти овраги и выполнили это весьма удачно. Для обороны города были оставлены Раевский и Паскевич с 20.000 человек.

Утром 16 числа Нея прибыл к Смоленску во главе моего авангарда. Я следовал за ним и, заметив слабый пункт, пустил Нея в атаку. Колонны его бросились на неприятеля в штыки с редким бесстрашием, но противник встретил их с удивительным хладнокровием. Два раза храбрые войска Нея достигали контрэскарпа цитадели и оба раза, не поддержанные свежими войсками, они были оттеснены своевременно направленными русскими резервами. Сильное сопротивление Раевского и Паскевича дало время обеим русским армиям подоспеть к ним на помощь около полудня. Мои корпуса тоже постепенно прибывали и при наступлении ночи уже до 150.000 войск стояло под стенами Смоленска. Не овладев городом врасплох, я

решился обойти его и поручил генералу Гильемино осмотреть реку и устроить переправу выше города, чтобы отрезать неприятеля от Московской дороги. Жюно должен был действовать на этом направлении, однако он сбился с дороги и не прибыл к месту переправы. Между тем, завязался сильный бой под самим Смоленском и, к несчастью, намерение моё осталось без исполнения. Правда, переправа могла быть затруднительна в связи с близостью армии Багратиона, прикрывавшего Московскую дорогу, но предложение моё было самое выгодное и необходимо было попытаться его исполнить.

Жарким было сражение 17 числа. Русские полководцы, развернувшись на правом берегу Днепра, послали в город 30.000 свежих войск на смену корпусу Раевского. Я думал, что они намерены выйти из города, чтобы дать сражение и приготовился принять их, но видя, что они не расположены действовать наступательно, приказал начать атаку. Ней на нашем левом фланге направился со стороны цитадели, Понятовский – на правом, а Даву – в центре, против рославльского предместья.

Атака флангами под огнём ста орудий, расположенных неприятелем вдоль Днепра встретила значительные затруднения. Однако Понятовский, поддержанный нашими контрбатареями, успел достигнуть пробитой в стене бреши, а Ней снова едва не ворвался в цитадель. В центре, после убийственного боя мы успели вытеснить Дохтурова из предместья, но все усилия моих храбрых воинов разрушались о плацдарм внутри города, защищаемого неприятелем с ожесточением. Я употребил весь артиллерийский резерв для пробития бреши в куртине, но тщетно – ядра наши застревали в невероятно толстых стенах, не производя никакого действия. Только одним способом можно было сделать пролом: направить весь наш огонь про-

тив двух круглых башен, но разница в толщине стен была нам неизвестна. Наши гранаты зажгли город, состоящий частично из деревянных строений, неприятель понёс значительный урон, упорно обороняясь вне стен города, и поэтому Барклай решил очистить его в течение ночи, поручив Корфу прикрывать отступление.

Мы вступили в Смоленск при предзнаменованиях, ещё более бедственных, чем те, которые сопровождали наше вступление в Вильно, несмотря на ужасные бури, которыми оно было ознаменовано. Вся армия думала, что здесь будет конец нашему трудному походу и что она, по крайней мере, вступит в плодородные земли и хоть немного насладится отдыхом.

Великие, но ошибочные действия различно действуют на толпу. Мои полки, изумленные тем, что после стольких трудных и убийственных переходов, плоды их усилий от них постоянно удаляются, начинали с беспокойством взирать на расстояние, отделявшее их от Франции. Прежде я сам распускал слух, что намерен остановиться в Смоленске. Теперь это делалось невозможным и это обстоятельство неминуемо должно было произвести некоторое уныние.

Смоленск, который, по мнению поляков, русские считали Палладиумом своей империи и к которому устремились все мои надежды, уподоблялся огромному костру, усеянному мёртвыми и умирающими. Половина города была уже истреблена пожаром, причину которого трудно было определить. Большая часть жителей покинула город, чтобы избежать ужасов войны, оставляя свои родные пенаты нашим войскам.

Трудно было избавить от грабежа город, взятый, можно сказать, на копье и брошенный жителями. Всё, что в нём оставалось, сделалось добычей моих воинов, ожесточённых долговременными лишениями и отсутствием возможности удовлетворить главные

жизненные потребности. Один священник, оставшийся в городе из преданности к своей пастве, продемонстрировал нам своими ответами, описанными самыми чёрными красками, до какой степени русские настроены против нас. Все чувства любви к Отечеству и вера были возбуждены, легко можно было предвидеть, что вслед за трудностями и нуждами, которые мы терпели в Литве, последуют все ужасы народной войны. Нам предстояла новая Испания без границ, без городов, без ресурсов. Мы не могли встретить в России новую Сарагосу, потому что деревянные, обшитые тёсом дома, не могли устоять против выстрелов и огня, но нас ожидали препятствия другого рода, препятствия ещё более ужасные.

Сердце мое сжималось, когда я думал о расстоянии, ещё отделявшем меня от Москвы и о расстоянии, на котором находилась моя армия от тылов, уменьшенная на целую треть болезнями, потерями и отставшими. Если бы я даже и решился остановиться в Смоленске, как прежде говорил, то скоро бы убедился в трудности и неудобствах этого намерения. Урожай 1811 года был низкий, жатва 1812 была уничтожена ещё на корню самой войной: поселяне бежали, лошади были реквизированы для самой русской армии. К тому же весьма трудно обеспечивать продовольствием на местах двухсоттысячное войско в стране малолюдной. Для этого необходимо было расположиться слишком растянуто, а подобное расположение не может быть допущено свежей, регулярно снабжаемой армией. Возвращаться назад по разорённой Литве, значило подвергаться опасности погубить армию голодом. При отступлении через Могилёв, на Мозырь, я попал бы в болота Припяти, не зная, как удастся из них выбраться, правда, эта часть страны была менее разорена. Движение к Луцку и Бресту восстановило бы диапазон действий на Варшаву и расширило

бы его, очистив от войск Чичагова, но, несмотря на очевидную выгоду в обеспечении флангов, подобное возвратное движение было бы сопряжено с опасностями – оно уронило бы меня в глазах Европы и подало бы знак к восстанию моим многочисленным врагам. Пруссия первая бы ополчилась, север Германии не замедлил бы последовать её примеру и здание моей империи обрушилось бы, можно сказать, прежде, чем неприятель успел обнажить меч. К тому же мы не для того начали войну, чтобы прогуляться до Смоленска и потом снова возвратиться на зимние квартиры, границы Варшавского герцогства. Мне оставалось единственное средство спасения: продолжать движение на Москву, принудить русских к бою и предписать им мир в первопрестольной столице царей, составлявшей узел всех артерий Российской империи.

Я ободрял войска надеждой на скорое окончание трудностей похода, обещал маршалам расположиться зимними квартирами между Витебском, Смоленском и Могилёвом и приказал переправиться через Днепр только для того, чтобы оттеснить неприятеля и избавиться от его опасного соседства. Но, с другой стороны, я признался некоторым из моих приближенных, что моя армия должна действовать, а не стоять, что её моральный дух и самый состав из двадцати разноплемённых народов требовали, чтобы я поддерживал её деятельность наступлением. Одним словом, мне не оставалось другого средства, как вести войска к Москве.

Зоилы, решившие очернить мою славу, видят одни явные противоречия между моими словами и действиями. Если слушать их, то я должен был объявлять всем окружавшим свои потаённые мысли, когда же я с умыслом говорил противоположное, чтобы лучше скрыть настоящие намерения, то заслуживал, по их мнению, быть посаженным в дом сумасшедших.

Странный способ оценивать достоинства полководца.

Мнения маршалов по главному вопросу, нас занимавшему, были различны. Мюрат, раньше обвинявший русских в робости и малодушии, боялся идти дальше, другие весьма основательно утверждали, что нельзя и думать о покое, не разбив неприятеля в решающем сражении. Убеждённый в этой истине, я разделял мнение последних. Но какими средствами могли мы достигнуть боя? Не имея надежды принудить к этому русских, оставаясь в Смоленске, не должны ли мы были преследовать их? Недостаток припасов и военные и политическая выгоды ясно доказывали, что мне оставалось избрать одно из двух: или двинуться на Москву, или возвратиться к Неману. Не трудно предположить, что более соответствовало образу моих мыслей и ситуации.

Нельзя думать, чтобы я был до такой степени самоуверен и ослеплён, что не видел сам опасности новой операционной линии во сто лье длиной по одной дороге, на таком отдалении от моего естественного начального рубежа действий, когда за мной оставались Рига и Бобруйск, поддерживаемые армиями Витгенштейна и Торماسова. Я чувствовал эти неудобства и, кроме того, понимал, что мир, заключенный между Россией и Портой, позволит Молдавской армии русских подняться вверх по Днепру.

Хотя неприятель сохранял угрожающие позиции на моих флангах, но против него были оставлены корпуса Макдональда, Сен-Сира и Шварценберга. Виктор, герцог Беллюно с отличным 32-тысячным резервом находился на Немане. Этого резерва было достаточно, чтобы, по обстоятельствам, поддержать моё правое крыло на Буге или левое – на Двине. Кроме этих войск, превосходивших силы неприятеля на моих флангах, у меня оставалось ещё 50.000, занимав-

ших Пруссию и столько же батальонов в пути, шедших для усиления и пополнения моей армии. Я никогда не прилагал больше стараний и предусмотрительности для подготовки резервов, которые должны были обеспечить успех столь огромного мероприятия. Казалось, Европа поставила всё своё пригодное население под ружье. Укомплектованные дивизии Луазона и Дюрютта занимали Кенигсберг и Варшаву, другие войска концентрировались на Одере. Когорты первой очереди собирались на Эльбе. Я не пренебрёг ничем для гарантированной удачи.

Успешное окончание десяти кампаний доказало мне, что решительный пункт был там, где находился я сам, а я не сомневался, что удар, нанесённый мной в самое сердце Российской империи, мгновенно уничтожит сопротивление отдельных второстепенных корпусов. Я надеялся нанести этот удар, как только неприятель решится испытать меня: моя армия была ослаблена, но под знамёнами оставалась всё ещё лучшая её часть.

Осмотрев дымящиеся развалины Смоленска, необыкновенные стены и плохую цитадель этого города, я занялся подготовкой к переправе через Днепр. Мост был сожжён неприятелем. Арьергард Баркляя, занимая предместья, затруднял работы. Дивизия Морана постепенно переправилась в лодках, чтобы прикрыть эти работы, которыми распоряжался Ней. Несмотря на всё рвение маршала, мост не мог быть окончен ранее, как в ночь с 18 на 19 число. Между тем, я осмотрел сам берег и отдал приказ 8 корпусу под командованием Жюно переправиться на мой правый фланг у Прудышева. Я, может быть, сделал ошибку, не направив туда главные мои силы – это был прямой путь к достижению неприятеля. Мысль, что можно с меньшим трудом починить смоленский мост и угрожающие позиции неприятеля на высо-

тах, заставили меня пойти на устройство переправы в самом городе.

Неприятель, стоявший на высотах за предместьями ещё до очищения города, направил всю армию Багратиона на Дорогобуж, чтобы воспрепятствовать мне захватить Московскую дорогу. Барклай, потянувшись на север по большой Петербургской дороге, должен был потом повернуть на восток, чтобы выйти на Московскую дорогу и последовать за Багратионом. С одного из двух путей можно было перейти на другой только по просёлочным дорогам, описывая значительную дугу, хорда которой была в наших руках. Причиной этого обхода было то, что прямая Московская дорога шла по берегу Днепра, под огнём наших батарей и даже ночное движение по ней со столь многочисленной артиллерией было сопряжено с большой опасностью. Неприятель бросил только 2.000 или 3.000 казаков на Дубну, чтобы замаскировать движение по прямой дороге. Барклай поспешил исправить эту важную ошибку, за которую чуть было дорого не заплатился, если бы я знал, что происходило тогда в русской армии. Она была бы уничтожена, так как я захватил бы её врасплох в положении, гораздо худшем, чем то, в котором она находилась после отступления на Дриссу и разделения двух армий. Но движение русских было мне неизвестно да и нельзя было предполагать, чтобы неприятель вступил в подобное дело, едва оставив грозную позицию при Смоленске, представлявшую ему всевозможные тактические выгоды.

Будучи убеждён, что мы не настигнем русских, я удовольствовался тем, что направил против их арьергарда войска Мюрата и Нея, которые должен был поддерживать Жюно, переправившись через Днепр выше города и действуя на левый фланг неприятеля. Наконец, 10-го в 4 часа утра Ней перешёл Днепр посреди

пламени горящего предместья. Армия Барклая была видима сначала на высотах по Петербургской дороге, арьергард её, под командованием генерала Корфа находился ещё там. Некоторое время мы тешили себя надеждой отрезать неприятеля от Москвы и отбросить его к северу, но вскоре заметили неприятельские войска и в другом направлении. Ней и Мюрат должны были рекогносцировать обе дороги, Груши направился на Духовщину. Наши левые колонны обнаружили дивизию неприятельской пехоты на промежуточной позиции у Стабны. К несчастью, Ней приказал атаковать её, это испортило всё дело: если бы мы двинулись через Лубину на Московскую дорогу, то прибыли бы туда одновременно с русскими, совершавшими своё дальнейшее фланговое движение.

Барклай понял опасность своего движения и исправил ошибку в самом начале, приказав дивизии пехоты, как можно быстрее двигаться для подкрепления казаков, прикрывавших Московскую дорогу. Принц Евгений Вюртембергский был расположен в Гедеонове, чтобы прикрывать фланг и движения ближайшей колонны и дать время арьергарду Корфа, находившемуся ещё на Петербургской дороге, достигнуть Горбунова и потом Лубина. Первая колонна армии Барклая под начальством Багговута, должна была направиться просёлочными дорогами туда же. Ней вскоре встретил дивизию принца Евгения Виртенбергского и сходу атаковал её. Она уже с трудом выдерживала наши многократные натиски, когда к ней подоспели на выручку 20 эскадронов русской кавалерии. Усиленная позже частью колонны Корфа, она успела достичь Горбунова, целые три часа отклоняя наше движение от Московской дороги, пункта гораздо более важного. Ней преследовал принца Вюртембергского, арьергард Корфа был настигнут и, в свою очередь, потерял от 500 до 600 пленных и несколько орудий.

Генерал Потёмкин подоспел вовремя, чтобы спасти от поражения хвост колонны арьергарда русских сил. Однако Тучков успел достигнуть Валутинских высот и соединился там с казаками Карпова. Ней, которого бой при Стабне и Гедеонове увлёк слишком влево, получил позже приказ двинуться правее. Жаркий бой завязался у Козиной, когда он прибыл туда. Я так мало ожидал развития событий, что, решив направить только Даву для поддержки Нея и Мюрата, а сам хотел остаться в Смоленске, куда возвратился, как только началось отступление Корфа и Принца Вюртембергского.

Ней, оставшись один, сильно теснил Тучкова, который упорно защищал каждый шаг вплоть, до своего отступления за ручей Страган, где он был принят корпусом своего брата и кавалерией Орлова-Денисова. Русские видели, что спасение армии зависело от сохранения пункта, прикрывавшего соединение их колонн, ещё не окончивших своего обходного движения, и дрались отчаянно. Будь у Нея несколькими дивизиями больше и начни они свою атаку раньше, войска неприятеля были бы разорваны надвое и успех кампании был бы несомненен. В последний раз представился нам столь выгодный случай [16].

Не ожидая столь упорного боя, я возвратился в Смоленск, между тем как Барклай, напротив, вернул назад 3-й и 4-й пехотные корпуса и поддержал их 1-м кавалерийским. Ней сделал все, что можно было ожидать от его мужества в подобных обстоятельствах, и обе стороны могут гордиться храбростью, проявленной ими в этом бою.

Мюрат, стеснённый справа и слева лесами и болотами, не мог успешно действовать своей кавалерией. Орлов-Денисов несколько раз опрокидывал его авангард, двигавшийся за Латышино против левого фланга русских. Должен признать, Орлов-Денисов показал

в этой борьбе столько же мужества, сколько показывал до того времени храбрости и энергии король Неаполитанский.

Надеясь достичь успеха с помощью войск Жюно, Мюрат отправился к нему, чтобы поощрить его к большей активности и, сходя в атаку с его авангардом, возвратился к своему резерву. Но Жюно не трогался с места. Не знаю, боясь ли за своё собственное положение, немного опасное почти посреди неприятельских колонн или просто потеряв присутствие духа, но он неподвижно стоял между лесами и Днепром на расстоянии двух пушечных выстрелов от неприятеля, между тем как легко мог обойти его левый фланг.

Однако гром сильной пальбы заставил придти на помощь Нею дивизию Гюдена из корпуса Даву. Она присоединилась к Нею около 5 часов и маршал поспешил возобновить свои усилия, стараясь овладеть высотами близ Козиной. Неприятель был опрокинут, центр его прорван и вся линия едва не отброшена в болотистый ручей Самиль, когда Коновницын прибыл на поле битвы с дивизией пехоты, поддержанной несколькими батальонами гренадер и 3.000 кавалерии и тем восстановил равновесие. Генерал Гюден был убит ядром, а дивизия его отброшена, несмотря на чудеса храбрости.

С наступлением ночи, к главным силам русских присоединились колонны Багговута и Корфа. Ней, не знавший этого обстоятельства, упорствовал в намерении сбить неприятеля с позиции и снова двинул против него свои войска, направляя на этот раз главные усилия на правый фланг русских. Дивизия Гюдена перешла ручей Страгав и достигла высот, но, попав в середину целой армии, была снова отеснена и опрокинута, несмотря на все свое мужество. Ночь разделила обе стороны, с честью оспоривших друг у друга это обширное поле битвы, облитое кровью и

усеянное 12.000 или 13.000-ми убитых и раненых – с каждой стороны их было почти поровну.

Бессмысленная резня, совершенно бесполезная для нас, и, тем более, бедственная, лишила меня Гюдена. Этот храбрый и искусный генерал, который давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем генералам, которые их заслуживали, погиб жертвой злобного рока, влияние которого отозвалось на всех действиях этого дня. Несправедливо бы было упрекать в этой неудаче меня, потому что сражение произошло против моего ожидания, вопреки всякой вероятности. Впрочем, несмотря на ошибочное направление наших первых движений, дело это имело бы самые выгодные для нас последствия, если бы Жюно принял в нем деятельное участие. Нерешительность и слабость его в этом случае тем более парадоксальней, что до этого события его чаще можно было упрекнуть в излишней запальчивости и смелости. Нельзя не приписать этого обстоятельства началу того умственного расстройства, которым он был вскоре поражён после нашего отступления из России, потому что с самого начала похода характер его весьма изменился и отличался различными странностями. Жюно никогда не блистал особыми талантами, но был человек не без способностей и обладал большой силой духа.

Мюрата можно упрекнуть в одном: кавалерия его могла бы решительнее действовать против казаков Карпова и небольшого аррьергарда Тучкова. Я ошибся, что не направил части этой кавалерии на Прудыщево вместе с Жюно в ночь 18-го числа.

Узнав в полночь от возвратившегося моего адъютанта Гурго о сражении, происшедшем без моего ведома, я тотчас же сел на лошадь и поскакал на место боя, куда и прибыл в три часа утра. Всё было уже кончено и неприятель продолжал своё отступление.

Кровавые следы свидетельствовали об усилиях моих храбрых сподвижников, я осыпал их наградами и возвратился в Смоленск в отчаянии, что ещё раз пропустил такой благоприятный случай [17]. В порыве гнева я хотел сменить Жюно и назначить на его место Раппа, но вскоре чувство расположения к моему старому сослуживцу снова взяло верх.

Король Неаполитанский снова двинулся 20 августа по следам неприятеля на Дорогобуж. Я дал ему корпус Даву взамен Нея, войска которого понесли большие потери и который сам плохо ладил с моим зятем со времени конфликта, произошедшего между ними под Ульмом в 1805 году. К несчастью, и в России Даву не ужился с Неем.

Тысячи горестных мыслей волновали меня, когда я возвратился 20-го в Смоленск. Три дня бесполезного кровопролития, картина развалин Смоленска, ежедневно увеличивающаяся слабость наших батальонов, и, особенно, эскадронов. Было о чем подумать, и подумать с горестью. Оптимизм мой немного колебался. Я отдал приказы для образования некоторых административных учреждений. Надёжный офицер был отряжен с лёгким отрядом для реквизиции продовольствия на плодородных берегах Хморы, где находится множество мельниц и производится значительные торги мукой. Он должен был заготовить достаточное его количество ко времени возвращения наших колонн, которым оставалось сделать последнее усилие для обеспечения своих зимних квартир [18].

ДЕЙСТВИЯ НА ФЛАНГАХ

Со времени моего прибытия в Смоленск, дела пошли лучше на обоих флангах. Шварценберг, приняв, по моему приказу главное командование на юге, поспешил атаковать Тормасова и встретил его 12 ав-

густа близ Городечны. Русский генерал, распыливший свои силы, не смог противостоять нашим 25.000 человек, между тем как австрийцы, соединясь с саксонцами, составляли уже до 40.000. Однако Шварценберг не сумел воспользоваться ни перевесом своих сил, ни слабой позицией неприятеля. Последовав совету Ренье, он стал маневрировать, чтобы обогнуть левый фланг русских саксонцами, но не достаточно сильно поддержал их и дал время неприятелю занять твёрдую позицию, несмотря на то, что фланг Торماسова был уже совершенно обойдён. Русские без большого урона вышли из боя и продолжали отступление через Кобрин и Ковель на Луцк, где расположились за рекой Стырью. Шварценберг и Ренье остановились напротив их на левом берегу реки.

На левом фланге мои войска также одержали верх, но без большой пользы. Уверенный в скором присоединении баварцев, Удино счёл нужным снова двинуться вперед на Свольню, но не для того, чтобы идти на Себеж, но чтобы неприятель отступил от Двины и отбить у него желание и возможность тревожить нас в Полоцке. Это была явная ошибка. Витгенштейн, намеревавшийся продолжать действовать наступательно, должен был встретить его до присоединения баварцев, что и случилось. Авангард Удино, атакованный 12 августа у Свольни, потерпел поражение и наш корпус отступил к долине Полоцка. Там, соединясь с баварцами, Удино почувствовал себя в состоянии отомстить русским. Витгенштейн продолжал наступать, вероятно, не зная о прибытии этих подкреплений. Он развернул свои 24.000, чтобы атаковать нашу позицию близ Полоцка, разделённую на две части оврагом р. Полоты и надеялся прорвать центр, направляя главные свои усилия вдоль этого оврага. Бой 17 числа не имел желаемого успеха для русских. Последствием его была потеря до 2.000 человек как с той, так

и с другой стороны. Раненый Удино сдал командование Сен-Сиру.

Русский полководец, убедившись, что он не в состоянии победить превосходящую в силах армию, не хотел, однако, торопиться с отступлением, которое могло оказаться гибельным. Он оставался напротив наших войск, надеясь устроить их. Сен-Сир решил атаковать его на другой день и сосредоточил главные силы близ Спаса, против центра и левого фланга русских, примыкавшего к р. Полоть. Остальная часть должна была лишь отвлекать неприятеля. Баварцы и дивизия Леграна, собранные у Спаса, опрокинули всё, сопротивлявшееся их движению и достигли Пресмещницы, несмотря на сильный отпор неприятеля и на потери, понесённые от убийственного огня русской артиллерии. Резерв Витгенштейна успел, наконец, остановить этот сильный натиск в то самое время, как его кавалерия смелыми атаками отеснила наши войска почти к самим предместьям Полоцка. Сам Син-Сир, увлеченный жаром боя, должен был искать убежище в овраге. Наконец, его выручили кавалерийские резервы и сражение завершилось на позициях, которые занимал утром центр неприятеля. Витгенштейн воспользовался этим и ночью отступил на Гамзелево. 10 орудий и до 1.000 человек пленных были трофеями этого дня, который не дал нам полного результата в связи с недостатком кавалерии. Сен-Сир оставил в бездействии дивизию Мерля на левом берегу Полоти. Если бы он направил её в тыл Витгенштейну, победа была бы легче и полнее. Как бы то ни было, но успех остался на нашей стороне и наградой за этот бой был маршальский жезл, на получение которого Сен-Сир давно уже имел право. Храбрый генерал Деруа был убит ядром. Я назначил его семейству 20.000 франков пенсии из моих собственных доходов. Таким способом я одновременно исполнял свой долг

в отношении к верному союзнику и поощрял рвение тех, которые с усердием сражались на моей стороне.

Хотя дела при Городецке и Полоцке временно успокоили меня по поводу флангов, но положение правого крыла всё ещё тревожило меня. Я не знал, соединится ли Молдавская армия с Тормасовым, чтобы действовать у меня в тылу, или будет подтянута к главной армии для её усиления? В государстве, не слишком обширном, каковы, например, Австрия или Пруссия, правила войны требовали бы последнего, но в России, где огромные пространства для передвижения, второстепенные действия могли стать главными без видимой опасности. Тем более, что вспомогательные корпуса русских были направлены против нашей линии сообщения, которая была узка и стеснена, между тем, как неприятель имел основанием действий всю ширину Европы от Балтийского до Черного моря.

ОТ СМОЛЕНСКА ДО ВЯЗЬМЫ

Успокоившись по поводу того, что происходило вокруг меня, я с большей уверенностью оценил положение главной армии, а донесения моих генералов совершенно сняли последнее сомнение: они извещали меня, что не отчаиваются «привести» русских к бою. Король Неаполитанский, тешивший себя надеждой нанести сильные потери неприятелю при преследовании, весьма удивился, найдя его построеным в боевом порядке за р. Лужею и не сомневался, что русские намерены принять сражение. Барклай де Толли действительно имел это намерение. Узнав об этом обстоятельстве в ночь 24 числа, я тотчас же отправился туда с моей гвардией, которая со всевозможной быстротой прошла 12 лье, надеясь догнать, наконец, неприятеля, исчезавшего от нас до того времени по мановению волшебной палочки. Подогреваемый же-

ланием нанести первый удар неприятелю, Мюрат не дождался меня до начала атаки и пустил кавалерию Монбрена против левого фланга русских, но Даву, пехота которого была гораздо слабее русских, не захотел завязывать решительное сражение против целой армии. Таким образом, произошёл конфликт между моими военачальниками и предполагаемая атака не была приведена в исполнение. Движение Монбрена возбудила, однако, внимание русских генералов: они опасались и не без причины, что могут быть атакованы с левого фланга и отброшены к Днепру. Я бы так и действовал, если бы они дождались моего прибытия. Решив не удерживать этой опасной позиции, Барклай оставил Дорогобуж в то самое время, когда я прибыл туда, чтобы дать сражение.

Вице-король Евгений следовал по Петербургской дороге до Духовщины, откуда свернул вправо, чтобы войти в нашу общую линию коммуникаций, направив одну дивизию к Суражу, где находился генерал Винцингероде с летучим отрядом, угрожавшим нашему сообщению с Витебском.

Прибыв в главную квартиру Мюрата, я нашёл, что неприятель снова исчез с берегов Лужи, а между моими военачальниками снова царило несогласие. Мюрат весьма аргументированно жаловался на то, что Даву не согласился пустить в дело свою пехоту, а Даву уверял, что меня обманывают ложными донесениями. Я отдал дивизию Компана в непосредственное распоряжение Мюрата. Мы надеялись, что неприятель будет держаться на Осьме и последовали за ним. Он очистил Дорогобуж и достиг Вязьмы. Мы были уже так близко от Москвы, что нельзя было больше колебаться, в восемь переходов мы могли достигнуть столицы, а что значат восемь переходов для войск, пришедших с противоположного конца Европы? Как было не решиться на это движение, когда мир и обладание

вселенной могли быть его следствием и когда, во всяком случае, занятие большого города всегда доставляет бесчисленные средства, столь необходимые для армии на таком дальнем расстоянии от начального рубежа его действий? Все причины, которые могли в Витебске или Смоленске заставить меня остановиться на Двине, исчезли, половина расстояния, отделявшего меня тогда от Москвы, была уже пройдена и я не мог более колебаться.

Чтобы уменьшить невыгоды нашей растянутой линии действий, которую я готовился вытянуть ещё больше, я предписал Виктору, герцогу Беллюно, поспешить с берегов Немана, чтобы заменить мою армию в Смоленске. Ожеро должен был направить половину своих войск в Кенигсберг и Варшаву. Таким образом, силы наши были бы довольно хорошо эшелонированы. Корпусу герцога Беллюно (около 32.000 человек) предписано было расположиться между Рославлем и Витебском и быть готовым поддержать тот из фланговых корпусов, которому это будет нужно, или, в случае необходимости, усилить и саму главную армию. Между тем, русские продолжали своё движение на Гжатск с достойной твёрдостью. Один арьергард Розена, состоявший из двух кавалерийских корпусов, отступавших уступами, выдерживал все удары Мюрата и Даву. Впрочем, надо напомнить, что между этими генералами царило несогласие и что лошади наши, питаясь одной ржаной соломой, падали от изнеможения и не могли конкурировать с кавалерией неприятеля, гораздо лучше сохранившейся. Стесненные на большой дороге, останавливаемые у каждого ручья, леса, моста, дефиле и поражаемые сильным огнём выгодно расположенных русских батарей, наши эскадроны должны были всегда ожидать пехоты, которая поспевала только к отступлению неприятеля. Русские же, принятые своими эшелонами, вскоре могли снова начинать бои

свежими войсками против наших изнурённых и утомлённых головных колонн.

Непрерывно возрождающиеся затруднения этого преследования ещё более увеличились от самого духа народа. Миновав Смоленск, мы могли уже заметить гибельные приметы народной войны. Самая грозная армия не может успешно вести войну против целого народа, решившегося победить или умереть. Мы имели дело уже не с жителями Литвы, равнодушными зрителями великих событий, совершающихся вокруг них. Всё население, составленное из природных русских, при нашем приближении оставляло свои жилища. На нашем пути мы встречали только покинутые или выжженные селения. Бежавшие жители образовывали шайки, которые действовали против наших фуражиров. Они нигде не беспокоили сами войска, но захватывали всех мародеров и отставших. Город Вязьма был сожжён с богатыми магазинами, там собранными, Гжатск подвергся той же участи. Если часть его уцелела, то этому мы обязаны войскам нашего авангарда, которые, с одной стороны, дрались, а с другой – тушили пожар.

В этом городе я получил известие, что в российскую армию назначен новый главнокомандующий, готовившийся дать нам сражение в наскоро укрепленной позиции. Все единодушно полагали, что Кутузов, рущукский победитель, доставившей России Бухарестский мир, в состоянии спасти Отечество. Новый главнокомандующий был вполне убеждён, что для поддержания народной популярности, которой он пользовался, он не должен был допустить нас в Москву без боя, решил принять его на укрепленной позиции, занятой им при селе Бородино, впереди Можайска, где к нему присоединились 10.000 воинов только что образованного московского ополчения.

БОРОДИНО – УПУЩЕННАЯ ПОБЕДА

Армии сошлись 5 сентября. Неприятель устроил редут перед своим левым флангом, близ деревни Шевардино, чтобы затруднить доступ к этой части его боевой линии, которая была наиболее подвержена опасности наших ударов. Для меня было весьма важно вытеснить его из этого исходного пункта, чтобы удобнее рекогносцировать и атаковать главные позиции русских. Дивизия Компана овладела этим редутом после жаркого и упорного боя.

Следующий день был использован мной для осмотра расположения неприятеля и местности, на которой мы должны были действовать. С обеих сторон готовились к решительному дню. Русские, исполненные чувств набожности, с торжественностью греческого богослужения призывали в помощь силы небесные для спасения Отечества. Мы стягивали наши части, располагали войска и артиллерийские парки. Силы сторон были почти равны – от 125.000 до 130.000 с каждой стороны, но у нас было тысяч 15 старых ветеранов, между тем, как у неприятеля была такая же численность ополчения и казаков. Зато русские готовились сражаться за сохранение страны, которая была для них святыней, на местности, более известной им, чем нам, наскоро укрепленной. Три флеши прикрывали левый фланг близ Семёновского. Большой редут был разбит в центре, на высоте между этим селением и Бородино. Наконец, несколько редантов прикрывали правый фланг почти до самой Москвы-реки. Русские ещё не успели усилить их палисадами.

Сражение началось 7-го. Много битв дал я на своём веку, но не видел ужаснее этой. Всё соединилось, чтобы сделать её необыкновенной во всех отношениях, но самое существо сражения, которое должно было окончить кампанию, важность преимуществ,

связанных с ним и, наконец, странные обстоятельства, ознаменовавшие столкновение столь огромных масс на таком тесном пространстве.

Когда я проводил рекогносцировку расположения неприятеля, то выяснил следующее: Барклай с тремя пехотными корпусами и одним кавалерийским составлял правое крыло, тянувшееся от Большого редута до Москвы-реки, было перерезано оврагом, проходящим у деревни Горки. Багратион с 6-м и 8-м корпусами составлял левое крыло на расстоянии от Большого редута до кустарника, находившегося между Семёновским и Утицей.

Это расположение было ошибочно, причиной этого считают решения Беннигсена, исполнявшего должность начальника штаба. Он сосредоточил всё своё внимание на правый фланг, атаковать который мне не было никакой выгоды. Напротив, левый фланг был слаб, хотя его и прикрыли тремя флешами. Между ними и деревней Утицей, через которую проходит старая Смоленская дорога, оставалось пространство до 500 туазов, занятое лишь несколькими батальонами егерей.

Если бы положение дел не изменилось после моей рекогносцировки, то трудно было бы определить последствия сражения, но, в течение вечера русские перевели весь корпус Тучкова на левый фланг, чтобы протянуть свою линию до Утицы и занять старую Смоленскую дорогу, нам видны были только его аванпосты. Я недолго обдумывал план действий и решил направить для овладения старой дорогой войска моего правого фланга под командованием Понятовского, разгромить левое крыло русских войсками Даву и Нея и потом отбросить центр и правое крыло неприятеля в Москву-реку. Вице-король Евгений должен был противостоять расположенным в центре частям противника. Распределение наших масс было почти

такое же, как под Фридландом. Вся разница состояла в том, что в этом последнем сражении река находилась в тылу неприятеля, между тем как при Бородине сзади расположения неприятеля была местность, удобная к отступлению, а препятствие находилось на краю правого фланга.

К несчастью, все мои соображения не могли быть исполнены по моему желанию: неприятель вовремя изменил своё расположение. С другой стороны, я изменил первоначальные задачи Вице-королю и предоставил ему возможность принять более деятельное участие в сражении и атаковать центр неприятеля, прикрывая в то же время своим левым флангом дорогу из Гжатска на Москву. С этой целью я усилил его двумя дивизиями корпуса Даву. Этот маршал с неудовольствием наблюдал, как у него отнимают половину его храбрых войск. Он предпочёл бы, чтобы я ему оставил пять дивизий и поручил выполнить с ними фланговое движение – направиться на старую дорогу в мелкий лес между Семёновским и Утицей, обойти позицию русских до атаки флешей и начать сражение, встав перпендикулярно флангу неприятеля. Мысль превосходная, но не должны ли мы были опасаться, что русские, видя себя в опасности быть отрезанными от линии отступления, не исчезли бы снова по Можайской дороге, что отложило бы опять на неопределённое время решительное сражение, которое мы ожидали с таким нетерпением. Я предпочёл атаковать их линию эшелонами, правым флангом. В этом случае успех был не так лёгок, но зато мы не подвергались неприятности дальнейшей отсрочки сражения. Достаточно было корпуса Понятовского, чтобы обогнуть левый фланг неприятеля и упрочить наш перевес в этом пункте

Остановившись на этом плане, я расположил свои силы так, чтобы не слишком рано привлечь внимание неприятеля. Каждому были даны приказания. Артил-

лерия должна была рано утром начать свои действия с орудиями. Даву, Нею и гвардии было предписано с рассветом выдвинуться вперёд и осыпать градом ядер и гранат укрепления, которые предстояло атаковать моему правому флангу.

Я с нетерпением ожидал известий о том, что произошло у неприятеля в течение ночи. В 5 часов Нею доложил, что вся русская армия остаётся на своей позиции и просил разрешения начать атаку. Французский Ахилл кипел нетерпением. Все взялись за оружие, все готовились к великому делу, от которого зависела, быть может, судьба Европы. Наши батареи выдвинулись на передовые позиции. Компану, взявшему Шевардинский редут, я поручил начать и это сражение, овладев флешью, расположенной на самом левом фланге русских. Он должен был произвести движение по кустарнику, будучи поддержанным войсками Дессе, направленными через мелкий лес. Дивизия Фриана оставалась в резерве. Как только Даву сумеет овладеть редутом, Нею должен был двинуться эшелонами и устремиться на Семёновское. В дивизиях Нея, понесших сильные потери в сражении при Валутиной Горе, насчитывалось не более 15.000 под ружьём. Я приказал 10.000 вестфальцев поддержать его и составить его вторую линию. Молодая и Старая гвардия стояли на 3-й и 4-й линиях. Мюрат разделил свою кавалерию: левее Нея, против центра неприятеля стоял корпус Монбрена. Нансути и Латур-Мобур расположились так, что могли следовать за движением нашего правого крыла, а Груши поддерживал Вице-короля Евгения.

Вице-король, усиленный двумя дивизиями Даву (Морана и Жерара), должен был начать атаку села Бородино, лежащего на Московской дороге на левом берегу Колочи. Дивизия Дельзона должна была остаться для занятия этого пункта, а три другие дивизии долж-

ны были перейти Колочу по трём мостам, специально наведённым в течение утра и атаковать Большой редут русских, расположенный на правом берегу.

Эти первые распоряжения были причиной нерешительного оборота, который приняло дело. Необходимо было бросить Даву с его четырьмя дивизиями в промежуток между укреплениями левого фланга и утицким лесом, пустить вслед за ним Мюрата с кавалерией и поддержать их Неем и вестфальцами, направленными на Семёновское. Между тем Молодая гвардия двинулась бы эшелонами в центр этих двух атак, а Понятовский, не отрываясь от Даву, охватил бы фланг Тучкова в утицком лесу. Мы бы тогда с самого начала разгромили и обошли левый фланг неприятеля непреодолимой массой и заставили бы русских изменить фронт и стать параллельно большой дороге и Москве-реке, которая осталась бы у них в тылу. Этот промежуток был занят только четырьмя слабыми егерскими полками, следовательно, успех подобного действия был бы несомненен.

В 5 часов утра был подан знак к сражению: артиллерия начала громить флешы. Даву устремился в атаку со своими двумя дивизиями. Левый фланг Евгения, составленный из бригады Плезонна, который должен был оставаться для наблюдения и ограничиться занятием Бородино, предался излишнему рвению и выйдя из этого села наткнулся на целый корпус Дохтурова, который и отбросил его назад со значительными потерями. Плезонн пал жертвой запальчивости своих батальонов, а Дельзон с трудом успел удержаться в Бородино против превосходящих сил противника.

Трудным были дела у Даву, атаковавшего с первым эшелонем дивизию гренадер Воронцова на местности, усиленной укреплениями, между тем, как русские егеря, рассыпанные по мелкому лесу, беспокоили его фланги. Дивизия Компана с редким мужеством

овладела левым редантом. Этот храбрый генерал был ранен, под Даву была убита лошадь, а сам он получил сильную контузию. Дессе, сменивший Компана, также выбыл из строя. Рапп принял командование над этой сильно пострадавшей дивизией, трижды потерявшей своих командиров. Однако и русские понесли большие потери. Воронцов был ранен, укрепление взято. Но наш успех был непродолжителен: неприятель под прикрытием огня своих батарей выдвинул пехоту второй линии (дивизию Неверовского) и принудил нас оставить укрепление, которое мы только что взяли. Багратион, видя грозящую ему опасность, поспешил подтянуть к себе дивизию Коновницына из корпуса Тучкова. Дивизия кирасир и бригада гвардии были направлены из резерва русских на подкрепление левого фланга.

Неудача дивизии Компана и временное её отступление скоро было вознаграждено. Ней, приблизившись эшелонами, двинулся с дивизией Ледрю на то же укрепление и поддержанный войсками Компана ворвался туда почти одновременно с ними, с двух разных сторон. Неприятель удерживал ещё третью флеш. Ней и Мюрат атаковали её дивизией Разу. Она уже почти овладела укреплением, когда была сама атакована русскими кирасирами. Несколько мгновений успех колебался то в ту, то в другую сторону, но наша пехота устояла и дала время кавалерии Брюйера выручить её. Разу, увлекаемый Мюратом, ринулся на укрепление и ворвался в него.

Более двух часов прошло в этих атаках. Кутузов мог легко заметить грозные силы, готовые устремиться на его левый фланг, и успел дать приказ своему правому крылу направить войска для подкрепления левого. Отправленный Барклаем корпус Багговута в 9 часов миновал уже Семёновское. Одна из его дивизий направилась в Утицу, а другая заняла лес.

С нашей стороны, Жюно развернув свои войска позади Нея, ввёл в бой свою первую линию, правее последнего. Чтобы действовать ещё решительнее, полностью обхватив позицию, которую русские так упорно обороняли, второй линии вестфальцев было приказано взять правее и проникнуть в лес, отделявший Даву от Понятовского.

Это движение решило бы участь сражения, если бы было исполнено часом ранее, но резервная кавалерия князя Голицына имела возможность вовремя подоспеть, чтобы оспорить у вестфальцев равнину, на которую они должны были выйти, а прибытие корпуса Багговута позволило противопоставить им дивизию принца Евгения Вюртембергского, который вовремя подоспел на помощь русской кавалерии, отбросил в лес угрожавшие ей вестфальские колонны. Кавалерия князя Голицына воспользовалась этим моментом, чтобы произвести блистательную атаку на наше правое крыло и даже успела захватить одну резервную батарею. Но в это мгновение храбрый 3-й пехотный полк дивизии Дессе, бросившись из леса, вынудил отступить смелых кирасир, и заставил их новой атакой прокладывать путь к своим и этим спас наши орудия.

Багратион чувствовал необходимость дать время для прибытия к месту назначения всем подкреплениям, взятым с правого фланга, он понимал, что успех сражения зависит от сопротивления, которое он нам окажет. Он устремился на Нея с гренадерской дивизией принца Мекленбургского, поддержанного бригадой гвардии и восемью кирасирскими полками. Остатки войск Воронцова и Неверовского, подкреплённые дивизией лёгкой кавалерии, усиливали его натиск, атакуя Даву. Вся неприятельская линия двинулась на нас, сам Мюрат, чтобы не попасть в руки русских, должен был искать убежище в расположении дивизии Разу.

Ней бросился на неприятеля со своим резервом, дивизия Фриана получила приказ примкнуть левее к дивизии Разу и направиться на Семёновское. Потерянный нами редут был снова взят. Движение Фриана, угрожавшее флангу неприятеля, вынудило последнего к отступлению. Фриан миновал даже семёновский овраг и занял само селение. Дивизия Коновницына, подоспевшая с края левого фланга русских, остановила его, и, в свою очередь, заставила возвратиться к укреплениям, куда приближались войска Нейя.

Владея укреплениями, но обеспокоенные угрожающим положением Багратиона, к которому продолжали подходить подкрепления с правого фланга, Ней и Даву решились опрокинуть его в семёновский овраг. Я приказал поддержать их огнем всей артиллерии, которую только можно было выставить на этой местности. Вице-король готовился также содействовать им, атакуя центр. Ничто не могло противостоять пылкому натиску Нейя. Багратион, опасаясь быть прорванным и опрокинутым, бросился сам в штыки, лично ведя свои войска, и надеясь снова иметь все выгоды наступательного действия. Завязалась ужасная резня, Багратион был тяжело ранен, равно как и Сен-При, его начальник штаба. Русские войска, лишённые вождей, уже готовы были прийти в совершенное расстройство, но бесстрашный Коновницын принял командование и в порядке отступил с ними за семёновский овраг. Здесь, прикрытый хорошо расположенной артиллерией, он успел, наконец, остановить быстрый натиск наших колонн.

Надо было стараться сделать решающими достигнутые успехи. Мюрат перебросил для этого за овраг корпуса Нансутн и Латур-Мобура. Первый налетел на левый фланг Коновницына, где гвардейские Измайловский и Литовский полки, построены в каре, встретили его с твердостью и дали время пяти русским

кирасирским полкам напасть на наши уже утомлённые эскадроны и отбросить их за овраг. Латур-Мобур действовал с таким же успехом близ Семёновского, которое было прочно занято пехотой Фриана и Нея. Русские, убедившись в невозможности снова овладеть прежней позицией, оставались в больших массах под огнём нашей артиллерии. По этой героической стойкости было видно, что храбрым русским не хотелось пережить бедствия родины.

Между тем как в этой нерешительной борьбе демонстрировалось мужество обеих армий, Вице-король, задержанный сначала атакой Дельзона на Бородино, потом его необдуманном движением за эту деревню и, наконец, трудностями переправы через Колочу, перешёл однако эту реку по четырём небольшим мостам. Евгений поспешил двинуться вправо, чтобы овладеть Большим редутом с бастионами, построенными между Бородино и Семёновским и прикрывавшими центр русских. Дивизия Морана, первая, вышедшая из оврага на равнину, бросила тотчас же на редут 30-й полк и продвигалась вслед за ним для поддержки его натиска. Эти храбрые войска смело шли в штыки, не обращая внимания на убийственный огонь неприятеля. Они проникли в редут, несмотря на все усилия первой линии обороны Паскевича, но последний, предвидя это обстоятельство, бросился со второй линией на фланги нашей глубокой колонны и атаковал её с фронта своей первой линией. Ермолов двинулся на его поддержку с бригадой гвардии.

Моран, поражаемый одновременно артиллерией Дохтурова и атакованный справа Васильчиковым, был вынужден отступить в овраг. Бонами, оставленный в редуте, был не в состоянии удержать его. Он пал под ударами русских с большей частью 30-го полка, столь мужественно овладевшего укреплением.

Эти два усилия левого крыла, недостаточно поддержанные и совершённые в одно время, имели то последствие, что усилили уверенность русских и охладили рвение наших войск. Наступательное движение Ермолова, Паскевича и Васильчикова едва не повлекло за собой очищение Семёновского. К счастью, движение это было остановлено сильными, выгодно расположенными, резервными батареями.

Между тем бой на старой Смоленской дороге продолжался без значительных успехов. Я рассчитывал, что Понятовский без большого затруднения обойдёт фланг неприятеля, но наши войска наткнулись тут на силы, вдвое превышающие наши. Пользуясь удалением дивизии Коновницына и вступлением в дело вестфальцев, Понятовский атаковал и взял возвышение, господствовавшее над окружающей местностью. Тучков, вовремя поддержанный частью корпуса Багговута, скоро вновь отнял у нас этот важный пункт, но заплатил жизнью за свой успех.

Стремительное наступление Нея и настойчивые атаки нашей кавалерии произвели желаемое действие. Ней и Даву прочно утвердились на укрепленных высотах, где в начале дня было расположено левое крыло неприятеля, но мы не приобрели ничего, кроме этой выгоды и дымящихся развалин Семёновского. Было уже 11 часов, Ней убедительно просил подкрепления для завершения победы [19]. Ему казалось, что легче лететь к новым победам, чем оставаться под огнём 200 орудий, изрыгавших смерть в ряды его войск. Может быть, благоприятная минута была уже упущена, потому что неприятель не только успел перевести Багговута с берегов Москвы-реки на левый фланг, но ещё подтянул и свежий корпус Остермана для подкрепления центра, расстроенного борьбой против Евгения.

Я готов был предпринять новый натиск, поддер-

жанный двумя дивизиями Молодой гвардии и тремя дивизиями Евгения, когда шумные крики и странный беспорядок заставили меня обратить внимание на атаку, которую повел неприятель против Вице-короля по большой Московской дороге. Я остановил мою гвардию и, тем более должен был это сделать, так как Евгений снова перешёл на левый берег Колочи с итальянской гвардией. Движение неприятеля, угрожавшее нашей линии, весьма естественно обеспокоило меня. Я решил дождаться точных известий для того, чтобы оценить опасность, прежде чем ввести в дело Молодую гвардию и быть уверенным, что моё левое крыло примет участие в предполагаемом натиске. На всякий случай я даже отрядил туда дивизию Клапареда. Вскоре я узнал, что движение это было ни что иное, как простая кавалерийская атака, произведённая корпусом Уварова и казаками Платова против бригады Орнано и дивизии Дельзона, который принял русских в каре, остановил и отбросил их. Однако это обстоятельство держало нас в бездействии более часа и неприятель воспользовался этим временем, чтобы закрепиться на новых позициях. Эта остановка во многом содействовала неудаче сражения.

Успокоенный происходящими на моем левом фланге событиями, я стал снова готовиться к атаке Большого редута. Моё правое крыло должно было одновременно передвинуться за Семёновское. Русские, усмотревшие из диспозиции Вице-короля, Мюрата и Нея большую опасность, сменили сильно потрёпанный корпус Раевского войсками Остермана, который расположился в первой линии, примыкая левым флангом к Семёновскому, а правым – к большой дороге. Мои генералы сочли это за наступательное движение. Мюрат и Сорбье сосредоточили против этих колонн огромную массу артиллерии, которая нанесла им значительный урон, но они

твёрдо и бесстрашно оставались под нашим убийственным огнём. Вся их артиллерия отвечала нашей. Дохтуров, Барклай и Ермолов действовали против войск Евгения, показавших не меньшую стойкость. Огонь распространился по всей линии от Бородина до Семёновского и даже далее, до леса. Восемьсот орудий изрыгали с обеих сторон смерть на протяжении полулье. Никогда не представлялось мне столь величественное и грозное зрелище. Все действующие лица этой кровавой драмы единодушно назвали это сражение битвой гигантов.

В то время, когда мы готовились к общей атаке, Монбрень, корпус которого стоял прямо против центра неприятеля, был убит ядром. Я назначил на его место Коленкура и приказал ему броситься на Большой редут, который Вице-король должен был атаковать со своей стороны дивизиями Морана, Жерара и Бруссье, подкреплёнными легионом Вислы. Было около двух часов, неприятель успел окончить движение графа Остермана, подтянутого с праваго фланга. Войска его были поддержаны 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами. Стычка должна была стать кровопролитной.

Коленкур выполнил возложенное на него поручение с редким мужеством, несмотря на встреченные им трудности. Пройдя вдоль линии неприятельской пехоты, он бросился на редут, не обращая внимания на стоявшие вокруг батальоны и проник в укрепление с 5-м кирасирским полком. Но там он нашёл смерть. Его храбрые войска, расстроенные огнём пехоты Остермана и гвардии русских, расположенной позади укрепления, действующей совместно с кавалерией Корфа и Палена, вынуждены были отступить, чтобы укрыться под прикрытием пехоты.

Несколько минут спустя, колонны Вице-короля достигли Большого редута, дважды уже нами захва-

ченного и вновь занятого русской пехотой генерала Лихачёва (корпуса Дохтурова). Евгений одновременной атакой своих трёх дивизий овладел, наконец, в третий раз этим укреплением и захватил в плен Лихачёва. Он хотел ещё больше воспользоваться своим успехом, бросив корпус Груши на расстроенные батальоны Дохтурова, но кавалергарды и конная гвардия двинулись против нашей кавалерии. Эти отборные войска удерживали её довольно долго, чтобы дать время корпусам Корфа и Палена, отбиться от Коленкура, возвратиться к ним на помощь и принудили Груши присоединиться к нашей пехоте. Было три часа. Большой редут центра и флешы левого фланга были уже в нашей власти. Но русские, разместившись за троицким и семёновским оврагами, ещё оказывали упорное сопротивление. Обе стороны, утомлённые кровопролитием, продолжали канонаду, не возобновляя атак.

Поляки не оставались в бездействии во время этих убийственных натисков. Успехи Даву и Нея воодушевили Понятовского. Он повёл новую атаку на возвышение позади Утицы. Багговут, командующий на этом пункте, будучи одновременно под угрозой вестфальцев, благоразумно счёл оставить его полякам и пристроиться к линии Багратиона у верховьев семёновского ручья. Тогда сражение обратилось в канонаду, продолжавшуюся до поздней ночи. Будучи убеждён, что русские отступят ночью и уступят мне Москву без нового боя, я предпочёл эту полупобеду опасности более продолжительного сражения, неудачу которого ничем бы уже невозможно было поправить в том положении, в каком мы находились. Кутузов, действительно, двинулся с поля боя до рассвета и направился к Москве двумя колоннами. Одна из них шла на Можайск, другая – по старой Смоленской дороге.

Таковы были главные обстоятельства этой вели-

кой битвы, про которую столько писали. Описания одних походили на поэму, другие составляли критические репортажи более или менее пристрастные и весьма мало похожие одна на другую. Наконец, некоторые превозносили её до небес. Дело в том, что мой план, хорошо обдуманый накануне, был плохо исполнен с самого начала.

Бывают сражения, в которых успех зависит от первого удара, другие, в которых всё решается в конце дня, когда наступит благоприятная минута. Это зависит от взаимного положения. Можно только считать постоянным правилом, что когда одной стороне выгодно стремиться к развязке дела, другая должна стремиться к противоположному. Так при Ватерлоо благоприятным моментом для Веллингтона было приближение Блюхера. Для меня при Маренго – возвращение Дезе из Ривальты. Следовательно, в первом случае мне, а во втором – австрийцам необходимо было стараться с утра наносить решительный удар. Применяя эти истины к Бородинскому сражению, легко судить о нём. Уже в 6 часов утра наши войска были сосредоточены против левого фланга неприятеля, между тем как главные силы его были на правом. Нам надо было поспешить этим воспользоваться, и поэтому мы сделали очевидную ошибку, не употребив всех наших усилий при самой первой атаке и дав время Багговуту и Остерману прибыть на угрожаемые пункты.

Из вышеизложенного рассказа видно, что мы овладели Большим редутом и флешами уже тогда, когда неприятель успел перевести с правого на левый фланг два пехотных корпуса и кавалерию, то есть, когда он укрепил решительный пункт более, чем 40.000 человек при 200 орудиях. Это доказывает, что успех наш был бы полнее, если бы мы с утра направили Нея и вестфальцев на флешу, а Даву с его четырьмя диви-

зиями между этими флешами и старой Смоленской дорогой с тем, чтобы он, принимая вправо, скоординировал, наконец, свои действия с Понятовским. Мы овладели позицией, когда дело это представляло гораздо больше затруднений и меньше решительных последствий. Вице-король, ослабленный передачей одной из дивизий Даву, должен был бы только удерживать неприятеля и обстреливать его, совершать диверсию, а не атаковать центр, что стало бы совершенно излишним, если бы мы приобрели значительный успех на левом фланге неприятеля.

Что же касается упреков, которыми осыпали меня за то, что я отказался послать к Нею Молодую гвардию около одиннадцати часов, то я не спорю, что это могло быть очень выгодно, но отказ мой нельзя считать ошибкой. Неприятель демонстрировал ещё достаточно твёрдости. Все наши сражения против русских были продолжительны, упорны и кровопролитны. Я полагал, что у неприятеля должны быть ещё свежие войска, стянутые с правого фланга, и не знал, что даже вся гвардия русских была уже в деле. Мне не надо было вводить до противника в бой последние резервы. За 800 лье от начальных рубежей нельзя было действовать подобным образом. Карл XII был вынужден бежать из-под Полтавы в Турцию единственно от того, что у него не оставалось хороших резервов. Я, увидев решительный пункт сражения, действительно хотел направить туда Мортье с Молодой гвардией, но кавалерийская атака русских на мой левый фланг остановила исполнение атаки, которая, без сомнения, дала бы нам победу [20].

Обсуждая сражение на фоне всего, что происходило в обеих армиях, можно сказать, что мы сделали непростительную ошибку, атаковав в 10 часов Большой редут одной дивизией Морана. Если бы Вице-король атаковал его, как в 2 часа, всеми своими силами

и если бы я в то же время направил Молодую гвардию к Семёновскому на поддержку Нея, победа была бы полнее и, наверняка, одержана уже в 11 часов утра. Но так как этот общий натиск не был произведен, то удобнее всего было бы предпринять его в три часа, после взятия Большого редута. Тогда войска Багратиона, перешедшие под командование Дохтурова, были почти уничтожены, они много потеряли в борьбе с Вице-королем и Груши. Только корпус Остермана и два полка гвардии не понесли значительных потерь. Багговут, соединясь с остатками войск Тучкова, едва держался против Понятовского и вестфальцев.

Ясно, что если бы я направил мою гвардию правее Семёновскаго, между этим селением и верховьем ручья, русские, подавленные и обойдённые, вынуждены были бы начать отступление днём и потерпели бы полное поражение, но я не знал, что происходило у неприятеля. Моя армия была также расстроена, а кавалерия понесла большие потери. Я полагал, что у неприятеля остается ещё нетронутый резерв и никак не думал, что только одно московское ополчение не было в деле. Трудно было угадать всё это, гораздо легче рассуждать после того, когда всё стало известно.

Точно так же упрекали Фридриха Великого в том, что он не разбил армию Салтыкова в сражении при Кунерсдорфе, которое было очень похоже на Бородинское. Атакованные с левого фланга прусским королём, русские так упорно держались у Кугрундского оврага, что дали время правому крылу и Лаудону подойти и разбить пруссаков. Я имел перед Фридрихом преимущество хорошего резерва и превосходство в численности, поэтому под Бородиным поле сражения осталось за мной. Между тем, как прусский король понёс под Кунерсдорфом сокрушительное поражение.

Всегда готовый сознаться в истине я согласен, что в этом сражении не видно той живости в воображе-

нии и исполнении, какой были ознаменованы наши победы под Аустерлицем, Фридландом, Абенсбергом, Веной и Риволи. Писатели, не понимавшие причин моей осторожности, находили, что я был слишком осторожен. Другие приписывали это даже насморку, который будто-бы расстроил меня. Хотя я действительно был не совсем здоров, но сохранял все свои умственные способности и очень хорошо знал, что мне надо делать. Моя цель была весьма проста: подавить левый фланг русских: все приказы мои должны были соответствовать этой цели. Немного надо было умственных усилий, чтобы сообщить Вице-королю, когда ему начать атаку, а Мортье – поддержать Нея.

Причина моей чрезмерной осторожности была весьма естественна. Она заключалась в предшествовавших событиях и в нашем сложном положении. С одной стороны, моим глазам представлялась армия, прошедшая 800 лье, преодолевшая тысячи невзгод всякого рода, составленная из двадцати различных народов, и которая должна была подвергнуться ужаснейшим бедствиям в случае неудачи. С другой стороны, я видел русскую армию, содержащуюся в строгой дисциплине, сражавшуюся с большим энтузиазмом за свою родину, решивших умереть или победить, армию, которая доказала в продолжение долгого и трудного отступления как велики её самоотверженность, преданность и боевой дух. Все сражения, происходившие между нами и русскими в продолжение 12-ти лет, были упорны. Чего же должны мы были ожидать от усилий подобной армии под стенами города, с которым связывалась судьба империи? Если бы мы встретили тут тех же русских, что под Эйлау и Гейльсбергом, более чем когда-либо решившихся победить, и, если бы мы потерпели малейшую неудачу, что случилось бы с моей армией? Вот причины, повлиявшие на мой дух, заста-

вившие меня избегать всякого смелого, но опасного действия, и уменьшившие решительность, которая обыкновенно отличала все мои действия. Победа, как бы она ни была несовершенна, должна была открыть мне ворота Москвы, там я надеялся достичь всех результатов войны. Как только мы овладели позицией левого фланга, я был уже уверен, что неприятель оставит поле сражения в продолжение ночи. Для чего же было добровольно подвергаться опасным последствиям новой Полтавы [21]?

Эта кровопролитная и знаменитая битва, которой мы так пламенно желали, вовсе не соответствовала моей первоначальной цели. Я предпочёл бы дать сражение в Литве и дать сражение решительное. Русские приняли бой спустя 200 лье и не оставили мне никаких трофеев, кроме поля сражения, покрытого 60.000 умирающих и раненых с обеих сторон.

Тени храбрых, павших в этот знаменитый день потомство воздвигнет вам памятники бессмертия! Монбрень, Коленкур, Плезонн, Ромеф, Бонами, Марион, Компер, Гюар, вы были счастливее ваших собратьев! Вы пали, вознесясь на апогей славы и воспарили в вечность, когда отчизна ваша была властительницей половины Европы!

Не столь завиден жребий Багратиона, Тучкова, Лихачёва, павших со стороны русских: они сошли в гроб с горестью, видя иноземцев, попирающих землю их родины, которой угрожала близкая гибель. Но сожаление их было кратковременно. Они скоро бы узнали, что русское царство вышло с победой из этой беспрецедентной борьбы.

В ГОРЯЩЕЙ МОСКВЕ

Как только мы были извещены об отступлении неприятеля, наш авангард пустился преследовать его по

большой Московской дороге. Довольно жаркий бой близ Можайска заставил нас было думать, что мы не вступим в столицу без нового сражения. Неприятель действительно хотел удержаться на позиции при Филлах, в окрестностях Москвы, но, одумавшись, прошёл через город, оставив там только арьергард Милорадовича. Послав парламентаря к последнему, я вступил 14 сентября в столицу России.

Построенная подобно Риму, на семи холмах, Москва представляет весьма живописный вид. Надо видеть картину, которую представляет этот город, полуевропейский, полувосточный, с его двумястами церквей и тысячью разноцветных глав, возвышающихся над ними, чтобы понять чувство, которое мы испытали, когда с высоты Поклонной Горы увидели перед собой Москву.

При моём хорошем расположении духа я с нетерпением ожидал депутации города, имевшего такое влияние на внутренние области империи. Каково же было моё удивление, когда из авангарда получили донесение, что город выглядит совершенно пустым и что с трудом отыскали нескольких низших чиновников, которые действительно подтвердили, что большая часть населения и администрации оставили Москву.

Несмотря на это, я вступил туда весьма торжественно, но шествие наше совершилось в глубочайшем молчании, верном признаке тех предчувствий, которые томили каждого из нас. Я остановился в Кремле, в древних царских палатах, исполненных столь великих воспоминаний, необыкновенных по своей архитектуре – полуславянской и полувосточной – и увидел трон Петра I с тем же чувством, которое я испытал уже раз, посетив в 1806 году кабинет Фридриха Великого в Потсдаме. Прелестный вид, открывающийся с балкона дворца, наполнил мою душу сладостными ощущениями, но я скоро должен был забыть о них и заняться

разнообразными делами. Первым моим стремлением было устранить беспорядки, назначить каждому корпусу определённую часть города, в которых они должны были расположиться и решить свои неотложные задачи. В каждую часть города был назначен особый комендант.

Во всех завоёванных нами столицах, в которых оставалась хоть тень местного управления и часть жителей для охраны своего имущества, порядок был строго соблюдается. Но здесь, голодная армия, найдя всё брошенным, не могла считать Москву иначе, как огромным лагерем, оставленным неприятелем. Каждый солдат захватывал все, что оставалось без хозяина. Все предосторожности были приняты, чтобы поставить караулы у общественных складов, но тысячи частных лавок были заперты, владельцы их бежали с самым ценным имуществом, а солдаты, не надеясь добыть жизненные припасы в ближайшее время, взламывали магазины, оставленные хозяевами на их произвол. За грозными картинами грабежа последовали пожары, число которых вскоре значительно увеличилось. Сначала я приведен был в негодование этим обстоятельством, причину которого приписывал неосторожности войск, раскладывающих костры посреди строений, и приказал строго за это наказывать. Но пожары усиливались. Наконец, несколько пьяных жителей, пойманных с факелами в руках, объявили, что их намерение, обдуманное заранее градоначальником Ростопчиным, было следствием героической, но жестокой самоотверженности. На третий день Москва превратилась в огненное море. Вид с кремлевского балкона был бы достоин Нерона, поджигающего Рим, что же касается меня, то я никогда не подходил на это чудовище и при взгляде на эту ужасную картину сердце моё обливалось кровью.

Я дал войскам приказ принять все меры, чтобы

остановить это бедствие. Тщетные усилия! Все пожарные трубы были вывезены, три четверти домов были деревянные и огонь распространялся с неимоверной быстротой. В два дня от 7.000 до 8.000 домов сделались жертвой пламени. Кремль, окружённый высокой стеной, казался вне опасности, но долетавшие со всех сторон головни, заставили нас опасаться за арсенал и наши парки, к тому же вихри дыма и огня не позволяли дальше оставаться в этом месте. Я оставил его и нашёл убежище в Петровском дворце, куда с величайшей опасностью пробрался из этой пылающей печи.

Подобное бедствие совершенно изменило положение дел. Многие полагали, что оно спасло Россию и было причиной моей гибели. Нет, напротив, очевидно, если бы я был менее упорен в своих намерениях, то я должен бы был видеть в этом отчаянном действии доказательство, что русское правительство и народ не хотят вступать ни в какие переговоры и что мои войска должны тотчас же отступать, не дожидаясь зимы. Я судил иначе и в этом заключалась величайшая ошибка всей моей жизни.

Если бы русские дождались конца октября для истребления Москвы, подобная жертва была бы понятна – она действительно поставила бы меня в самое затруднительное положение, но в середине сентября это обстоятельство должно было спасти меня и жертва делалась бесполезной. Что было бы, если бы я, обрзумленный этим жестоким действием, на другой же день двинулся по Калужской дороге?

Хотя пожар и оставил нам ещё достаточные запасы продовольствия, но две трети были истреблены пламенем. С первых дней стал ощущаться их недостаток, особенно в фураже. То же самое случилось бы, но только несколькими неделями позже, если бы столица не была истреблена. Мы старались образовать

местные власти из русских, но не хватало чиновников, а те, которые согласились принять должности, не содействовали нам, а только требовали продовольствия для общественных учреждений и для небольшого числа оставшихся жителей. Здесь невозможно было питать войну войной.

МОИ ПЛАНЫ

Одним быстрым взглядом я оценил все последствия этого великого бедствия и увидел, что только мир может нас извлечь из пропасти, в которую ввергли нас расчёты, уничтоженные прихотливым, враждебным для нас роком. В этом предположении мне представлялось на выбор четыре способа действий: или зимовать в Москве, или отступить на юг к Воляни, или идти через Калугу на Смоленск и Вильно, или, наконец, направиться к северу и угрожать Петербургу, стараться занять его и, тем самым, принудить неприятеля к миру.

Я остановился сначала на этой последней мысли. Весьма вероятно, что Александр, в условиях угрозы своей второй столице, скорее бы решился вступить в переговоры. С другой стороны, это движение, выводя нас в тыл Витгенштейну, заставило бы его отступить в Ингерманландию и тогда ничто не мешало бы уже Виктору, Сен-Сиру и Макдональду двинуться на Псков и соединиться там со мной. Опасность быть преследуемым с тыла всей русской армией в условиях, когда я будто бы отступал от неё, другая опасность ещё большая, броситься в ингерманландские болота, 8-ю градусами дальше на север, в безвыходное пространство, всё это исчезало перед сладкими мечтами, порожденными надеждой заключить мир. Рассмотрев проблему внимательнее, я оставил это намерение и решился двинуться не к самому Петербургу, а

сделать только демонстрацию и, если она не склонит Александра к миру, отступить от Валдая и Новгорода через Себеж на Двину. Этот двойной план встретил сильное сопротивление в моём окружении. Для чего нам идти дальше на север, навстречу зиме, которая и без того не замедлит настичь нас, спрашивали меня, для чего углубляться в болотистую местность, в стратегическую западню, в которой неприятель, следуя за нами, может запереть нас? Не лучше ли обратиться на юг, к Волыни? Там, по крайней мере, зима не столь ранняя и суровая, что позволит нам расположиться по квартирам. Оттуда мы будем иметь возможность весной возвратиться и нанести новые удары в самое сердце России. Эти благоразумные доводы убедили и увлекли меня. Я решился подождать реакции русских: недели было достаточно, чтобы узнать какое впечатление произвело на С.-Петербургский кабинет известие о Бородинском сражении и взятии Москвы. Сила пожаров ослабела. Я возвратился 19-го в дымящиеся развалины Москвы, решив дожидаться там известий об Александре и Кутузове.

Трудно решить, правильно ли я сделал, отказавшись от намерения двинуться на Петербург. Самый искусный расчёт не в состоянии определить всех бедствий, которые могло повлечь за собой это смелое решение. Начав движение 20 сентября, мы бы могли достичь Новгорода около половины октября. Виктор и Сен-Сир находились бы на одной широте с нами. Кутузов шёл бы по нашим следам, ежедневные аррьергардные бои стоили бы нам больших потерь. Бесплодная местность предоставляла бы нам ещё меньше ресурсов, чем Литва. Наши изнуренные лошади не могли бы поправиться, а наши соединённые силы не составляли бы и 150.000 человек, между тем, как у Кутузова, соединенного с Витгенштейном и рижским отрядом, было бы более, чем у нас, считая новые на-

боры и иррегулярные войска. Он придерживался бы своей любимой тактики и изнурил бы нас частными стычками. Нуждаясь в припасах, мы принуждены были, наконец, возвратиться через Витебск к Вильно. Если бы Кутузов взял направление на Смоленск и держался на одной широте с нашим правым крылом, мы испытали бы на этой дороге все то, что случилось с нами на Смоленской дороге.

Благодарзумнее всего было бы двинуться немедленно на Волоколамск и Торопец и оттуда прямо на Витебск, или броситься на Кутузова, разбить его, уничтожить Тульский оружейный завод и возвратиться через Калугу и Ярославль на Смоленск. Никакими другими действиями мы не могли избавиться от гибели.

Теперь, размышляя хладнокровнее и лучше зная положение дел в России, я признаю, что выгоднее было двинуться к югу, чем на Петербург, особенно, если бы первое из этих движений было исполнено вовремя. Последнее из них было действие отчаяния. Мысль, что Александр вступит в переговоры, узнав о нашем движении, была ошибочна: ответ Кутузова и слова Балашева в Вильно служат тому доказательством. Александр решился сохранить честь своего венца или пасть со славой, заявив, что не вступит ни в какие переговоры, пока ноги иноземцев будут попирали русскую землю. К тому же, после Дриссы произошли большие перемены в составе главного штаба русской армии и в военных представлениях русских.

Они увидели, что, если армия их станет отступать к северу, то будет оттеснена к балтийским берегам, отрезана от внутренних областей империи и прижата к морю. Люди, сведущие в военном деле, одержали верх, вследствие этого было движение к Тарутину после оставления Москвы. Полководцы, считавшие русскую армию в опасности, если бы она направилась к северу, были бы уверены в успехе, увидев, что я по-

падаю в положение, которое они считали опасным и для себя, несмотря на то, что действовали в своей собственной стране. Движение на Новгород не только не заставило бы их желать мира, но произвело бы всеобщую радость при мысли, что я добровольно стремлюсь к гибели в бездну, которой они сами страшились. Люди, слепо удивлявшиеся всем моим сообщениям, возлагали все несчастья конца этой кампании на благоразумные советы, отклонившие меня от мысли двинуться на Петербург. Я справедливее их и сознаюсь, что исполнение этого плана было бы для нас губительно.

Возвратимся к развалинам Москвы. Я сказал уже, что снова въехал туда 19-го. Хотя разрушение города и могло заставить меня сконцентрировать на себе всё моё внимание, однако я не выпускал из глаз и русскую армию. Мюрат последовал за ней по Рязанской дороге, по которой направился русский арьергард. Усталость наших войск вынуждала дать им небольшой отдых. Положение наше делалось все запутаннее. Москва, как все большие столицы, есть сосредоточие страны, из которого расходится множество дорог. Отряды неприятельской кавалерии показались близ Клина на пути в Петербург, другие охраняли Ярославскую и Тульскую дороги. Все это приводило в неясность сведения о неприятеле. Нам надо было посылать разъезды и сильные партии по всем направлениям и вместе с тем прикрывать наше сообщение с Можайском. Кавалерия наша была в самом жалком положении, а неприятельская сохранилась гораздо лучше и не нуждалась в фураже. Броситься за Кутузовым на Рязань значило подвергнуться явной опасности, если он направился на Петербург или Тулу, потому что он был бы ближе нас к Москве. Прошла неделя и я ни на что ещё не решился. Наконец, Мюрат донес, что русская армия обманула нас. Направившись сначала по Рязан-

ской дороге, она свернула к Пахре, чтобы двинуться к Туле или Калуге. Я тотчас же послал Бессьера сделать рекогносцировку в этом направлении и готовился сам двинуться 28-го к Подольску, чтобы выйти на правый фланг русских и отбросить их к Днепру, когда Мюрат донёс, что неприятель снова отступает. Я отменил отданный войскам приказ и решил подождать, чтобы яснее рассмотреть положение дел и оценить намерения неприятеля. Эти потерянные две недели были для меня большим несчастьем.

Кутузов успел укрепиться в позиции, которую он занял близ Тарутина, за рекой Нарой, в промежуточном пункте между Тулой и Калугой, на старой дороге из этого города в Москву. Этим положением он прикрывал Тульский оружейный завод и плодороднейшие и населённейшие губернии и, в тоже время, приближался к Смоленской дороге и мог своим левым флангом угрожать нашей единственной линии отступления. Я с нетерпением ждал новостей – какое действие произвело на Александра и двор известие о Бородинском сражении и взятии Москвы и тешил себя небольшой надеждой. Все обстоятельства, сопровождавшие пожар и самое Бородинское сражение несколько не могли ободрить меня, но потери неприятеля были велики. Они могли тронуть императора и склонить его к прекращению кровавых бедствий войны. Русская армия превосходна, но разница между солдатом и мужиком так велика, что я полагал почти невозможным скоро реорганизовать армию, однажды так расстроенную. Я думал, что русское правительство рассуждает также и потому мог надеяться, что оно примет мир, если я предложу его на выгодных условиях.

Разговор мой с одним из русских дворян, принявших должность в образованном мною гражданском управлении, заставил меня решиться поручить ему доставить письмо императору Александру. Господин

Яковлев отправился с этим поручением 24 сентября. Достаточно было недели, чтобы получить ответ, но прошло десять дней и я не получил его [22].

Я решился поддержать этот первый шаг более формальной мерой, отправив 4 октября моего генерал-адъютанта Лористона в главную квартиру Кутузова. Ему было поручено передать письмо к императору Александру, в котором я предлагал ему вступить в переговоры и начать их заключением перемирия. Лористон должен был доставить предложения Кутузову, но тот отказался, заявив, что ему не предоставлены полномочия вступить в переговоры и обещал только переслать письмо, которое он действительно отправил с князем Болконским.

Между тем, большая часть моей армии была расположена в Москве и её окрестностях. Сильный авангард, под командой Неаполитанского короля был выставлен против русских в Винькове. Мы уже двадцать дней стояли в Москве, а неприятель не делал никаких предложений, но я ещё не отчаивался, надеясь, что он, наконец, на это решится. Расчёт этот был неверен, я сам в этом сознаюсь, что хотя не вполне предавался своей надежде, но я не мог без ужаса оглянуться назад и согласиться с мыслью об отступлении. Полагают, что я мог избежать постигшего меня несчастья, если бы вместо того, чтобы возвратиться в сожжённую Москву, я тогда же решился бы двинуться к Смоленску или Киеву. Отступление на Смоленск представляло затруднения. Дорога была разорена, а мы нуждались в съестных припасах. Впрочем, мы могли бы совершить это отступление, если бы начали его до морозов и до получения неприятелем подкреплений, и направились бы на Ельню.

Отступление на Киев было заманчивее: путь вёл по богатым и ещё не тронутым областям, в которых моя армия могла бы существовать в довольстве, и, кроме

того, он соединял меня с Шварценбергом. Я мог тогда принять за основание дислокации Замостье, Люблин и Варшаву, но для этого мне необходимо было быть уверенным в расположении Австрии, так как я становился её заложником. Кто знает, не в большей ли бы опасности я был – она могла поступить со мной так же, как в 1813 году, когда она атаковала меня в Дрездене. К тому же войска Тормасова, Чичагова и Сакена находились тогда на дороге из Москвы в Киев. Движение против них могло быть сопряжено с опасностью. Кроме того, важнейшие мои запасы были собраны в совершенно противоположной стороне – в Ковно, Вильно и Минске.

Я говорил уже о третьем плане действий: подняться до границ Тверской и Псковской губерний, и, двинувшись оттуда через Невель на Полоцк, соединиться с Виктором и Ожеро. Таким образом, я мог избежать отступления, параллельного неприятельскому движению и опасности быть настигнутым в Смоленске. Я вышел бы на нижний Неман, где были заготовлены мои запасы, и приблизился к Балтийскому морю, а русские, не встречая никакого сопротивления по Смоленской дороге, могли выйти на мой правый фланг у Витебска или у Глубокого, точно так же, как им удалось сделать это под Красным. Само слово «отступление» смущало меня. Со времени сражения при Кастильоне во время Итальянской кампании я произнес его только два раза: после Эйлау и Эсслинга. В обоих этих случаях я знал, что отступаю только для того, чтобы собраться с новой силой. Я чувствовал, что в России было совсем иное дело, что каждый шаг назад мог иметь влияние на всю мою судьбу. Хотя Австрия и выдала за меня одну из своих эрцгерцогинь, но я очень хорошо знал, что эти узы полезны в нормальном положении дел, но ничего не значат в таких обстоятельствах, в каких мы находились тогда. Мне

был известен антифранцузский дух Берлина и Вены, я сам создал его.

Армия моя уменьшилась наполовину в период прекрасных долгих дней и ночей июля и августа в обстановке торжественного марша, что же должно было сделаться с ней при отступлении по той же дороге, по осенним грязям или морозам зимы, всегда суровой под 55-м градусом широты, когда долгие ночи и само время года делают бивуаки убийственными даже для людей самого крепкого телосложения? Где предел её страданиям, её расстройству? Где приют больным и отставшим? Оставшиеся лошади не могли переносить невзгод больше, чем люди, а без кавалерии, артиллерии и обоза, нам было бы слишком трудно бороться с неприятелем. Все факторы соединялись в его пользу. Он получал хлеб из внутренних областей и, если не пользовался изобилием, то, по крайней мере, мог раздавать войскам регулярно те же пайки, которыми они питаются и в мирное время. Русские лошади, выросшие в степях, привычны к бивуакам и в случае недостатка в сене едят кору и ветки деревьев. Для них были весьма естественны усталость и недостатки фуража, от которых гибли наши лошади.

Как я мог начать наступление на Днестре или Немане с моей расстроенной армией, имея за собой миллионы врагов, а перед собой усиленную русскую армию? Начав отступление даже 30 сентября, я не мог надеяться спасти ни мою кавалерию, половина которой стала уже бесконной, ни артиллерию, ее тащившую.

Я бы не задумался ни на миг, если бы моя армия состояла из одних французов, но они не составляли и её половины, остальная часть, вовсе ненадёжная, была образована из пруссаков, австрийцев и прочих народов, преданность которых была слишком сомнительна. Сколько раз, предаваясь этим грустным размышлениям, я жалел, что не последовал мысли благо-

разумного человека, говорившего мне в Берлине, что я погублю мою армию в случае большой войны на севере, если не буду иметь основанием действий Пруссию и не привяжу к себе это государство выгодными для неё уступками.

Однако, так как в подобных обстоятельствах надо остановиться на наименее опасном плане, я решился на отступление к Киеву, представлявшееся самым выгодным из всех. Но слишком большая вера в мою счастливую звезду и привычка рассчитывать всегда на слабость противника, заставили меня отложить его исполнение до возвращения курьера из Петербурга, я тешил себя надеждой, что император Александр не захочет упустить случая вступить в переговоры. Мне скажут, что народ, решившийся сжечь такой город как Москва, никогда не согласится вступить в переговоры несколько дней спустя, но всякий легко убеждает себя в том, чего желает.

Время шло, а из Петербурга не было ответа. Тайные волнения охватили меня, беспокойство моё усиливалось ещё нерадостными известиями из Испании. Следствием сражения при Саламанке было вступление Веллингтона в Мадрид. Война, почти угасшая, вспыхнула снова с большей силой, чем прежде. События на моих флангах приносили новые заботы. Шварценберг рассеял все сомнения насчёт назначения Молдавской армии: она направилась против него под командованием адмирала Чичагова, который принял главное командование и над войсками Торماسова, отозванного к главной армии. Будучи не в состоянии бороться против 102 батальонов и 120 эскадронов, составлявших до 70.000 человек, князь Шварценберг отступил за Буг. Варшава затрепетала и даже Вильно могло подвергнуться опасности. С другой стороны, отряд Штейнгеля, переправившись из Финляндии, высадился в Лифляндии и создал неприятелю перевес

над Макдональдом. Если бы эти силы русских успели соединиться с Витгенштейном, уже подкреплённым С.-Петербургским ополчением, его армия, успевшая с половиной сил сохранить грозное положение в продолжение всей кампании, достигла бы 75-ти батальонов и 38 эскадронов. Чтобы противостоять этой двойной угрозе, Виктор, герцог Беллунский, был подтянут в Смоленску, куда Бараге-д'Иллье привёл ещё 10.000 человек, отличная дивизия Дюрютта вступила в Варшаву. Я просил австрийского императора усилить Шварценберга, а прусского короля прислать дивизию на подкрепление Макдональду.

Между тем, я с внешним спокойствием ожидал срока, в который надеялся получить ответ, показывал вид, что намерен зимовать в Москве. Я даже шутил над одним из моих генералов, принадлежавших к числу противников войны, и спрашивал его, где же тот самый ужасный холод, последствий которого он так сильно опасался? В самом деле, до 13 октября стояла прекраснейшая погода, как бы нарочно для того, чтобы поддерживать в нас нашу гибельную беспечность. Я теперь должен сознаться, что если бы я не смотрел на всё сквозь призму тысячи предубеждений, одного положения неприятеля под Тарутиным достаточно было, чтобы открыть мне глаза. Угроза нашим сообщениям не походила на положение армии расстроенной и лишённой бодрости. Оно не только прикрывало нерасстроенные войной области государства и обеспечивало сильные подкрепления, но имело даже наступательный вид. Наше победоносное и спокойное положение вводило меня в заблуждение. Мы стояли в Москве, как на границах Франции. Ежедневно получали эстафеты, письменная почта ходила регулярно. Мне доставляли переписку министров и Государственного совета. Из стен Кремля я заботился о малейших нуждах моей империи. Ни один француз

не мог пожаловаться, что он что-либо потерял от моего отсутствия во Франции, которое, казалось, должно было совершенно остановить ход дел. Неприятель захватил только несколько отрядов и транспортов по Можайской дороге. Сильные колонны гвардейской кавалерии очистили этот путь от русских партизан, начинавших испытывать свои силы, но боявшихся ещё действовать слишком смело. Известнейшими из них были Давыдов, Сеславин и Фигнер. Первый из них – остроумный и любезный поэт и образованный офицер, второй – деятельный и предприимчивый командир, а третий – немецкого происхождения, но в бою настоящий татарин. Поддерживаемые жителями края, они опустошали всё на наших сообщениях, но, соблюдая ещё осторожность, редко тревожили наши войска, расположенные близ Москвы. Постепенно, к концу нашего пребывания в столице, они сделались гораздо смелее. Вокруг города наши фуражиры в небольших партиях имели беспрерывные стычки с вооруженными крестьянами, ополчением или казаками. Мы ежедневно теряли сотни людей, отделявшихся от основных частей не столько для мародерства, сколько для добывания необходимого фуража, в котором мы ощущали повсеместный недостаток. Даже сильные отряды, посылаемые для разведки о неприятеле или для прикрытия фуражировок, часто захватывались или оттеснялись легкой кавалерией неприятеля.

Время, необходимое для получения ответа из Петербурга истекло, зима приближалась. Было ясно, что русские не желали мира. Так как наше движение на Москву не имело тех последствий, которых я ожидал, мне необходимо было прикрыть мои сообщения и возвратиться к Днепру. Невозможно было и думать провести предстоящую зиму посреди развалин Москвы.

Наконец, 13 октября выпало немного снега. Это должно было подтолкнуть меня к отступлению и я ре-

шился выступить до 20-го. Уже 15-го направили госпитали в Смоленск. Самая прекрасная погода последовала за первым кратковременным снегом. 18-го корпус Нея вступил в Москву для дальнейшего следования. В то время как я делал смотр его корпусу, разнесся слух, что Мюрат потерпел полное поражение. Целое утро слышна была сильная стрельба, в Москве все встревожились. В самом деле, русские, убедившись, что Мюрат был не в состоянии сопротивляться всей их армии, поправившейся и отдохнувшей, решились подавить его своими силами. Мы устно согласились отложить военные действия до получения ответа, но Кутузов отверг предложение перемирия на заключение которого у него не было полномочий. Слишком доверчивый Мюрат не принял всех необходимых мер предосторожности. Наши войска, уже привыкшие к спокойствию, которое они считали предвестником мира, не думали, что оно могло быть нарушено. Беннигсен двинулся с двумя третями русской армии к Винькову против нашего авангарда. Слишком растянутое движение, ложное направление колонны, предназначенной для обхода позиции Мюрата, слишком поспешная атака против центра нашего авангарда, помешали удачному исполнению зрелого плана, обдуманного неприятелем в течение целой недели. Впрочем, хотя Мюрат и не понёс полного поражения, но мы лишились многих храбрых воинов и потеряли значительное число орудий и обоз. Предприятие неприятеля доказывало, что он чувствует себя достаточно сильным, чтобы вступить в борьбу с нами.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Я оставил Москву 19-го, отправив Лористона парламентарём за ожидаемым ответом. Между тем, Мюрат должен был двинуться вправо и ускользнуть от

неприятеля, а я направился сначала по дороге на Тарутино с намерением дойти до Троицкого, свернуть вправо на Калужскую дорогу и достигнуть Боровска или Малого Ярославца прежде, чем Кутузов узнает об этом. Если бы нам удалось опередить его, ничто не мешало бы нам направиться, если не на Калугу, то, по крайней мере, через Юхнов на дорогу в Ельню и Смоленск.

При выступлении из Москвы, армия моя походила на войска Дария. В ней насчитывалось до 80.000 под ружьём и 15.000 больных или выздоравливающих, при них было 600 орудий и до 2.000 артиллерийских повозок. Чтобы укомплектовать артиллерийских лошадей, я пожертвовал нашими тяжелыми понтонными экипажами, так как у нас были мосты на всех реках, а для непредвиденных обстоятельств нам оставались мосты на козлах.

Наши войска, зная из опыта испытанных уже лишений, что они не могут надеяться на верную и своевременную раздачу провианта, сами приняли всевозможные меры, чтобы избежать голода. Каждая рота заготовила себе обоз из двух или трёх телег для перевозки припасов, собранных на развалинах Москвы или в окрестных деревнях. К этому обозу присоединялся другой, в котором, под тем же предлогом, перевозилась противозаконная добыча, захваченная солдатами и офицерами в оставленных магазинах. Чтобы ещё лучше замаскировать свою добычу, многие говорили, что они запаслись средствами предохраняющими от холода. У каждого офицера без команды, у каждого чиновника был такой же обоз и под тем же предлогом. Таким образом, наши лошади, захваченные в России и прусские лошади, не павшие при нашем движении вперёд, тащилась в хвосте наших колонн, влача телеги и брички разных размеров. Число этих повозок почти равнялось числу войск под

ружьём. Ни одна армия в новейшее время не представляла подобного зрелища. С этим-то impedimenta готовились мы предпринять самое затруднительное отступление из всех, когда-либо совершённых в мировой истории.

Я должен был допустить эти злоупотребления, потому что в них заключались все средства нашего спасения. Этот обоз, думал я, будет уменьшаться с каждым днём, а оставленные повозки, снабдив нас продовольствием, могут служить в качестве заграждения дорог, для обороны от неприятельских партизан или для перевозки больных и раненых, неизбежных при отступлении. Между тем, эта толпа лошадей пожрала на своём пути весь фураж и пала от недостатка в пище. Оставленные нами следы доказывают, что великие предприятия не удаются в связи с масштабом приготовлений, которые, по-видимому, должны были бы обеспечить им успех.

Мортье остался в Москве с 7.000 или 8.000-ми человек. Он должен был собрать всех оставшихся в городе и прикрывать наши сообщения, пока не будет окончательно определено направление нашего движения, потом взорвать стены Кремля, зажечь уцелевшие строения и, соединясь в Можайске с остатками войск Жюно, последовать за основными силами.

Хотя я и решился идти по дороге на Боровск, но сделал первый переход по старой Калужской дороге с целью обмануть русских и поддержать отступающего Мюрата, Неаполитанского короля. Вице-король, составлявший мой авангард, свернул 20-го к Быкасову, на дорогу в Боровск и Малый Ярославец, колонна его войск вышла на ту же дорогу вечером 22 числа.

Я горел нетерпением достигнуть Боровска, там я должен был узнать, дошло ли до Кутузова известие о моём выступлении из Москвы и принял ли он меры к преграждению нам пути на Калугу. Там же должен был

присоединиться ко мне Мюрат, оттуда я был намерен направить Евгения к Малому Ярославцу. Наша участь зависела от возможности опередить Кутузова в этом пункте и, если бы он не узнал о нашем выступлении, это ещё было бы возможно, несмотря на то, что мы потратили три дня для демонстрации незначительных движений и прошли в это время не более 10 лье, 23 я поскакал в галоп к Боровску, занятому Евгением ещё накануне, Мюрат со своей стороны тоже приближался к этому городу. С неприятельской стороны были замечены только незначительные разъезды на нашем левом фланге. Евгений получил приказ двинуться к Малому Ярославцу и поспешил занять этот город своим авангардом. Всё позволяло думать, что мы беспрепятственно овладеем совершенно новой дорогой через Ельню на Смоленск. Я предписал Виктору, герцогу Беллюно, выслать к нам по этой дороге дивизию Бараге д'Илье, состоявшую из 10.000 рекрутов, сформированных в запасные полки и предназначенные для пополнения. Я приказал также вяземскому коменданту направить подвижную колонну в 3.000 или 4.000 человек для доставки эстафет по новой дороге.

Евгений не разделял моей уверенности. По его мнению, всё более и более увеличивавшиеся на левом фланге сильные партии русских доказывали важные передвижения в войсках неприятеля. В Боровске я узнал, что Мортье выполнил мои приказ и что 180.000 фунтов пороха, заложенные под стенами Кремля, взорвали большую их часть, а также Арсенал. Мортье направился 24 к Можайску, взяв с собой генерала Винцингероде, который один, в сопровождении лишь одного адъютанта, неосторожно въехал на улицы Москвы и был взят в плен.

Я не имел возможности убедиться, что Кутузов вовремя поспеет к Боровску, но Евгений, видя близость неприятеля к нашему левому флангу, двигался

нерешительно, не от того, что он боялся наткнуться на русских, а от того, что считал моё положение опасным – я мог быть атакованным в Боровске и в этом случае он должен бы был возвратиться назад, чтобы принять участие в бою.

Одно из этих непредвиденных событий, объединившихся в ходе этой кампании для расстройств моих планов, произошло в неприятельской армии. Кутузов, извещённый о движении Евгения на Боровск, ещё не подозревая о нашем общем отступлении, также вздумал захватить врасплох 4-й корпус, как Мюрата под Тарутиным, и поручил Дохтурову, усиленному до 25.000 человек напасть на 8.000 или 10.000, которые, по мнению русских, были неосторожно выдвинуты к Боровску.

Дохтуров приблизился к этому городу и наткнулся бы на всю нашу армию, но партизан Сеславин, узнав о моем выступлении, известил Дохтурова, который сначала не хотел этому верить. Отправившись в наше расположение, Сеславин захватил в плен офицера Молодой гвардии, который подтвердил его слова. Начальник штаба Дохтурова буквально полетел в Тарутино, чтобы известить Кутузова, что я оставил Москву и со всеми силами двигаюсь по Калужской дороге, в то же время войска, которые должны были захватить Евгения в Боровске, направились к Малому Ярославцу. Это обстоятельство имело важнейшие последствия, потому что русская армия, которая до того оставалась спокойно в Тарутине, выступила оттуда 24 и также направилась к Малому Ярославцу. Утром 25-го Дохтуров достиг этого города и вытеснил оттуда наш авангард, но Вице-король со всем своим корпусом снова захватил город. Завязался упорный бой, продолжавшийся целый день. Вице-король со славой удерживал позиции против превосходящих сил неприятеля. Постепенно подходившие русские корпуса

усиливали вступившие уже в бой войска. Пылающий город семь раз переходил из рук в руки, но развалины его окончательно остались за Евгением. Мы лишились храбрых Дельзона и Пино, два адъютанта Вице-короля были ранены. К вечеру моя армия также прибыла к Малому Ярославцу. Даву подкрепил Евгения двумя дивизиями, которые встали на флангах 4-го корпуса и позволили ему удержаться.

Город был похож на костер, наполненный убитыми. Он был в наших руках, но дела мои несколько не улучшились. Кутузов, заняв позицию несколько позади, преграждал мне путь. Чтобы продолжить движение, мне надо было дать сражение армии, вставшей на моих сообщениях, которые я хотел открыть, а потом продолжать отступление вдоль неприятельской линии. Подобное действие было бы тем неблагоприятнее, что в нашем тылу пролежала другая дорога через Верею. Оно показалось мне слишком опасным и я отказался от намерения пробиваться на Калугу, решив возвратиться на дорогу через Вязьму, единственную, которая оставалась ещё под моим контролем.

Обе армии провели 25-е число во взаимно угрожающем положении, почти на расстоянии пушечного выстрела одна от другой. Но 26-го я отступил по дороге на Боровск. Все обстоятельства этого отступления были запечатлены клеймом необычности: в то самое время, когда я передумал пробиваться, Кутузов со своей стороны решил не принимать генерального сражения и отдал приказ к отступлению. Хотя я и узнал об этом вовремя, но не изменил своего намерения и сделал большую ошибку: выгоды мои требовали, чтобы я без важных причин не оставлял направления движения, оставлявших мне последнюю надежду для спасения. Я собрал на совет моих генералов. Все, даже стойк Мутон, придерживались того мнения, что надо возвратиться к Неману ближайшей и самой сво-

бодной дорогой. Вследствие этого, вместо того, чтобы направиться по прямой дороге через Медынь и Юхнов на Ельню, опрокинув заграждавший её русский кавалерийский корпус, я возвратился через Верею на Можайск. С этой минуты отступление должно было сопровождаться самыми бедственными событиями, в чём весьма легко убедиться, рассмотрев внимательно положение обеих сторон: русская армия, прибыв к Тарутину в числе 60.000 основного войска и 20.000 иррегулярного, усилилась там рекрутами и резервами и выступила оттуда в количестве 90.000 регулярного войска и 30.000 ополченцев и казаков, 22 полка которых присоединилось к армии. Кавалерия эта, совершенно не способная к настоящим сражениям, весьма сообразительна, неутомима и предприимчива. В этом качестве она была для неприятеля полезнее отборнейших полков гвардии.

Мы должны были отступать по одной дороге. Неприятельская армия, стоявшая уже на нашем фланге, имела в своих руках дорогу, по которой могла прибыть раньше нас в Вязьму, Смоленск и Красное. Мы, без всякого сомнения, подвергались опасности беспрепятственных тревог и даже сильных атак с их стороны. С 15.000 кавалерии, из которых через две недели не осталось и 5.000, мы должны были прикрывать и наши фланги, и огромные парки.

В моей пехоте насчитывалось ещё от 60.000 до 65.000 храбрых солдат, но что могли они сделать против неприятеля, который, двигаясь параллельно нашей линии отступления, мог произвольно атаковать корпуса, шедшие в голове или хвосте нашей колонны и войска которого должны были окончательно поверить в свои силы по мере увеличения опасности нашего положения. Если бы мы направились по дороге на Ельню, мы были бы преследуемы неприятелем только с тыла и не подверглись бы ни одной из этих

атак, параллельных нашей линии отступления, которые каждый день могли иметь самые гибельные последствия для нашей судьбы.

Выйдя на большую Смоленскую дорогу, я продолжал по ней движение. Более всего нам надо было стараться избежать неприятеля и как можно скорее перейти разорённый нами край. Чтобы облегчить движение и избежать затруднений тесноты, я разделил армию на четыре корпуса, шедшие на полдня расстояния один от другого. Я шёл в авангарде с гвардией, за мной следовали корпуса Нея, Вице-короля и Даву, последний составлял арьергард.

Кутузов отрядил для преследования казаков и 25.000-й авангард под командованием Милорадовича, который 1-го ноября настиг наш арьергард у Гжатска. Главные силы русских двинулись прямо на Вязьму, показывая своё намерение отрезать нам отступление. Однако нам удалось достичь этого города раньше русских. Я прошёл его с моей гвардией, но приказал Нею оставаться там до прибытия корпусов Вице-короля и Даву, которые могли быть отрезаны, если бы мы оставили этот пункт без обороны. События оправдали необходимость этих мер.

3 ноября Милорадович искусно сделал манёвр вдоль большой дороги и вышел на неё между Вязьмой и Фёдоровским. Вице-король был уже близ Вязьмы, но Даву не миновал ещё Фёдоровского. Обстоятельство это было гибельным, но Евгений исправил ситуацию своим мужеством и решимостью. Он вернулся назад и напал на русских, которые, будучи атакованы с другой стороны войсками Даву, должны были очистить дорогу и дать свободный проход нашим войскам. Тогда оба мои корпуса отступили к Вязьме, неотступно преследуемые русскими, которые, получив подкрепления и видя отступление наших колонн, удвоили свою смелость и, выбив из

Вязьмы наш аррьергард, отбросили его за реку Вязьму. Это дело, которое мы могли считать победой, потому что намерения неприятеля не удалось, стоило нам до 5.000 человек выбывшими из строя. Оно могло бы иметь гибельные для нас последствия, если бы главные силы русских, достигшие уже дороги из Вязьмы на Юхнов, действовали бы смелее, но Кутузов, не желая завязывать общее сражение, остановился в Быкове, в трёх лье от Вязьмы, послав к этому городу только сильный отряд кавалерии, который был удержан целый день корпусом Нея, прикрывавшим Вязьму со стороны Юхнова. Кутузова упрекали в этой ошибке, в тактическом отношении она была действительно важна: если бы его 60.000, вытеснили Нея из Вязьмы, то половина бы моей армии погибла. Но тогда мы были ещё довольно сильны и могли дать сражение с некоторым шансом на успех, а он был уверен, что оттеснит нас к Неману, не подвергаясь опасности, и потому решил в этом случае поступить с нами осторожно.

Избежав столь очевидной опасности, моя армия продолжала отступление к Смоленску. Оно становилось со дня на день затруднительнее. Запасы, взятые в Москве, истощились, лошади, нуждаясь в фураже, гибли целыми упряжками и мы вынуждены были бросить множество единиц артиллерии. Зима сменила, наконец, прекраснейшую осень, необычную в этих суровых краях. Нея, составлявший аррьергард, горько жаловался на анархию, которая закрадывалась во все корпуса и с каждым днём становилась чувствительнее для тех, кто шёл в хвосте колонны. Мои орлы, служившие когда-то верным залогом победы, сделались теперь талисманом, с которым связывались все надежды для войск, оставшихся верными своим знамёнам. Смерть казалась неизбежной участью храбрых, с героической самоотверженностью собиравшихся под ними.

ЗАГОВОР МАЛЕ

Казалось, несчастье старалось использовать против меня все свои удары. Мало того, что перед моими глазами предстала картина бедственных событий, малейшим следствием которых должно было быть уничтожение могущества, приобретённого мной в Европе. Судьба готовила мне не менее горестное испытание: мой престол едва не был свергнут простым государственным преступником. 6 ноября, в одном переходе от Смоленска, я узнал о заговоре генералов Мале и Лагори, если только можно назвать заговором это странное событие, беспримерное в летописях мира [23].

Генерал Мале, более известный своими любовными, нежели военными подвигами, ревностный защитник республиканских идеалов (а не приверженец Бурбонов, как говорили впоследствии), принудил меня, года четыре тому назад, заключить его в тюрьму, откуда из-за болезни его перевели в госпиталь, там он считался под арестом под честное слово. Пылкое воображение этого искателя приключений, подало ему мысль изменить образ правления в государстве. Он знал о нашем вступлении в Москву и бывшем там пожаре. Уверенный в том, что каков бы ни был конец кампании, я буду слишком занят за 800 лье от Парижа, чтобы вовремя расстроить его замыслы, он бежал в ночь с 23 на 24 октября, явился в казармы с подложным приказом и, объявив солдатам о моей смерти, именем Временного правительства потребовал передачи власти в свои руки. С немногочисленным отрядом он отправился в Консьержери и освободил генерала Лагори, бывшего адъютанта Моро. Лагори с сотней человек бросился к Савари, захватил министра внутренних дел и, отправив его в тюрьму, занял сам его место.

Мале, со своей стороны, направился к генералу Гюллину, парижскому коменданту, которого был намерен заменить. Найдя его расположенным к защите, он выстрелил из пистолета и ранил его, но полковник Лаборд, узнав в Мале беглого арестанта, подоспел на помощь к Гюллину и, схватив Мале, стал бороться с ним, пока стража не связала этого сумасброда. Войска, выведенные из заблуждения, были направлены к дому министра полиции. Лагори уже представлял свою власть столь прочной, что уже приказал снимать с себя мерку для министерского мундира, когда за ним пришли и очень вежливо попросили пожаловать снова в тюрьму. Когда собрался Сенат, созданный канцлером, оба сумасброда были уже под стражей. Их предали военному суду, и они получили заслуженную награду за свою странную и дерзкую попытку – были расстреляны.

Намерение их, основанное на действии, в основе которого был ложный слух о моей смерти и на фантазиях двух пылких голов, имело, быть может, совершенно иной успех, если бы заговорщики подождали несколько дней и привели бы его в действие тогда, когда в Париже узнали бы о нашем бедственном отступлении. Тут я вполне увидел опасность моего положения в литовских болотах: два исступленных республиканца соединились с аббатом, агентом партии роялистов, и составили заговор. Это обстоятельство было не менее странно, чем сам заговор. Впрочем, совершенное спокойствие Франции при известии об этом происшествии помогло рассеять опасения моих сторонников. Мы не отделались бы так просто, если бы один из Бурбонов, подобно принцу Эдуарду, вышел бы на берег в Гавре в то самое время, когда в Париже образовалось временное правительство. Я сообщил эту новость лишь небольшому числу моих генералов и впечатление, которое она произвела на

них, убедило меня, что их более изумила непрочность моего могущества, чем самые несчастья, нам угрожавшие.

С 7 ноября холод увеличился и с ужасающей быстротой развил степень расстройств армии, начавшегося уже под Вязмой. Мы выступили из Москвы в числе 90.000, а в Дорогобуже по строевым рапортам не насчитывалось под ружьём и половины этой численности. Нам оставалось сделать один или два перехода, чтобы достичь Смоленска. Мы получили ручные мельницы, сделанные в Париже для замены настоящих мельниц, недостаток в которых повлёк столько болезней, заставляя солдат питаться варёной рожью [24]. Я надеялся найти в Смоленске достаточное количество запасов и остановиться там для восстановления дисциплины и порядка. Дивизия Бараге д'Иллье, пришедшая из Франции и составленная из войск, предназначенных для пополнения полков, была расположена на дороге в Ельню, к которой мы приближались. Вид этих солдат, сохранивших порядок и дисциплину, должен был оживить старых воинов и поощрить их к лучшему исполнению своих обязанностей. К тому же я надеялся, что твёрдость Нея, возглавлявшего аръергард, даст мне время преобразовать армию. Важнейшие обстоятельства превратили эти соображения в обманчивые надежды.

Кутузов, предоставив казакам преследовать нас с хвоста, шёл с главными силами параллельно большой дороге, направляясь на Ельню. Расчёт его был тем верен, что он сохранял свою армию, ведя её по менее разоренной стороне, и в то же время принуждая меня поспешно отступать и не давать отдыха войскам, беспрерывно угрожая обойти нас и опередить на нашей линии отступления. Авангард его попал в Ляхов в середину дивизии Бараге д'Иллье, имевшей мало кавалерии и не ожидавшей нападения. После незна-

чительного боя бригада генерала Ожеро была взята русскими в плен.

Я прибыл в Смоленск 9-го, вся моя армия соединилась там 13-го. Она нуждалась решительно во всем. Войска ждали Смоленска как земли обетованной, конца всех своих бедствий. Ужасная ошибка в расчёте! Город этот, который казался нам прелестным и окрестности которого, особенно к югу, были богаты изобильным хлебом, представлял одни опустошенные дома, наполненные больными и умирающими, и пустые магазины. Корпус Виктора, стоявший близ этого города в продолжение двух месяцев, гарнизон в 15.000 больных и раненых и проходившие войска, уничтожали 60.000 рационов в день – огромный запас, которого достаточно бы было для всей моей Итальянской армии и который был съедаяем по мере того, как прибывали новые транспорты с трудом заготавливаемых припасов. Итак, вместо надежд и путей к исправлению неблагоприятных обстоятельств, я нашёл в Смоленске одни горестные картины. Мою армию трудно было узнать, когда она вступала в этот город. Достаточно было трёхдневного мороза, в котором, впрочем, не было ничего сверхестественного, чтобы расстроить её. Около 200 орудий были брошены в связи с недостатком лошадей.

ВОПЬ И БЕРЕЗИНА

Из Дорогобужа корпус Вице-короля направился по дороге на Духовщину, по которой он шёл при нашем наступательном движении, но совершенно в ином виде. Теснимый с тыла и флангов 5.000 казаков Платова, он был задержан переправой через Вопь, незначительную речку, которую мы едва заметили летом, но которая в это время раздулась от дождей и только местами могла быть перейдена вброд. Мосты

были разрушены, а скаты берегов, довольно крутых, покрылись гололедицей. После тщетных усилий отыскать удобный брод, Евгений, чтобы спасти остатки своей голодной пехоты, вынужден был броситься с ней по плечи в воду. Несколько орудий пытались переправить через реку, но неудобство въезда на крутой берег и увеличившаяся глубина брода заставили бросить всю артиллерию и обоз. Остальные войска, промокшие и продрогшие, прибыли к Смоленску в то время, когда Ней приближался туда с арьергардом.

Успокоившись насчёт сохранения двух корпусов, которые я считал почти погибшими, я должен был ещё поспешнее продолжать отступление, так как всё происходившее в нашем тылу и на флангах нисколько не могло сулить надежды изменить положение дел в нашу пользу. Везде неприятель брал верх и показывал столько же активности, сколько и смелости. Правда, Витгенштейн, оттеснив Сен-Сира к Полоцку, совершил безуспешную попытку взять этот город, между тем как корпус Штейнгеля, незадолго до того перевезённый из Финляндии, старался отрезать нашим войскам отступление по левому берегу Двины. Двойной успех, одержанный Сен-Сиром и Вреде над обоими русскими отрядами, был ни чем иным, как отбитая атака. Сен-Сир, чувствуя себя не в силах выдержать ещё подобное нападение, не подвергаясь сильной опасности, оставил, наконец, Полоцк и отступил к Черее. Витгенштейн последовал за ним до Чашников на р. Улу. Это обстоятельство принудило Виктора выступить из Смоленска, чтобы принять остатки корпуса Удино. Оба маршала расположились у Черее для сдерживания Витгенштейна. Последний, получив в подкрепление ополчение петербургской губернии и финляндские войска, насчитывал под своим командованием до 75 батальонов и 38 эскадронов, кроме казаков. С этими силами он начал сильные наступа-

тельные действия у Полоцка, между тем как Чичагов с 102 батальонами и 119 эскадронами действовал наступательно на Буге в сторону Минска.

Так же велика была опасность и на нашем правом фланге. Корпуса Шварценберга и Ренье, теснимые превосходящими силами соединившихся армий Тор-масова и Чичагова, отступили. Но вместо того, чтобы выбрать Минск точкой опоры своих действий, они перешли за Буг, приняв основанием действий Варшаву, окончательно разъединившись со мной. Следствием этой важной ошибки было то, что адмирал Чичагов, предоставив Сакену наблюдать австрийцев, смог беспрепятственно направиться с основной частью Молдавской армии на Минск и, согласовав свои действия с Витгенштейном, образовать в нашем тылу грозную массу сил. С другой стороны, главная русская армия, стоявшая уже на рославльской дороге, имела возможность преградить нам путь к Мстиславлю и угрожала дороге на Красное.

Я должен был торопиться воспользоваться последним нам оставшимся средством к спасению и 14-го выступил из Смоленска с моей гвардией. Вице-король, Даву и Ней следовали за мной на расстоянии одного перехода один от другого. Последний, усиленный свежими войсками, составлявшими гарнизон Смоленска, должен был выступить оттуда 17-го, взорвав стены города и составить мой арьергард. Этот способ отступления осуждали и не без причины. Эшелоны по одной дороге не могли облегчить проблем продовольствия, а хвост этой длинной колонны, отделённый на три перехода от авангарда и теснимый неприятелем должен был погибнуть в этом совершенно разорённом краю от меча или от голода. Я бы лучше сделал, если бы отступал тремя параллельными колоннами по самой большой дороге, а двумя другими вправо и влево от неё. Если бы я мог предвидеть

происшествие под Красным, то, конечно, оставил бы Днепр между моей и неприятельской армиями, спускаясь по правому берегу реки через Катану до Дубровны или Орши.

Вероятно, что этим движением мы избежали бы значительных потерь. Недостаток сведений о состоянии дорог, неполные и недостоверные карты края, были причиной того, что я не отважился пустить корпуса по разным направлениям, так как ничто не доказывало существование удобопроходимых дорог. Если это извинение не относится к дороге из Смоленска на Катану, но оно совершенно справедливо относительно всех других дорог, по которым мы проходили в России.

Понесённые нами потери были ужасны: мы лишились всей кавалерии, артиллерии оставалось не более половины. Наши лошади, погибавшие от усталости и голода, кроме того, были не подкованы шипами, а нам не представлялось никакой возможности это сделать. Местность между Вязьмой и Оршей, хотя и представляет обширную равнину, но перерезана небольшими возвышенностями, образованными потоками вод, прорывшими себе довольно глубокие русла. Эти крутые спуски покрылись гололедицей, лошади скользили и не могли везти ни орудия, ни зарядных ящиков. Только с помощью рук и больших затрат времени спасали наилучшие запряженные повозки. Каждый день мы бросали значительное их число. Бедствия, которые терпела моя несчастная армия, не могут быть переданы пером историка, едва ли изобретательная кисть автора эпопеи в состоянии представить эти картины. Подлинная, полная летопись этих трагических событий, без сомнения, никогда не дойдёт до потомства. Описание всех перенесённых нами страданий, слишком удалено от цели этого повествования.

Было весьма вероятно, что русские, также на-

правлявшиеся к Красному, не позволят нам спокойно совершить отступление. Действительно, ещё 15-го, авангард Милорадовича показался на большой дороге, между этим городом и Корытней. Я достиг уже Красного с главными силами гвардии, но хвост колонны должен был выдержать неравный бой. На другой день Вице-король нашёл Милорадовича расположенным по обеим сторонам дороги: русские полностью преградили путь Евгению. Он хотел прорваться силой, но не преуспел в этом. Милорадович, считая его совершенно погибшим, предложил ему сложить оружие, но Вице-король был не такой человек, который быстро приходит в отчаяние. Между тем, как его арьергард отвлекал русских демонстрациями на большой дороге, главные силы Евгения пробралась между дорогой и Днпром. Ночью он успел достигнуть Красного, хотя и не без потерь, но со славой, потому что привёл с собой большую часть своего корпуса.

В тот же день (16-го) Кутузов также прибыл к Красному и остановился на расстоянии двух пушечных выстрелов от этого города по Рославльской дороге. Я находился в весьма затруднительном положении: Даву и Ней оставались ещё позади, остановившись, я подвергался опасности лишиться всякой возможности продолжить отступление, потому что неприятель, подаваясь вперед своим левым флангом, мог легко пересечь мне единственный путь. Половина моей армии не достигла ещё Красного и жестоко было оставить её в руках русских, поэтому я решился идти навстречу опасности и дожидаться в Красном, по крайней мере, войска Даву.

Оставаясь в Красном сложа руки, мы бы только придали больше смелости неприятелю. Я был уверен, что скорее сдержу его, действуя наступательно. Утром 17-го числа я приказал Мортье атаковать Уварово, занятое русскими, а сам двинулся туда же, ведя

Старую гвардию. Завязавшийся у этой деревни бой, продолжался с переменным успехом до прибытия 1-го корпуса. Кутузов, предполагавший захватить нас всех вместе, задумавший уничтожить нас без сражения, морозами и голодом, приказал Милорадовичу, не отважившемуся на упорный бой, воспрепятствовать движению Даву. Милорадович под угрозой атаки отступил на правый фланг армии и вышел снова на большую дорогу не прежде, чем пропустив полностью войска Даву. Тогда авангард русских сильно атаковал наше левое крыло, а Кутузов, одновременно, отрядил большую часть своей армии, чтобы обойти Красное и выйти на дорогу из этого города в Ляды, совершенно отрезав нас.

Узнав об этом движении, я понял, что мне нельзя терять больше ни минуты, и приказал отступать. Пожертвовав арьергардом, понесшим сильные потери, я спас, по крайней мере, главные силы армии. Мы ночевали в Лядах, а на другой день продолжили наше отступление на Дубровну, а потом на Оршу.

Я тешу себя надеждой, что сражение под Красным, хоть немного, но прибавило к моей славе. Быть может, меня будут упрекать за то, что я отступал столь отдалёнными один от другого эшелонами по одной дороге, когда направление неприятельской армии, очевидно, должно было заставить меня опасаться перпендикулярной атаки на фланг моей колонны, но беспристрастный историк отметит ту твёрдую решимость, с которой я выручил Евгения и Даву.

Взбираясь пешком на скользкие покатоги высот и опираясь на палку, я сам вёл колонны, оттеснившие неприятеля. Я счёл бы себя счастливым, если бы, как император Юлиан, нашёл смерть, которую искал. Но со времени изобретения огнестрельного оружия уже нет более рукопашного боя, подобного римскому. Ни один враг не поднял руки, чтобы поразить меня.

Я вступил в Оршу в отчаянии от необходимости предоставить Нея его участи, ценой спасения остальной армии. Он, казалось, погиб безвозвратно. К величайшему нашему удивлению, храбрый маршал успел спасти моих орлов и отборнейшую часть своего корпуса. Прибыв, в свою очередь, к Красному 18 вечером, он встретил там русскую армию, расположившуюся по обеим сторонам дороги. После мужественных, но бесполезных усилий сбить с позиции неприятеля, он увидел себя полностью отрезанным. Тогда, следуя внушению одного мужества, он взял с собой около 3000 человек и направился на Гусиное, где и перешёл Днепр по тонкому льду. Первые батальоны благополучно достигли правого берега, но под последними лёд проломился и человек сто утонуло. Остальная часть корпуса осталась на большой дороге со множеством отставших из прочих корпусов. Эта расстроенная толпа, не будучи в состоянии последовать за маршалом из-за треснувшего льда, сложила оружие. Однако Ней, переправясь за Днепр, ещё не полностью избежал опасности: он наткнулся на казаков Платова, направленных из Смоленска по правому берегу реки. У них была хорошая артиллерия, а у Нея не было ни одного орудия, ни одного кавалериста. Войска его, нуждаясь в снарядах и с трудом держа ружья, прибегли к своей храбрости и штыкам и только после трудной схватки смогли присоединиться к нам в Орше в ночь с 20-го на 21-е. Радость моя была тем полнее, что я считал их погибшими. Все приняли Нея, как храбрейшего из храбрых Великой Армии.

Бои под Красным лишили меня половины войск, которые были ещё в состоянии сражаться. Надо было думать о спасении отставших, что было весьма трудным делом. Первой мерой для достижения этой цели я счёл необходимым отказаться от отступления эшелонами и заменить их параллельными колоннами. Но

как управлять корпусами, в которых остались только кадровые части и в которых две трети наличных сил представляли беспорядочную толпу? Кроме того, дороги из Орши на Вильно были заняты Витгенштейном, а с другой стороны – адмиралом Чичаговым, которому отступление Шварценберга за Буг развязало руки и который мог легко разбить оставленные против него слабые отряды и двинуться со всей своей армией или с большей частью её на Березину и преградить нам дорогу из Орши на Минск.

Выступив из Смоленска, я послал Удино приказ расположиться близ Бобра, чтобы контролировать дорогу на Минск, а Виктору испытать силы графа Витгенштейна, чтобы проверить какое сопротивление можем мы встретить, направляясь на Вильно. Виктор атаковал русских 14-го у Чашников, но данный ему отпор доказал, что русские твёрдо встали на Уле. В соответствии с полученными от меня наставлениями, воздерживаясь от упорного боя, Виктор возвратился к Черее. Я узнал в Дубровне, что Чичагов направился на Минск и что наш минский гарнизон отступил к Борису. Надо было опасаться, что Домбровский будет окружен под Бобруйском, который он блокировал, и не успеет достичь мостового укрепления на Березине.

В Орше я колебался на что решиться: идти со всеми оставшимися у меня силами на Чичагова или броситься на Витгенштейна и соединиться с Виктором? Опасение, что Кутузов соединится с Молдавской армией и опередит меня в Вильно, удержало меня от движения на Полоцк. К тому же я ещё надеялся, сделав несколько усиленных переходов, достичь Березины раньше Чичагова. Дав войскам только один день отдыха в Орше, мы выступили 21-го и достигли Коханова. Моя армия была в таком расстройстве, что надо было прикрыть движение ещё сохранившимися кор-

пусами: Удино был назначен в авангард, а Виктор – в арьергард. Я прибыл 22-го в Толочин, а на другой день в Бобр. Только тут я убедился, что должен проложить себе дорогу с оружием в руках, потому что русские стояли уже на Березине.

Адмирал Чичагов вступил в Минск 17-го, а 21-го его авангард атаковал и взял мостовое укрепление при Борисове. Дивизия Домбровского прибыла туда из Бобруйска одновременно, но не успела занять укрепления. На другой день адмирал перешёл Березину, авангард его двинулся к Бобру и наткнулся 23-го на корпус Удино, но был отбит и отступил за Березину, уничтожив мост в Борисове.

Этот успех принёс больше вреда, чем пользы. Положение моё было ужасно, я потребовал к себе одного из генералов, который доложил мне о существовании прямой дороги из Зембина на Молодечно, а я объяснил ему затруднительность моего положения и мои намерения. Рассуждая по правилам войны, я хотел было, как при Кастильоне и Регенсбурге, напасть сначала на ту из неприятельских армий, которая наиболее меня связывала. Я намерен был соединить части гвардии и все оставшиеся у меня войска со свежим корпусом Виктора, устремиться с этими 50.000 на Витгенштейна, отбросить его за Двину, подтянуть к себе Макдональда и победителем вступить в Вильно, куда мне не очень хотелось возвращаться беглецом. Но призванный генерал возразил, что во всяком другом случае подобное действие было бы прекрасно, но что в настоящем положении оно связано со множеством неудобств:

1) Окрестности Лепеля и берега верхней части Березины покрыты болотами, мы могли бы передвигаться только по плотинам, на которых Витгенштейн, имея до 150 орудий в хорошем состоянии, остановил бы нас на несколько дней и дал бы время Кутузову приблизиться.

2) Расстроенное состояние армии не позволяло медлить с отступлением.

3) Взяв направление к Двине, мы подвергались опасности быть отброшенными к морю Кутузовым и Чичаговым, которые могли соединиться за нашим правым флангом на наших сообщениях прежде, чем мы успеем отбиться от Витгенштейна.

4) Дорога на Минск была уже занята неприятелем и поэтому благоразумнее было направиться правее Борисова по прямой дороге из Зембина на Молодечно, тем более, что в случае, если бы неприятель пересёк нам и этот путь, нам оставалась ещё возможность двинуться на Вилейку, и что обе эти дороги, в особенности, зембинская, пролегали по плодородному и ещё не разорённому краю.

Этих аргументов было недостаточно, чтобы убедить меня: мне жаль было расстаться с моим планом, который мог иметь блестящие последствия и вырвать нас из рук неприятеля. Я вызвал другого генерала, который был прислан накануне от Виктора и смог сообщить мне подлинные сведения о позициях, на которых Витгенштейн может удержать меня и тем расстроить мои планы. То, что он сообщил мне о невозможности вытеснить русских из позиций при Чашниках и за Улой, к которым можно было приближаться только через болота по плотинам, заставило отказаться от моего намерения, от которого и отказался тем более, потому что Мюрат и Евгений советовали мне сделать тоже самое. Итак, 24-го я двинулся к Лошнице, а 25-го собрал у Борисова все мои силы, за исключением корпуса Виктора, который, преследуемый Витгенштейном, прибыл в Лошницу вместо того, чтобы направиться к Барану для прикрытия нашего движения.

Никогда я не находился в столь отчаянном положении: теснимый с тыла, справа и слева, я дол-

жен был переправиться через реку, обороняемую целой армией. С полумёртвыми от голода и холода войсками мне надо было преодолеть препятствия, которые могли бы утратить и самую боеспособную армию.

Казалось, судьба хотела испытать на нас все свои удары в конце этого губительного отступления. Морозы, которые были так сильны в то время, когда я прибыл к Смоленску, что даже Днепр встал, сделались слабее после моего выступления из Красного. Наконец, после двухдневной оттепели Березина снова вскрылась, по ней шёл сильный лёд. Это было двойное несчастье: если бы Березина замёрзла довольно крепко, чтобы перейти по ней с орудиями, я имел бы возможность переправиться с достаточными силами, чтобы подавить Чичагова и совершить переправу в течение суток, не взяв на себя труд строить мост. Наоборот, крепкий лёд делал наведение моста затруднительным и продолжительным, его могло разорвать до завершения работ. Не будучи в состоянии повелевать стихиями, я должен был, однако, на что-нибудь решиться и удвоить усилия, чтобы победить препятствия, которые противопоставили мне русские и сама природа.

Я привёл из Москвы к Березине не более 15.000 человек, включая гвардию, в корпусах Виктора и Удино насчитывалось столько же. Нам противостояло 28.000 Чичагова, нас преследовали справа 25.000 Витгенштейна, а слева – 50.000 Кутузова. Я чувствовал, что могу спастись только случайной переправой. Для этого надо было делать ложные демонстрации на многих пунктах, чтобы обмануть бдительность неприятеля. Удино направил передовые части по направлению к Ухолоде, в нижней части Березины, между тем, как другие отряды бесшумно двинулись вверх по реке к Весёлому. Эта демонстрация имела полный успех: ад-

мирал Чичагов подтянул свой правый фланг к Игумену, а мы, не теряя времени, воспользовались этим ложным движением, чтобы переправиться выше Борисова. В ночь с 25-го на 26-е мы двинулись от Борисова к Студенке, куда и прибыли утром. Артиллерийский генерал Обри построил мост для пехоты из самых непрочных материалов, между тем, как генерал Эбле с сапёрами и понтонёрами наводил другой мост на козлах для всех родов войск. Мост этот, в 80 туазов длиной, был наведён с удивительной быстротой храбрыми сапёрами, которые, несмотря на холод и огромные льдины, работали по плечи в воде. Половина этих храбрых воинов, презиравших смерть, действительно поплатилась жизнью за свою самоотверженность. Авангард генерал Чаплица подоспел, чтобы сорвать наше намерение. Так как он мог помешать наведению мостов, то кавалерия Корбино перешла реку вплавь, чтобы оттеснить его, она была поддержана батальоном стрелков, постепенно переправленным на плотах. Неприятель был опрокинут, но расположился потом так, что заслонял нам видимость. Как только был окончен мост на плотах, пехота Удино перешла через него и оттеснила Чаплица до Стахова (на расстоянии 1 лье от Борисова). Тут, поддержанные Паленом, русские начали снова наступать, однако Удино, под прикрытием леса, сумел удержаться. Каждый его солдат, казалось, понимал всю важность этого боя и удваивал свои усилия: французы, поляки, швейцарцы, кроаты покрыли себя такой же славой и неприятель был удержан до самого вечера. До этого времени всё шло как нельзя лучше, но надо было ещё овладеть зембинской дорогой, она проходила через болото, по гребню с тремя мостами, длиной в сто туазов каждый. Если бы неприятель успел разрушить эти мосты, мы погибли бы безвозвратно, потому что болото ещё не замёрз-

ло, чтобы заменить их. Я приказал Удино поспешить отправить туда отряд, который, по счастью, прибыл вовремя, чтобы овладеть дорогой. Между тем, слабые остатки наших войск приближались к Студенке, наряду с корпусом Виктора. Ней переправился в течение ночи с поляками и дивизией Молодой гвардии – в этих частях насчитывалось не более 2.500 человек. Он должен был соединиться с Удино и принять командование над теми силами, которые мы смогли бы противопоставить Чичагову.

После полудня я перенёс главную квартиру на левый берег. Переправа продолжалась целую ночь и всё 27-е число, она не могла проводиться быстрее, потому что мост на козлах два раза разрывался от мягкого дна реки и от сильного напора льда. Это дало Чичагову время для того, чтобы возвратиться к Борису с двумя дивизиями, которые он отвёл было в другую сторону. Прибыв к городу, адмирал, вместо того, чтобы прямо броситься на Удино, остался против Борисова, стараясь вступить в сообщение с Витгенштейном. Корпус герцога Беллюно выступил уже из этого города к Студенке в ночь с 26-го на 27-е. Дивизии Партуно поручено было охранять Борисов до половины следующего дня для того, чтобы отвлечь внимание Чичагова и задержать на некоторое время Витгенштейна. Поражение этой дивизии было для нас пагубно: едва только она возвратилась в Борисов, как Партуно узнал, что он отрезан армией графа Витгенштейна, занявшего Старый Борисов и ставшего, таким образом, между ним и герцогом Беллюно. Он должен был думать уже только о том, как проложить себе дорогу оружием.

Два пути ведут из Борисова к Студенке: один – малая просёлочная дорога вдоль берега, другой – большая дорога из Веселова через Старый Борисов. Говорят, Витгенштейн контролировал только эту

последнюю, и, по несчастью, её-то и выбрал Партуно. Сначала он мужественно бросился на неприятеля, силы которого были ему неизвестны. Но бой был слишком неравен, после тщетных попыток пробиться, Партуно был отеснён снова к Борисову, где его уже полностью окружили войска Платова и Ермолова, отряженные Кутузовым. Партуно пытался пройти ночью с отборным батальоном, но, наткнувшись на казаков, был взят в плен. На другой день утром дивизия его сдалась. В ней насчитывалось до 3.000 человек, кроме 4.000 отставших из разных корпусов и следовавших с ней.

Одному батальону, выступившему из Борисова одновременно с Партуно и направившегося по малой дороге, удалось избежать плена. Это обстоятельство доказывает, как велика цена сделанной ошибки. Надо было использовать как жертву слабый отряд, направив его по большой дороге, и следовать по другой с главными силами. Взятие Борисова позволило Чичагову построить мост на малых судах и связаться с Витгенштейном. Платов и Ермолов перешли реку с подкреплениями адмиралу.

Неприятель предполагал произвести 28-го общую атаку на обоих берегах, этот день должен был решить нашу участь. Витгенштейн приготовился к атаке Виктора по левому берегу, а Чичагов направился со своими дивизиями на Стахов. Мы опередили его, атаковав авангард, оставленный перед нами, отряд этот был опрокинут на Стахов, несмотря на упорное сопротивление, которому леса не позволили дать большего единства действий. Русские егеря тщетно старались удержать эти леса. Ней, отыскав довольно большую поляну, пустил против них кирасирскую дивизию Думерга, которая произвела сильную атаку и привела до 1.500 пленных. Тогда адмирал решил, немного запоздало, отдать приказ своим двум дивизи-

зиям отступить. Генерал Сабанеев, принужденный рельефом местности раздробить свои силы, едва не был увлечён к отступлению разбитым авангардом, активно преследуемым нашими кирасирами. Однако неприятель успел перегруппировать силы под защитой сильных подкреплений и твёрдо держался под Стаховым. Кровавый бой продолжался с неимоверным ожесточением до 10 часов вечера. Храбрые генералы Зайончек и Легран были ранены, последние остатки 2-го корпуса пали посреди новых лавров славы, заслуженных ими в продолжение этих двух дней. Оттеснённый к Стахову неприятель понёс чувствительные потери.

Между тем, как эти успехи увенчали самоотверженность наших войск, Виктор с не меньшей славой сопротивлялся усилиям Витгенштейна, который тщетно надеялся опрокинуть его в реку. Вынужденный прикрывать с 7.000 или 8.000 человек высоты, окружавшие доступ к мосту на расстоянии от 2.000-х до 3.000-х туазов, герцог Беллюно храбро оспаривал эту первую позицию. Видя, наконец, что неприятель готов окружить его, он должен был уступить её и переместиться ближе к мостам. Русские, установив на этих высотах батареи, посеяли страх и смерть посреди 10.000 больных или раненых и бесчисленного множества повозок, которым ещё не разрешали переправляться. Эта беспорядочная толпа так неистово устремилась к реке, что три четверти её, стоявшие напротив мостов, были опрокинуты в воду теми, которые за ними следовали. Пронзительные крики этих несчастных, ужас тех, которые, поражаемые ядрами неприятеля, бросались за ними, чтобы в свою очередь быть опрокинутыми в реку. Вид тысячи женщин, следовавших за армией из Москвы, частью попорванных ногами бегущих, частью унесённых быстрым потоком, частью изувеченных ядрами

неприятеля сеял ужас. Посреди этой толпы взрывались гранаты, взлетали на воздух зарядные ящики. Воды Березины покрылись обломками и трупами – вот главные очерки этой картины разрушения, подобной которой нет в летописях истории и её тщетно будет стараться передать самое опытное перо.

Твёрдость Виктора спасла остатки этой толпы, дав нам время перебраться через мосты. Но трудно было очистить доступ к реке от трупов убитых людей и лошадей, от изломанных повозок. Канонада продолжалась до ночи и только 29-го утром Виктор перешёл Березину с остававшимися у него 3.000 и сжёг за собой мосты. Если бы Партуно не был взят в плен, мы могли бы гордиться этой переправой. Действительно, прекрасное зрелище представляли 8.000 или 9.000, оттеснившие под командованием Нея 25.000 Чичагова, между тем как с другой стороны 6.000, оставшихся у Виктора, припёртые к реке, со славой боролись против 20.000 Витгенштейна. И в таком положении наши храбрые воины выдержали эту отчаянную борьбу. Изнурённые голодом и холодом, окружённые неприятелем, за 600 лье от своей родины, без надежды избежать верную гибель, нуждаясь в снарядах и видя картину окружающего их хаоса, раздирающую душу, они сражались и умирали героями. Русские, напротив, были обильно снабжены припасами, привыкли к суровому климату, дрались в своей стране, воспламенённые успехом, превзошедшем все их ожидания, имели превосходство в силах, ожидая поддержку главной армии, имея многочисленную и хорошо сохранённую артиллерию и кавалерию, уверенные, одним словом, в том, что даже незначительный успех доставит им богатые трофеи, вступали в бой с шансами на успех в десять раз большими [25].

ОТЪЕЗД В ПАРИЖ

Удача, сопутствующая нам, только отсрочила нашу гибель, нисколько не улучшив нашего положения. Нам предстояло продолжать отступление, которого не могли более выдерживать наши истощенные воины. Для завершения несчастья, морозы, легкие в течение последних дней, возобновились с большей силой, чем прежде. Неприятель, упустивший нас при Березине, стал преследовать нас весьма настойчиво. Наше движение до Сморгони завершило расстройство армии. Живо тронутый картиной этих бедствий, я должен был вспомнить, что я, как император, обязан заботиться о спасении всех своих подданных. Мне нечего было дальше делать при армии, обречённой на скорую гибель. Судьба великого народа зависела только от меня одного: долг мой призывал меня во Францию. Я должен был позаботиться там созданием и сбором средств к исправлению бедствий, избежать которых было уже не в моей власти. Я сдал командование Неаполитанскому королю в Молодечно 5 декабря и отправился в Париж.

Мои критики сильно возражали против этого отъезда. Если бы я был внуком Людовика XIV и оставил бы во Франции законного наследника, готового вступить на престол, я не поколебался бы разделить участь моих боевых товарищей, потому что моё присутствие не было необходимо для спасения империи. Но что я мог сделать с 30.000-ми полузамёрзших войск, вынужденных бороться за 600 лье от своей родины против преследовавшей их русской армии и готовой восстать Германии? Должен ли я был своей особой увеличить число трофеев неприятеля? Несомненно, прекрасное мужество: оставаться с корпусом войск, который неминуемо должен был пройти сквозь позор Кавдинского ущелья. Я уехал из армии только с двумя

генералами, а через три месяца возвратился с 300.000 войск, для которых сохранил только кадры, когда достиг границ Франции [26]. Вот лучшее извинение, которое я могу дать этим неуместным цензорам, рассуждающим о войне в столичных гостиных. Кто, кроме меня мог бы собрать подобные силы и выставить с ними 600 орудий с подготовленной артиллерийской прислугой? Эти грозные силы вскоре появились для новых побед на полях Люцена и Бауцена.

УРОКИ КАМПАНИИ

Прежде, чем я перейду к этому новому историческому повороту событий, рассмотрим главные причины неудачи похода в Россию. Её приписывали ранним и сильным морозам. Все мои приверженцы повторяли эту совершенную ложь. Нелепо было бы предполагать, что я не знал, в какое время обыкновенно начинается зима в России. Я очень хорошо понимал, что на возвышенной равнине, между Дорогобужем и Смоленском, близ истоков Днепра – реки, протекающей на расстоянии 500 лье, большая возвышенность над поверхностью моря и плоские равнины, идущие к полюсу, были двойной причиной весьма сильного холода. Однако в 1812 году не только не было ранних морозов, но они начались ещё позже обыкновенного (7 ноября) и не были слишком сильны: под Красным температура снизилась от 3 до 8 градусов холода, а с 20 числа началась оттепель, продолжавшаяся до переправы через Березину. Всего один день лёд на Днепре мог выдержать пехоту, но в тот же вечер началась оттепель.

Итак, этот холод не превосходил того, который мы переносили в продолжение эйлаусской кампании 1807 года, когда мы производили кавалерийские атаки по замёрзшим озёрам. В 1807 г. Березина, вероятно,

так же встала настолько крепко, что по её льду можно было провести целую армию со всей артиллерией. Однако под Эйлау армия моя не расстроилась, потому что сама местность представляла способы и возможность устранять всякие недостатки. Не то было в 1812 году: лишения, недостатки припасов и мародерство, которые морозы влекут за собой, поселили беспорядок в полках. Наши колонны, ещё довольно многочисленные, представляли нестройные толпы, в которых смешались и терялись солдаты, отставшие от своих полков. Вероятно, надо было остановиться на неделю в укрепленном и хорошо снабженном лагере, чтобы собрать и привести в порядок расстроенные войска. Смоленск не предоставил нам такой опоры и всё погибло, потому что далее мы только за Вислой смогли найти довольно безопасное прикрытие, но мы были уничтожены прежде, чем прибыли туда. Доказательством того, что нельзя считать морозы главной причиной наших бедствий, может служить ещё и то, что хотя они были весьма сносны до переправы через Березину, но я достиг этой реки меньше чем с 50.000 человек под ружьём из числа 300.000, выведенных мной с Двины к Москве. Надо искать истинные причины этого великого бедствия в других обстоятельствах:

1) Сначала я не хотел идти дальше Смоленска – об этом свидетельствуют все отданные мной до того времени приказы. Невозможность получать продовольствие на месте для 250.000 человек в стране малолюдной и опустошенной, поставила меня в необходимость или идти вперед или отступать. Двойная невыгода отступления, которое могло повредить общественному мнению и расстроить армию, вынужденную возвращаться назад по разоренной стране, и донесения Мюрата, надеявшегося разбить русских на Луже после сражения при Валутиной Горе, заставили

меня решиться идти вперед.

2) Я надеялся дать решительное сражение между Вильно и Двиной – это не удалось. Если бы я повторил Аустерлицкую или Фридландскую битву на полях Литвы, Европа была бы у моих ног.

3) Жером упустил случай уничтожить Багратиона, отрезанного нашими первыми фланговыми маршами.

4) Население Польши и Подолии не содействовали мне с тем рвением, которое я от них ожидал. Для меня большим несчастьем было то, что я не мог направить в эти области корпуса Понятовского вместо австрийцев: лучше было прикрыть фланги преданными, чем ненадёжными союзниками.

5) Литва не представила нам никакой поддержки продовольствием или в связи с неурожаем 1811 года, или от сборов, сделанных русскими для пополнения их магазинов, но мы не нашли там решительно ничего. Одним из важнейших наших затруднений была невозможность молоть зерновой хлеб: мы не столько нуждались во ржи, сколько в муке. Я приказал изготовить в Париже ручные мельницы, хотя и слишком поздно, чтобы воспользоваться ими, но время для преодоления этого зла было упущено.

6) Огромное количество рогатого скота, выкупленного мной у населения в Галиции и Польше, не могло подоспеть вовремя и удовлетворить наши нужды. Большие магазины, заготовленные в Данциге и перевезённые оттуда в Кенигсберг, были так отдалены, что не послужили мне ни чем в решительную минуту, когда они были мне нужны, чтобы остановиться в Смоленске. Магазины эти были заготовлены почти на самой границе для облегчения перевозок. Я образовал 34 батальона обоза, из которых в каждом было 150 четырёхконных фургонов, из числа этих специальных батальонов 20 следовали за армией, что

составило 12.000 лошадей для одной доставки продовольствия. Они могли обеспечить до 4 миллионов рационов, но этого было достаточно только на две недели. Депо мои находились за 25 переходов от армии. Каждому транспорту нужно было 50 дней, чтобы сделать поездку туда и обратно, следовательно, необходимо было иметь вчетверо больше лошадей для обеспечения правильной раздачи провианта. Не имея возможности достать такое количество лошадей, я приказал прислать из Франции экипажи моряков, чтобы сплавать вверх по Неману и Вилии мои магазины, и сделал распоряжение для устройства мелких судов, чтобы перевозить их по Вилии, которая слишком маловодна для больших барок. Что мог я сделать ещё? Огромные отдалённые предприятия, говорит Монтеस्कье, не удаются по причине самой огромности приготовлений, которые совершаются для обеспечения их успеха [27].

7) Я пробыв две недели в Вильно, вместо того, чтобы прямо оттуда двинуться на Глубокое и Полоцк или повернуть на Минск против Багратиона. Надо было решиться 1 июля на одно из двух. Затруднения в продовольствии и опасение, что Багратион пройдёт к Дриссе в моём тылу, были причиной этого промедления, за которое мы так дорого поплатились. Я должен был воспользоваться ложным направлением к Дриссе, принятым главными силами русских, чтобы быстро обойти их левый фланг и оттеснить к Балтийскому морю, где они неминуемо бы погибли. Эта цель была главная, тогда действия Багратиона сделались бы второстепенными.

8) Мюрат с 30.000 кавалерии не смог нанести значительного вреда неприятелю.

9) Под Бородиным мы дрались в слишком глубоких массах, как я уже говорил выше. Это обстоятельство не позволило нам достаточно глубоко обойти русских

по старой Смоленской дороге. В первом решительном ударе не было достаточной концентрации, а благоприятная минута для введения в дело гвардии была упущена. Кроме того, мы не знали о новом расположении корпуса Тучкова близ Утицы – это изменило бы направление первоначальной атаки.

10) Я сделал ошибку, что активно не преследовал русскую армию после её отступления из Москвы. Она была тогда очень ослаблена и я мог надеяться окончательно её разбить. Но я чувствовал, что уже слишком углубился в Россию, и мысль идти ещё дальше утратила меня. Если бы я прошёл до Волги или до Полтавы, тогда меня с большей основательностью могли бы назвать новым Карлом XII. Впрочем, надо признаться, что я не мог хуже кончить, преследуя русских, я остался бы, по крайней мере, верен своей основной мысли – уничтожить их армию, которую считал главной силой России. Кутузов принял, быть может, бой при Тарутине, оставшись победителем, а я овладел бы изобильными областями. Если бы он отступал к Волге, ничто не помешало бы мне возвратиться на Рославль по новым, не тронутым областям. Неприятель мог бы тогда преследовать меня только сзади, а не отрезать нам отступление фланговыми движениями.

11) Мы плохо знали местность. Имевшиеся у нас карты были чрезвычайно ненадёжны. Мы двигались только по большим дорогам: между тем, за исключением болот Припяти и Березины, почти везде имеются удобопроходимые просёлочные дороги. Неприятель умело воспользовался этим обстоятельством, потому что край был ему хорошо известен.

12) Турция подписала мир в ту минуту, когда я надеялся, что она активнее прежнего возобновит войну, а Бернадот в самом начале войны вступил в союз с русскими. Эти два обстоятельства изменили положение дел, дав неприятелю две дополнительных армии.

Надо было послать в Константинополь Андреосси или Себастиани полугодом раньше и пожертвовать несколькими миллионами франков, чтобы подкупить Диван и склонить его к деятельной войне с русскими.

13) Неприятель достиг таких успехов в военном искусстве, каких мы не ожидали. После оставления лагеря при Дриссе, он отлично действовал и храбро дрался. Движение, предписанное из Петербурга императором Александром для сосредоточения огромных сил на Березине, есть одно из самых достойных военных действий нашего века.

14) Я сделал важную ошибку, не соединив корпуса Макдональда, Удино, Сен-Сира и Виктора под командованием деятельного и способного человека. Эти рассеянные 100.000 не смогли сделать ничего важного на Двине, соединенные, они уничтожили бы Витгенштейна и обеспечили бы моё положение на обратном пути.

15) Наконец, русский народ прославился такими жертвами и усилиями, а Александр оказал такую твёрдость духа, которых я никак не ожидал. Писатели, бравшиеся за перо только для того, чтобы осыпать меня похвалами, нашли, что гораздо проще приписать наши несчастья сверхъестественным причинам. Не хватало только манны в пустыне или волн Чёрного моря, чтобы сказать, что Всемогущий Бог творил чудеса в пользу моих неприятелей. Они порицали даже те действия противника, которые имели очевидные достоинства.

Никогда не оказывали мне худшей услуги, как порицающая моих соперников и унижающая их действия, этим уменьшали и мою славу, и славу Великой Армии, которая именно и состояла в том, что мы преодолели непредвиденные препятствия. У русских нельзя оспаривать их заслуженной славы: они отступали на протяжении 300 лье, не допустив разбить себя, не оставив

нам ни одного трофея, несмотря на то, что центр их был прорван с самого начала. Если мы одни отличались чудесами храбрости и военного искусства, а они делали только ошибки, то как же Барклай и Багратион, вышедшие один из Дриссы, другой из Слонима, разделённые 300.000 наших войск, соединились, несмотря на все наши усилия? Как мог Витгенштейн, который был вдвое слабее трёх маршалов, действовавших против него, сохранить грозное положение в продолжение всей кампании? Как армия русских, расстроенная под Бородиным, оказалась вовремя под Красным, чтобы преградить нам отступление? Наконец, как мог неприятель без искусства и способностей, с армией, разорванной и разделённой в самом начале кампании, обдумать, спланировать и привести в исполнение в половине сентября наступательную концентрацию обоих флангов и центра на Березине и так удачно направить из Финляндии и Турции войска, которые должны были отнять у нас переправу через эту реку? Без сомнения, тысяча обстоятельств благоприятствовали русским, а всё, что клонилось к их выгоде, было мне вредно, но, если отказывают в похвалах заслуженных, то этим доказывают только своё недоброжелательство и несправедливость.

Порицали принятую русскими систему, по которой главное внимание их было обращено на фланги, не заботясь о происходившем в центре, что действительно кажется противоречащим правилам войны, но не надо забывать, что этот план был принят только в конце сентября, когда главная русская армия была довольно сильна, чтобы бороться с нами в окрестностях Москвы и охранять середину империи. Главная роль перешла к фланговым армиям только в начале октября, в то время, когда русские решились сосредоточить их между Березиной и Неманом.

Соединение двух армий в Волыни усилило Чича-

гова до 102 батальонов и 116 эскадронов. Весьма естественно было употребить эту грозную массу войск на месте, вместо того, чтобы оставлять её целый месяц в бездействии, направляясь к Калуге усиленными переходами для соединения с Кутузовым и дав нам, кроме того, возможность разжигать восстания в польских областях и получать оттуда продовольствие. Русские не для того усиливали войска на флангах, чтобы оставить их в бездействии на огромнейших расстояниях, но для того, чтобы сосредоточить их на наших коммуникациях – это совсем другое дело. Так-то пристрастие всё искажает. План русских был один из самых обдуманых в течение всех последних войн и я охотно воздаю им полную справедливость.

Без сомнения, и русские действовали не без ошибок. Важнейшим из них было первоначальное расположение, отступление на Дриссу и отступление после Смоленска. Несмотря на осторожность Кутузова, все движения его были произведены правильно. Было ли это следствием наставлений, данных императором Александром или плодами соображений главного штаба Кутузова, но, во всяком случае, нельзя оспаривать, что они имели свое достоинство. Смешно утверждать, что русские несколько не были причиной наших бедствий. Правда, что эти бедствия не были прямым следствием выигранных сражений, но русская армия, правительство, народ и генералы свято исполняли свой долг, особенно в продолжение второго периода кампании. Этими ложными утверждениями можно произвести минутное впечатление на толпу, но истина принадлежит векам. Так для чего мне скрывать её?

Сколько раз мои приверженцы были несправедливы в отношении к моим противникам, столько же личные мои враги всех наций были несправедливы и ко мне. Я не уронил в эту кампанию моей высокой сла-

вы. Я не бросился во враждебную страну как пустой искатель приключений, я принял все меры предосторожности. Огромность расстояний, сил и самих приготовлений, всё обратилось против меня. Мои силы были благоразумно расположены, но я двинулся на Москву не сломя голову, но решился на это, сделав, прежде всё, что только могла придумать человеческая предусмотрительность.

Оставим, впрочем, эти рассуждения и возвратимся к действиям Великой Армии до чудесного её возвращения на Эльбу.

Выезжая из Молодечно, я сдал командование Мюрату, оставив ему начальником штаба Бертье. Ни первый, увлекаемый часто порывами какой-то рыцарской пылкости, ни второй не имели той железной силы воли, которая необходима в подобных обстоятельствах. Мой отъезд был знаком новых бедствий, ужаснейших, чем все предшествовавшие. Холод дошёл до 30 градусов, птицы замерзали на лету. В трёх переходах от Сморгони до Вильно больше 20.000 человек пало в пути. Остальные войска, полумёртвые от голода и стужи, отчаянной толпой бросились в Вильно. В этом цветущем городе были сосредоточены огромные запасы: часть наших магазинов была перевезена в него из Кенигсберга, а Маре, герцог Бассано, собрал туда продовольствие со всей Литвы, но беспорядок был так велик, что невозможно было правильно использовать эти запасы. Одна их часть была разграблена нашими солдатами, а другая – попала в руки неприятеля. Витгенштейн и Чичагов настойчиво преследовали нас, в двух переходах за ними шёл и Кутузов. Дивизия Луазона, должна была поступить в арьергард с остатками баварского корпуса Вреде. Бесстрашному Нею, командовавшему в разные времена всеми корпусами армии, поручено было и в этом случае сдерживать напор неприятеля.

Составленная из свежих войск, дивизия Луазона потеряла в эти три губельных дня две трети наличного состава. Под Вильно мы едва могли противопоставить русским 5.000 человек. Ней дрался, как всегда, с самоотверженностью и мужеством, но его слабые силы не могли воспрепятствовать неприятельским партизанам проникнуть в предместья. 60.000 голодных, бросившись в госпитали, магазины, частные дома, объелись плохо испечённого хлеба. Это вызвало болезни, не менее смертоносные, чем сам холод – в двое суток Вильно превратился в обширный лазарет. Те, которые могли ещё держаться на ногах, спешили искать спасения в бегстве при первых выстрелах неприятеля.

В двух лье от Вильно находится гора Понари. Крутой скат, покрытый гололедицей, сделался камнем преткновения для лошадей и для остатков нашей артиллерии и обоза. Все оставшиеся у нас повозки были тут брошены. Даже казна была отдана на расхищение солдатам, которые, обременённые золотом, голодные и полузамёрзшие, с мрачным отчаянием направлялись к Ковно. Один молодой писатель, бывший очевидцем событий, описал эти горестные события пером, исполненным жизни, и представил в них истинно трагическую картину. Хотя он в некоторых случаях и несправедлив ко мне, но, несмотря на это, его труд навсегда останется одним из примечательнейших памятников этого великого бедствия. Подробности, которыми он так богат, не входят в тесные рамки моего очерка [28].

Император Александр, возвратился к своей армии, чтобы собрать плоды плана кампании, начертанного им в С.-Петербурге [29], вступил в Вильно среди царившего здесь ужаса, превосходившего всё, что может придумать самое пылкое воображение поэта. Он остановился в этом городе, чтобы подать

руку помощи находившимся там 20.000 умирающих, позаботиться о нуждах своей армии, начинавшей терпеть такие же лишения во всём, как и мы. Колонны русских продолжали нас преследовать по дороге к Ковно.

Сильные морозы покрыли Неман таким крепким льдом, что он легко мог выдерживать артиллерию. Это обстоятельство, которое могло быть нам полезно при Березине, пока в армии оставались немалые силы, делалось гибельным для нас в то время, когда у нас не оставалось и 6.000 человек, бывших в состоянии действовать огнестрельным оружием. Казаки, беспокоившие нас с флангов, прибыли к Неману одновременно с остатками наших войск и даже атаковали мост. Каждый спешил спастись как мог. Некоторые бросились в леса под Волковыском по Варшавской дороге. Большинство, а с ними Мюрат и главная квартира, взяли вправо, по дороге на Кенигсберг. Ней, оставшийся в Ковно с арьегардом, в котором насчитывалось не более 500 человек, выйдя из города нашёл мост в руках неприятеля. Смелый, как Ахилл, сильный, как Аякс и Диомид, наш герой схватил ружьё и с полусотней храбрых бросился на неприятеля и пробился сквозь его ряды.

Мюрата упрекали как в важной ошибке в том, что он направился в старую Пруссию. Действительно, бросившись необдуманно к берегу моря, он подвергался большой опасности: неприятель, обойдя его правый фланг, мог опрокинуть наши войска в залив Фриш-Гаф, но надежда усилиться корпусом Макдональда и дивизией Геделе, остававшейся в Кенигсберге в виде гарнизона, и найти изобилие в богатой стране, а также мысль принять Данциг в качестве опорного пункта, могут оправдывать Мюрата.

С учётом прусских войск у Макдональда оставалось ещё 24.000 человек. В течение моего отступления

к Березине я всеми силами старался доставить ему приказ отступить к Вильно или Ковно, но движения Витгенштейна после нашей переправы принудили его направиться по дороге на Кенигсберг. Остановленный на пути прусским корпусом Иорка, перешедшим на сторону неприятеля [30] и обойдённый с правого фланга, Макдональд мог считать себя счастливым, что достиг Кенигсберга с оставшейся у него польской дивизией, которую он направил потом в Данциг для усиления гарнизона.

Мюрат, также двинул дивизию Гёделе к Данцигу, разместив около 20.000 человек по квартирам за Вислой. Правый фланг его упирался в Торн, а левый был направлен к Эльбингу. Но Висла встала, а измена пруссаков заставляла опасаться за коммуникации. Неприятелю стоило только явиться на правый фланг, чтобы отбросить остатки моей армии в Данциг. Русский авангард действительно атаковал Мариенвердер, где находилась главная квартира Вице-короля Евгения. Беспечность передовых постов позволила русским проникнуть в этот плохо укреплённый город. Евгений пробился сквозь ряды неприятеля с храбрейшими из своих войск, более тысячи человек пленных попало в руки русских. Левый фланг, расположенный по квартирам, бросился в Данциг, а правый, состоявший из баварцев, – в Торн, 15.000 человек направились по дороге на Познань и остановились на ней уступами. Русские удовлетворились тем, что заняли Бромберг и Эльбинг.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий текст представляет собой XVIII главу воспоминаний Наполеона, продиктованных им в ссылке на острове Св. Елены, и впервые изданных во Франции в 1824 году. В текст не включено описание синхронных событий, происходящих в Испании, на испанских фронтах. Все даты приводятся по новому стилю. Сохранён авторский способ написания численности войск (тысячи отделяются точкой).

1. Все эти события произошли в первой половине 1812 года. Главная мысль Наполеона – Франция в случае вторжения в Россию вынуждена сохранять второй фронт в Испании.

2. Континентальная система (блокада) представляла навязанный Наполеоном таможенный союз континентальной Европы, направленный против Англии. Обязательства по Континентальной системе, принятые Александром I в Тильзите, вызвали возмущение в кругах русского дворянства и купечества, имеющего обширные торговые связи с Англией.

3. Слабые аргументы: сын Наполеона родился в 1811 году. При рождении получил титул Римского короля.

4. В 1809 году в четвёртый раз Наполеон победил Австрию, после чего женился на эрцгерцогине Марии-Луизе. Союзницей Наполеона в этой войне выступила Россия, её ограниченный воинский контингент занял Галицию, отошедшую затем к Варшавскому герцогству.

5. Ставка на бывшего маршала Бернадота, наследного принца шведского престола – политическая ошибка Наполеона. Бернадот в 1813 году перешёл на сторону антинаполеоновской коалиции.

6. Вторая политическая ошибка Наполеона – мирный договор России с Турцией в Бухаресте позволил русским

направить Дунайскую армию на правый фланг Великой Армии.

7. Эти аргументы против войны с Россией Коленкур впоследствии изложил в своих известных мемуарах.

8. Это, скорее, внутренние диалоги самого Наполеона. Находясь в 1810-1812 гг. в зените своего могущества, он вряд ли допускал реальное инакомыслие среди придворных и маршалов.

9. Стендаль не раз отмечал пагубные последствия в со-
вмещении Наполеоном функций императора и главнокомандующего. Это была принципиальная ошибка – лучше было оставаться в Дрездене или Варшаве в качестве императора и координировать военные действия в России, но тогда это был бы другой человек, а не Наполеон.

10. Весь путь от Немана до Москвы армия остро нуждалась в хлебе, планы остались планами. Об этом, в частности, дал показания пленный майор Шмидт, сотрудник маршала Бертье.

11. Знаток истории, Наполеон помнит неудачи сына Кира в Египте в 525 г. до н.э., римского полководца Красса против парфян в 53 г. до н.э. и императора Юлиана против персов в 361 г. н.э.

12. Вот это главное признание – вторжение в Россию планировалось, прежде всего, как операция устрашения и принуждения к миру на выгодных для Наполеона условиях. К большой полномасштабной войне Наполеон не был готов, даже имея общее превосходство в численности: 550 тыс. союзных войск против 250 тыс. сил русских армий.

13. Это фактически исходный пункт в нарастании дефицита времени в запланированной Наполеоном кампании. Дрезденские праздники, призванные продемонстрировать его могущество, продолжались в течение месяца. Они также должны быть включены в общий дефицит времени, который не позволил провести войну в приемлемых погодных условиях и в сжатые сроки. Дрезден – 30 дней, Вильно – 17 дней, Смоленск – 8 дней, Москва – 39 дней. Итого – 94 дня, более трёх месяцев. Раньше такая расточительность времени не была свойственна Наполеону. За

всем этим стояло ожидание, что русские пойдут на переговоры.

14. Действительно, США объявили войну Англии и, тем самым, Наполеону удалось несколько снизить накал войны на Пиренейском полуострове. При этом между США и Россией сохранялись нормальные дипломатические отношения, установленные в 1809 году.

15. Наполеон неточно излагает событие: действительно, на совете маршалы, командующие корпусами и Дарю, главный интендант Великой Армии, выступили с резкой критикой действий императора. Продвижение вглубь России многие из них считали авантюрой и не стеснялись в выражениях. Однозначную поддержку Наполеон получил только со стороны Бертье.

16. Бой у Валутиной Горы является, по существу, продолжением Смоленского сражения. Это вторая упущенная победа Наполеона. Полупобеды под Витебском, Смоленском и Бородино привели Наполеона в Москву, но дефицит времени и собственных решений способствовали утрате стратегической инициативы и, в конечном счёте, привели к катастрофе.

17. Конечно, это удивительный и редкий для Наполеона-полководца факт: главнокомандующий не руководил своими войсками.

18. От Немана до Москвы солдаты Великой Армии шли вперед в полуголодном состоянии. Это не идеологический миф, а невозможность организовать снабжение войск продовольствием и, прежде всего, хлебом в бедной стране.

19. Многие военные историки считают, что Наполеон в этот момент должен был пустить в дело Молодую гвардию. Русский историк Марк Алданов даже написал психологическое эссе на эту тему, но в истории не бывает солагательных наклонений.

20. Наполеон здесь признает, что диверсия сил Уварова и Платова против его левого фланга, имела решающее значение. Она расстроила его левый фланг и вновь установила равновесие в ходе сражения.

21. Типичное самооправдание Наполеона – где он был

раньше, почему его политические решения были ошибочными?

22. Известный эпизод в жизни отца А.И. Герцена, описанный им в первой части «Былого и дум». Как и другие попытки наладить дипломатические переговоры с Александром I и Кутузовым, завершились неудачей.

23. Мале – бригадный генерал, сторонник опального генерала Моро. Ещё в 1807 г. пытался организовать республиканский переворот и был заключён в тюрьму Сен-Пелажи как политический преступник, позже был оттуда переведён в лечебницу для душевнобольных. Здесь, при содействии другого заключённого, аббата Лафона, Мале составил несколько фальшивых декретов: прокламацию Сената о смерти Наполеона в России, об устранении его семьи от престолонаследия и об учреждении Временного правительства, декрет о назначении самого Мале комендантом Парижа. В ночь с 22 на 23 октября 1812 г. Мале бежал из лечебницы и отправился со своими фальшивками в казармы Национальной гвардии. Мале освободил из тюрьмы генералов Гидаля и Лагори. Генералы-республиканцы арестовали министра полиции Савари и префекта полиции Паскье. Командир 2-го пехотного полка Рабб, получив от Мале приказ занять сенат, дворец, казначейство, банк, заставы, отправил туда отряды заговорщиков. Сам Мале тяжело ранил парижского коменданта Юллена. Вскоре Мале был обезоружен и арестован. К 9 часам утра заговор был ликвидирован. 25 человек предано было военному суду, 14 – расстреляно, в их числе Мале.

24. Запоздалая реакция администрации Наполеона на хронический недостаток хлеба в армии. Поставка ручных мельниц уже ничего не решала.

25. Все историки отмечают несогласованность действий командующих русских армий при Березине. Кутузов с главными силами находился в двух переходах от места переправы французских сил. Чичагов, успевший выпустить прокламации о вознаграждении тех, кто пленит самого Наполеона (в этих бумагах приводились совершенно смехотворные приметы императора!), был введён в заблуждение ложными движениями Нея, Витгейнштейн

действовал неуверенно против Виктора. Французские историки рассматривают действия Наполеона под Березиной как полупобеду, позволившую, несмотря на трагические обстоятельства, вырваться из русского капкана, спасти престиж и получить возможность продолжить борьбу.

26. Наполеон ещё раз хочет подчеркнуть, что ему, несмотря на все тяготы отступления, удалось привести к границам кадровый состав – генералов и офицеров, которые возглавили молодое пополнение и продолжили борьбу в кампаниях 1813-1814 гг.

27. Огромные пространства, нарастающий дефицит времени, голод, а главное – русская армия, которая дала достойный отпор силам наполеоновского Евросоюза – вот основные слагаемые поражения Наполеона. Но главная ошибка – решение продолжать войну, когда демонстрация утраченного не достигла успеха.

28. Возможно, Наполеон имеет в виду барона Фэна. Знаменитые мемуары Сегюра, тоже очевидца этих событий, были опубликованы двадцать лет спустя после смерти узника Святой Елены.

29. Наполеон здесь явно льстит Александру I, автором гениальной ловушки на Березине должен быть только человек по статусу не ниже самого Наполеона – «брат» Александр. Александр I был блестящим политиком («Северным Сфинксом»), но никогда не претендовал на лавры полководца. Однако, в ближайшем окружении царя и Кутузова были военные советники, которые могли выдвинуть и реализовать эту идею. Среди них – П.М. Волконский, П.П. Коновницын, Карл Толь. Тарутинская пауза была удачно использована ими для разработки стратегического плана контрнаступления, одобренного М.И. Кутузовым.

30. В переговорах с прусским генералом Иорком в Таурогене принимал участие Карл фон Клаузевиц (см. биографический очерк во втором разделе книги).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Napoleon I. Correspondance.* P., 1858-1869. V. 1-32.
2. *Las-Cases E. Le Memorial de Sainte-Helene.* P., 1951, 1961. V. 1-2.
3. *Наполеон.* Избранные произведения. Т. I. Воениздат. М., 1941.
4. *Наполеон.* Избранные произведения. Воениздат. М., 1956.
5. *Абрантес Л.* Записки герцогини Абрантес, тт. 1-16. М., 1835-1839.
6. *Ложье Цезарь.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. Предисловие А.М. Васютинского. М. Задруга, 1912.
7. *Роос Генрих.* С Наполеоном в России. М.: «К-во Сфинкс», 1912.
8. *Сегюр П.Ф.* Поход в Россию. М., 1916.
9. *Стендаль.* Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне// Собр.соч. М., Л., 1950. т. 14.
10. *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. тт. 1-6.
11. *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта. Ч. I-IV. СПб., 1831-1832.
12. *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
13. *Клаузевиц К.* 1812 год. Воениздат. М., 1937.
14. *Тьер А.* История Консульства и Империи, тт. 1-5. Спб., 1846-1849.
15. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. ч. 1-4. СПб., 1843.
16. *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г., тт. 1-3. СПб., 1859-1860.
17. *Толстой Л.Н.* Война и мир 4 тт. «Правда». М., 1980.
18. *Мережковский Д.С.* Наполеон. М., 1993.
19. *Трачевский А.* Наполеон I. Первые шаги и Консульство. М., 1907.

20. *Вандаль А.* Наполеон и Александр I, тт. 1-3. Спб., 1910-1911.
21. *Лависс и Рамбо.* История XIX века, тт. 1-2 (1800-1815). М., 1938.
22. *Maurois A.* Napoleon. P., 1964.
23. *Cfstelot A.* Histoire de Napoleon Bonaparte. P., 1969. V. 1-10.
24. *Troyat H.* Alexandre I: le sphinx du Nord. P., 1980.
25. *Кастело Андре.* Бонапарт. М., Центрполиграф, 2004.
26. *Кастело Андре.* Наполеон. М., Центрполиграф, 2004.
27. *Тюлар Жан.* Наполеон. М.: Молодая гвардия. 1996.
28. *Цвейг С.* Жозеф Фуше (избр. произв., т. 2). М., 1956.
29. *Людвиг Эмиль.* Наполеон. Изд-во: Захаров. Вагриус. М., 1998.
30. *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1959.
31. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1989.
32. *Брандыс Мариан.* Исторические повести. М.: Прогресс, 1976.
33. *Виноградов А.* Потерянная перчатка (Стендаль в Москве). Изд-во писателей в Ленинграде, 1931.
34. *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. – М.: Высшая школа. 1994.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александр I (1777-1825) – российский император с 1801 г. После Тильзитского мира 1807 г. – союзник Наполеона. 13-14. 23-24. 27-28. 30-32. 34-35. 44-46. 52. 58-59. 102-104. 106-107. 110. 147. 149. 151. 154. 157-159.

Андреосси, Антуан-Франсуа (1761-1828) – генерал, граф, французский посол в Турции с апреля 1812 г. 37. 146.

Багговут Карл Фёдорович (1761-1812) – генерал-лейтенант, участвовал в битвах под Смоленском и Бородином, убит под Тарутином. Командовал 2-м корпусом. 42. 70. 73. 86. 87. 90. 93. 94. 96.

Багратион Петр Иванович, князь (1765-1812) – генерал, участвовал в войнах с Турцией и Польшей, в Итальянском походе Суворова, в походах 1805, 1806-1807 гг. Один из лучших сподвижников Суворова. Блестящий стратег, горячий сторонник наступательной войны в 1812 г., умер от раны, полученной в Бородинском сражении. 39-40. 42-45. 48-52. 54-57. 63. 69. 82. 86. 88. 93. 96. 98. 144-145. 148.

Бернадот Жан-Батист-Жюль, князь Понтекорво (1764-1844) – маршал Франции с 1804 г. Выдвинулся в революционных и наполеоновских войсках, занимал шведский престол под именем Карла XIV. 16. 24-25. 36. 59. 146. 154.

Бертье Луи-Александр, князь Невшательский и князь Ваграмский (1753-1815) – наполеоновский маршал, участвовал в войне за независимость американских колоний, в 1789 г. командовал национальной гвардией в Версале, в

1796 г. начальник штаба Итальянской армии. С тех пор стал неразлучным сподвижником Наполеона и до его низложения оставался начальником главного штаба. После кампании 1809 г. получил титул князя Ваграмского, несмотря на то, что его заслуги в этом сражении не представлялись бесспорными. После низложения Наполеона присягнул Людовику XVIII. Во время «Ста дней» покончил самоубийством. 150. 155-156.

Бессьер, герцог Истрийский (1768-1813) – маршал Франции, участник кампании 1812 г. Убит в сражении при Люцене. 106.

Богарне Эжен Роз, вице-король Италии, герцог Лейхтенбергский, князь Эйхштадский (1781-1817) – сын виконта Александра де Богарне и Жозефины, ставшей впоследствии женой Наполеона. При поддержке отчима сделал блестящую карьеру. Будучи безгранично преданным Наполеону, Б. никогда не оспаривал его решений. Вначале был назначен командующим наблюдательным корпусом в Италии. В 1812 сформировал для отправки в Россию 30-тыс. корпус. Его войска были передислоцированы ближе к России и преобразованы в 4-й корпус Великой Армии, который преимущественно состоял из итальянских войск. Участвовал в сражениях при Островне, Витебске и Смоленске. В Бородинской битве к 6 часам утра 7 сентября его войска взяли село Бородино. С 10 до 11 часов атаковал Курганную высоту и ценой огромных потерь занял высоту. После занятия Москвы выдвинул план наступления своего 45-тысячного корпуса на Тверь и Петербург. 24 октября атаковал захвативший Малоярославец корпус Д.С. Дохтурова. Во второй половине дня командование принял Наполеон и к концу дня город остался за французами. 8 ноября часть его корпуса была отрезана войсками М.И. Платова между Дорогобужем и Духовщиной и разгромлена. В сражении под Вязьмой вместе с Понятовским спас от гибели корпус Даву. Был окружен Милорадовичем и вечером 16 ноября с трудом прорвался в Красное, потеряв почти всю артиллерию, обозы и 2 тыс. чел. Уезжая во Францию, Наполеон оставил

своим заместителем И. Мюрата, но после отъезда Мюрата Богарне принял командование над остатками Великой Армии. 40-41. 44. 50. 53. 78. 82-85. 88-93. 95. 115. 117-118. 120. 125-126. 129-130. 153.

Бонапарт Жером (1784-1860) – младший брат Наполеона, король Вестфалии, при Наполеоне III – маршал и президент сената. 40. 42. 48-49. 55.

Веллингтон Артур-Коллей Уэлсли, герцог (1769-1852) – английский фельдмаршал, боролся с войсками Наполеона в Испании и Португалии; в 1813 г. вступил во Францию и занял Тулузу, где узнал о заключении мира в Париже. По возвращении Наполеона с о-ва Эльбы командовал союзной англо-голландской армией, вместе с Блюхером одержал победу при Ватерлоо, вступил во Францию и занял Париж. 13. 29. 47. 94. 110.

Виктор, герцог Беллюно (1764-1841) – маршал Франции. Подобно Даву и Нею участвовал в революционных войнах, потом принимал участие в ряде наполеоновских кампаний, удачно сражался против русских при Березине. 67. 79. 102-103. 108. 111. 116. 125-126. 132-134. 137-140. 147.

Винцингероде Фердинанд Федорович, барон (1770-1818) – генерал-адъютант Александра I, начал службу в гессенских войсках, затем в австрийских, в 1797 г. поступил на русскую службу. В 1807 г. вышел в отставку. В 1809 г. сражался в австрийских войсках и получил чин австрийского фельдмаршал-лейтенанта. С начала войны 1812 г. вернулся на русскую службу, в Москве был захвачен в плен французами, но отбит казаками. 78. 116.

Витгенштейн П.Х., князь (1768-1842) – генерал-фельдмаршал. В 1812 г., командуя первым русским корпусом, прикрывал дорогу на Петербург, успешно сражался с маршалами Удино, Виктором и генералом Сен-Сиром. Его нерешительность и неудачные действия Чичагова позволили Наполеону благополучно переправиться через Березину. 41-43. 52. 58. 67. 75-76. 102-103. 111. 126. 132. 134-135. 137-140. 147-148. 150. 153.

Воронцов Михаил Семёнович, светлейший князь (1782-1856) – генерал-адъютант (1815), генерал-фельдмаршал (1856). В начале войны 1812 года был назначен командиром 2-й сводно-гренадерской дивизии. Защищал Багратионовы флеши в Бородинском сражении, дивизия практически была уничтожена, а сам Воронцов получил тяжёлую штыковую рану. Участник походов 1813-1814 гг., командующий русским оккупационным корпусом во Франции. С 1823 года – новороссийский генерал-губернатор. 85-86.

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович, князь Смоленский (1745-1813) – генерал-фельдмаршал, один из самых талантливых учеников Суворова. Успешно участвовал в турецкой войне 1811-1812 гг., командуя Дунайской армией заключил выгодный для России мир. Прекрасно понимал желание союзников воспользоваться русскими войсками для своих целей и поэтому не спешил с переходом через русскую границу после поражения Наполеона. 13. 39. 57. 80. 86. 93. 103-107. 113-118. 120-121. 124. 129-130. 132. 134-135. 138. 146. 149-150. 157.

Гюден де ла Саблонь Сезар Шарль Этьен, граф (1768-1812) – дивизионный генерал. Учился в Бриенской военной школе вместе с Бонапартом. С апреля 1812 г. командир 3-й дивизии 1-го корпуса Великой армии. Участник Смоленского сражения. В ходе сражения при Валутиной Горе 19 августа присоединился к ведущему бой корпусу Нея. Одним из первых выстрелов русских орудий ему оторвало обе ноги, Гюден был эвакуирован в г. Смоленск, но там вскоре умер. По словам Наполеона, он «давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал». 72. 73.

Даву Луи-Никола, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский (1770-1823) – наполеоновский маршал, участвовал в войнах эпохи Республики, Консульства и Империи. В 1807 г. губернатор великого герцогства Варшавского. В течение «Ста дней» – военный министр. 24. 41-43. 48-51. 55-57. 60. 63. 71-72. 74. 78-79. 82-88. 90. 93-95. 118. 120. 127. 129-130.

Дарю Пьер-Антуан-Бруно, граф (1767-1829) – французский политический деятель, служил в военном министерстве, исполнял разные дипломатические поручения Наполеона, был уполномоченным при подписании мира в Пресбурге, в Тильзите и в Вене. В 1812 г. был главным интендантом армии Наполеона. Кузен Анри Бейля (Стендаля). Постоянный собеседник императора в Москве. 156.

Домбровский Ян-Генрих (1755-1818) – польский генерал, служил в саксонской армии, в 1792 г. состоял в армии Юзефа Понятовского. Позже организовал польские легионы в армии Наполеона и командовал ими до 1814 г. После низложения Наполеона вернулся в Россию и был назначен Александром I польским сенатором, но в 1816 г. вышел в отставку. 132.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1761-1816) – русский генерал, талантливый стратег, отличился в сражениях под Смоленском, Бородино, Тарутине, Малоярославце и в походе 1813-1814 гг. 42-43. 53. 63. 85. 89. 92-93. 96. 117.

Жюно Андош, герцог д'Абрантес (1771-1813) – французский генерал, адъютант Наполеона в Итальянском и Египетском походах. В 1807 г. командовал корпусом в Португалии и взял Лиссабон, за что получил герцогский титул. Был правителем Иллирийской провинции. После неудач в 1812 г., психически заболев, выбросился из окна. 63. 68-69. 72-74. 87. 115.

Иорк (1759-1830) – прусский фельдмаршал. В 1812 г. назначен командиром 37-й прусской дивизии, входившей в состав армии Макдональда (10-й корпус Великой Армии). Вступил в сепаратное соглашение с русской армией в начале 1813 г. (при участии К. Клаузевица). 153. 158.

Коленкур Арман-Огюст, маркиз, герцог Виченцкий (1772-1821) – происходил из старого аристократического рода, служил в королевской армии и затем в революционных войсках. При восшествии на престол Александра I был отправлен в качестве дипломатического агента, а позже послом в Петербург, где оставался до 1810 г. и действо-

вал в пользу укрепления франко-русского союза. Был при Наполеоне во время похода 1812 г. и вернулся из России в одних санях с императором. В 1813 г. вел в Праге, а потом в Шатильоне, переговоры с союзниками, ни к чему не приведшие из-за неуступчивости Наполеона. Оставался верен Наполеону до последней минуты. Во время «Ста дней» Наполеон назначил его министром иностранных дел. После «Ста дней» не принимал никакого участия в политике. Оставил воспоминания, опубликованные полностью лишь в 1933 г. 17.

Коленкур Огюст-Жан-Габриэль, граф (1777-1812) – дивизионный генерал, брат предыдущего. С началом похода в Россию был назначен комендантом Главной квартиры императора. Во время Бородинского сражения после гибели Монбрена возглавил 2-й кавалерийский корпус. Во главе 5-го кирасирского полка атаковал с правого фланга Курганную высоту. Ценой огромных потерь взял высоту, но сам погиб. Его атака стала самым блестящим и самым успешным маневром французской армии за всю битву. «Он участвовал в большем числе сражений, чем прожил лет» – сказал Наполеон. 92-93. 98. 155.

Коновницын Пётр Петрович, граф (1764-1822) – генерал от инфантерии (1817), генерал-адъютант. В начале войны 1812 года командовал 3-й пехотной дивизией. Участник сражений под Смоленском, Валутиной Горой и Бородино, где его дивизия была полностью уничтожена. Фактически исполнял при Кутузове обязанности начальника Главного штаба. 54. 72. 88-89.

Куракин Александр Борисович, князь (1752-1818) – русский дипломат, друг Павла I, назначенный при его воцарении вице-канцлером, сохранил эту должность до конца 1802 г. Сторонник франко-русского союза, подписал в 1807 г. Тильзитский мир. В 1807-1808 гг. посол в Вене, где не достиг сближения России с Австрией, а в 1808-1812 гг. посол при Наполеоне. 30. 33. 35.

Ларистон Жак-Александр-Бернар Лоу, маркиз (1768-

1828) – внучатый племянник Джона Лоу, французский генерал, адъютант Первого консула. В 1811 г. посол в Петербурге. После низложения Наполеона примкнул к Бурбонам. 35. 45. 107. 113.

Мале Клод Франсуа (1754-1812) – бригадный генерал. Принимал самое активное участие в революционных войнах. С 1801 г. командующий в департаменте Жиронда. За республиканские взгляды был отстранен от должности и 30.05.1808 г. арестован. Вскоре освобожден. Во главе группы единомышленников в ночь на 23.10.1812 г. предпринял в Париже попытку государственного переворота. Распустив слух, что Наполеон умер 7 октября в Москве, Мале к 9 часам утра занял весь Париж, арестовал Савари, провозгласил республику во главе с президентом Ж. Моро. Однако вскоре власти Парижа арестовали его и 24 участников заговора. Вместе с 14 своими соратниками был расстрелян. 122-123. 157.

Макдональд Александр, герцог Тарентский (1765-1840) – французский маршал, происходил из шотландского рода. Служил генерал-адъютантом при Дюмуре, затем командовал дивизией на Рейне и в Италии. За участие в сражении под Ваграмом Наполеон произвел его в маршалы и наградил титулом герцога Тарентского. В кампанию 1812 г. командовал корпусом. Вел переговоры с союзниками об отречении Наполеона. 40. 43. 58. 67. 102. 111. 133. 147. 152-163.

Маре Гюг-Бернар, герцог Бассано (1763-1839) – французский государственный деятель, до революции адвокат, во время революции редактор «Moniteur», затем посланник в Неаполе, где был захвачен австрийцами и лишь спустя два с половиной года обменен на дочь Людовика XVI. При Наполеоне был его секретарем, в 1811 г. назначен министром иностранных дел. 26. 51. 150.

Мария-Луиза (1791-1847) – французская императрица, дочь австрийского императора Франца, жена Наполеона с 1810 г. 16. 154.

Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771-1825) – блестящий кавалерийский генерал. Командовал арьергардом русской армии после Бородина и авангардом во время преследования французской армии после отступления из Москвы. Военный губернатор Петербурга. Убит Каховским во время восстания декабристов. 99. 120. 129-130.

Монбрен (Монбрень) Луи Пьер, граф (1770-1812) – дивизионный генерал (1809). В 1812 г. командовал кавалерийским корпусом. Погиб при Бородино. 78. 84. 92. 98.

Мортье Эдуард-Адольф-Казимир, герцог Тревизский (1768-1835) – наполеоновский маршал, после Тильзитского мира получил титул герцога. Во время похода 1812 г. командовал Молодой гвардией, был военным губернатором Москвы, взорвал Кремль и Арсенал. 95. 97. 115-116. 130.

Мюрат Иоахим (1771-1815) – вступил на военную службу при революции. При Наполеоне быстро выдвинулся после женитьбы на сестре Наполеона Каролине. Был произведен в маршалы и получил герцогство Бергское, а в 1808 г. – королевство Неаполитанское. В 1814 г. изменил Наполеону, но в 1815 г. во время «Ста дней» занял позицию, враждебную Австрии, лишился престола и при попытке вернуть его вооруженной силой был расстрелян. 29. 41-43. 53. 67. 69-73. 78-79. 84-88. 91. 105-106. 113-117. 134. 143. 145. 150.152.

Нарбонн Луи, граф (1755-1813) – бывший министр Людовика XVI, генерал-адъютант Наполеона. 33. 35.

Неверовский Дмитрий Петрович (1771-1813), один из самых талантливых русских генералом. Участник важнейших сражений кампании 1812 года. 86-87.

Ней, герцог Эльхингенский, князь Московский (1769-1815) – маршал Наполеона, пользовался славой «храбрейшего из храбрых». Герой Бородина, блестяще проявил себя во время отступления из Москвы, возглавлял пять

арьергардов. Расстрелян после Второй реставрации Бурбонов. 62-63. 68-72. 84. 86. 88. 90. 97. 112. 120-121. 126-127. 129. 131. 137-138. 151-152. 158.

Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1770-1857) – генерал, командовал 4-м корпусом. 53. 90-92. 96.

Платов Матвей Иванович, граф (1751-1818) – генерал-от-кавалерии, был наказным атаманом Войска Донского. Во время войны 1812 г. командовал казачьими войсками. 39. 49. 91. 125. 131. 138. 156.

Понятовский Юзеф, князь (1763-1813) – польский генерал, племянник короля Станислава Понятовского, первоначально служил в австрийской армии. В 1792 г. главнокомандующий организованными им польскими повстанческими войсками. В 1794 г. служил под начальством Костюшко. В герцогстве Варшавском был военным министром. В 1812 г. в походе Наполеона на Россию командовал польским корпусом. Отличившись в битве при Лейпциге, получил звание маршала. Утонул во время отступления французской армии. 63. 85. 90.

Ростопчин Фёдор Васильевич, граф (1763-1826) – фаворит Павла I, позднее впал в немилость. При Александре I с 1812 г. московский главнокомандующий. Ему приписывают организацию пожара Москвы. 100.

Савари Анн-Жан-Мари-Рене, герцог Ровиго (1774-1833) – французский политический деятель, участник революционных войн, с 1800 г. адъютант Наполеона, в 1802 г. директор бюро тайной полиции, открыл заговор Кадулея и Пишегрю, руководил арестом герцога Энгиенского и судом над ним. После Тильзитского мира был назначен послом в Петербург, где был холодно встречен высшим обществом. Вскоре был отозван. Получил титул герцога Ровиго и отправлен в Испанию, чтобы убедить королевскую семью прибыть к Наполеону в Байонну, где она была захвачена в заложники. В 1810 г. назначен вместо Фуше министром полиции и оставался в этой должности до падения империи. 123. 157.

Себастиани Франсуа-Горас, граф (1772-1851) – французский маршал и дипломат, участвовал в первом Итальянском походе Бонапарта, содействовал перевороту 18 брюмера. В 1806-1807 гг. посол в Константинополе, участвовал в войне 1812 г. После гибели Монбрена в Бородинском сражении принял командование 2-м кавалерийским корпусом. Сражался при Винкове. 12 ноября объединил пол своим командованием остатки 2-го и 4-го квалерийских корпусов, а 8 декабря – остатки всей кавалерии Великой Армии. Сформировал эскадрон из одних офицеров, с которыми пришел в Польшу. Во период Реставрации член палаты депутатов. В 1840 г. произведён в маршалы. 38. 61. 147.

Сеславин Александр Никитич (1780-1858) – генерал-майор, прославился своими партизанскими действиями против Наполеона. 112. 117.

Сюше Луи-Габриель, герцог д'Альбуфера (1772-1826) – наполеоновский маршал, участвовал в войнах республики, консульства и империи. Оставил наброски мемуаров, вышедшие в 1829 г. 13.

Тайлеран-Перигор, Шарль-Морис, князь Беневентский, герцог Дино (1754-1838), происходил из старого дворянского рода, сперва был епископом Отенским, избранный депутатом в Генеральные штаты, поддерживал в Национальном собрании интересы крупной буржуазии. Сумел под благовидным предлогом уехать за границу, где пробыл все время якобинской диктатуры; вернувшись во Францию, был министром иностранных дел Директории, министром иностранных дел и обер-камергером императора Наполеона. Постепенно отходит от Наполеона и входит в тайные сношения с его врагами и Бурбонами. После поражения Наполеона в 1813 г. окончательно перешел на сторону Бурбонов, блестяще защищал их интересы на Венском конгрессе. Совершенно аморальный, подкупный, мастер закулисной интриги, хитрый, беззастенчивый, ловко игравший на человеческих слабостях. Изворотливость и хитрость Талейрана как дипломата вошли в поговорку. 35-36.

Тучков Николай Алексеевич (1761-1812) – генерал-лейтенант, в Смоленском и Бородинском сражениях командовал 3-м корпусом. Умер от полученных ран. 54. 71. 83. 86. 90. 146.

Тучков Павел Алексеевич (1776-1864) – русский генерал, был ранен в голову в сражении при Валутиной Горе и доставлен в ставку Наполеона. 54. 71. 73.

Уваров Федор Петрович (1769-1824) – генерал-адъютант Павла I, при котором начал быстро продвигаться вследствие близости с мачехой фаворитки А.П. Лопухиной. Сопровождал Александра I в Тильзит и Эрфурт. Участник Бородинского сражения. 91. 130. 156.

Удино Никола-Шарль, герцог Реджио (1767-1847) – наполеоновский маршал, отличился во время битвы при Ваграме, за которую получил маршальский жезл. В походе 1812 г. сражался против армии П.К. Витгенштейна. 41. 43. 58-59. 75-75. 126. 132-133. 135-137. 147.

Чернышев Александр Иванович, князь (1785-1857) – гвардейский полковник, флигель-адъютант Александра впоследствии генерал-от-кавалерии. В свою бытность русским военным атташе в Париже искусно организовал политический шпионаж. 27-29.

Чичагов Павел Васильевич (1767-1849) – «сухопутный адмирал», командовавший Черноморским флотом и Дунайской армией. Перешёл Днестр, соединился с корпусом генерала Торماسова в окрестностях Луцка. Шварценберг с австрийским корпусом отступил к Брест-Литовску, но Чичагов принудил 9 октября своего противника перейти Буг и преследовал его по направлению к Венгерову и Белостоку. На Березине должен был отрезать отступление Наполеону, однако был обманут его манёврами и потерпел неудачу. Наполеон сумел переправиться через Березину с остатками своей армии. Всю вину взвалили на адмирала. Он был отставлен, уехал из России и прожил оставшуюся жизнь за границей. Его причастность к судьбе «золота

Наполеона» не доказана. 39. 57. 66. 108. 110. 127. 132-138. 140. 148. 150. 157.

Шварценберг Карл-Филипп, герцог Крумауский, князь (1771-1820) – австрийский фельдмаршал, участвовал в войнах с Францией в эпоху республики и империи. Участвовал в кампании 1812 г. на южном фланге. Командовал союзными войсками под Лейпцигом 1813 г. 42. 48-49. 57-58. 67. 74-75. 108. 110-111. 127. 132.

Эбле Жан Батист, барон (1758-1812) – дивизионный генерал. С 1812 г. главный начальник строительства и понтонов Великой Армии. 23 июня 1812 г. в дополнение к старому мосту построил три новых моста через р. Неман. В одном из Бюллетеней Великой Армии в 1812 г. назван графом. Герой событий на Березине, когда он и его понтонеры по горло в ледяной воде восстанавливали мосты для переправы остатков Великой Армии и беженцев. За несколько дней до смерти – 18 декабря назначен главнокомандующим артиллерией Великой Армии. 41. 136.

